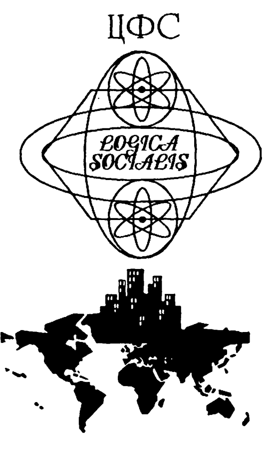
LOGICA SOCIALIS

Ирвинг ГОФМАН

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

КАНОН-ПРЕСС-Ц

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ

ERVING
GOFFMAN

THE PRESENTATION SELF IN EVERY DAY LIFE

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН
МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ИРВИНГ
ГОФМАН

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Перевод с английского А. Д. Ковалева

МОСКВА
КАНОН-ПРЕСС-Ц
КУЧКОВО ПОЛЕ
2000

УДК 316
ББК 60.55
Г57

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI — Budapest) и Института «Открытое общество. Фонд Содействия» (OSIAF — Moscow)

LOGICA SOCIALIS:
СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Серия основана в 1998 году Центром Фундаментальной Социологии и издается под общей редакцией С. П. Баньковской, Н. Д. Саркитова и А. Ф. Филиппова

Научный редактор книги М. С. Ковалева

Гофман И.

Г57 Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. — 304 с. (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).

В очередную книгу большой серии «Публикации ЦФС» (малая серия «LOGICA SOCIALIS») мы включили первый полный перевод на русский язык классической книги И. Гофмана (1922—1982) о законах и ритуалах социального поведения людей при встречах лицом к лицу. Книга дает представление о «драматургическом», или «театральном» подходе Гофмана в социологии, анализирует сценическую постановку» человеческих микровзаимодействий, приемы театрализации собственной деятельности и т. д.

Книга предназначена для социологов, социальных психологов и всех изучающих эти дисциплины.

ISBN 5-93354-006-4

УДК 316
ББК 60.55

Александр Ковалев

КНИГА ИРВИНГА ГОФМАНА «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ» И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Американский социолог, социолингвист и социальный психолог канадского происхождения Ирвинг Гофман (1922—1982) у многих обществоведов снискал репутацию хотя и признанного мастера (даже «гения») социологических микроинтерпретаций, но вместе с тем мыслителя эзотерического и уникального. В результате пишущие о Гофмане обычно преувеличивают обособленность и оригинальность его мысли. Цель данной статьи — представить Гофмана как органическую часть большой европейской и американской социально-философской и социологической традиции, проследить истоки его основных понятий, чтобы в этом контексте лучше понять его личный вклад в теоретическую социологию.

Если все же заходит речь о влияниях и ближайших родственниках «социальной драматургии» Гофмана, то чаще всего ее рассматривают как одно из поздних ответвлений «символического интеракционизма», по общему мнению, самой исконно американской из наиболее известных «школ» социологии. В начале века основоположники символического интеракционизма (хотя это название установилось гораздо позже) на свой лад совершили в американской социологии индивидуалистический и волюнтаристский поворот, подобный европейскому наступлению на позитивистскую социологию, начатому несколько раньше неокантианцами. Однако сами эти основоположники (и в частности посмертно превращенный в главный авторитет символического интеракционизма Джордж Герберт Мид) в большинстве были участниками широкого, не просто философского, но, пожалуй, общественного движения — прагматизма, идеи которого косвенно подключали их также к традиции английского эмпиризма и методологического индивидуализма XVIII в. О влиянии столпов прагматизма на Гофмана свидетельствуют хотя бы его

постоянные ссылки на тексты У. Джемса, Дж. Сантаяны периода увлечения Джемсом и других авторов того же круга. Им Гофман обязан многими своими ключевыми понятиями.

Прагматизм расходился с позитивизмом (исходя из похожих установок методологического натурализма) в основном трактовкой отношения между организмом и средой, индивидом и обществом. Настрой прагматизма сугубо активистский: человека принципиально следует рассматривать как действующий волящий субъект, а не как объект, пассивно подчиняющийся законам природы, способный лишь созерцать и научно познавать независимые от человеческой воли «объективные» процессы в природной и социальной среде. Это соответствует общей гносеологической максиме прагматизма: всякая истина есть не нейтральное состояние сознания, а состояние бытия, формируемого людьми в соответствии с поставленными целями. Хотя натуралистическая детерминация человеческих действий здесь не отрицается, исследовательское внимание переносится с фактов их зависимости от среды на свободу человека, на возможности контролирования и манипулирования им окружающей среды. Среда, особенно социальная, включает в себя другие активные организмы, и человек становится человеком в процессе взаимодействия с этой активной средой. Общество можно понять через анализ взаимодействия и взаимовлияния индивидов.

Уже у Джемса и Джона Дьюи, создателя особой разновидности прагматизма — «инструментализма», появляется знаковое для символического интеракционизма понятие «коммуникации», конкретизирующее общую идею взаимодействия и базовое в системе понятий Гофмана. В первом приближении коммуникация — это процесс передачи друг другу и, следовательно, постепенного обобществления частного опыта, идей, эмоций, ценностей и т. п. От этого активного процесса зависит формирование и отдельной личности, и общества, и социального института, организации или учреждения. Зависимость становления личности от процесса трансляции жизненного опыта другим индивидам и приема от них встречных сообщений («коммуникация» охватывает и трансляцию и прием) подразумевает теоретическое расхождение как с психологизмом, допускающим существование некоторых готовых, врожденных природных мотивов человеческого действия, независимых от социальной среды, ситуации, окружающих институтов, так и с крайним социологизмом, представляющим человека чем-то вроде tabula rasa — чистого листа, пассивно заполняемого прямыми импульсами природной и социальной среды, коллективного сознания и т. п. Зависи-

мость же формирования и функционирования общественных объединений, организаций и учреждений от процесса коммуникации проявляется в том, что их постигает окостенение, бесплодие и в конце концов распад, если они не служат делу облегчения и всяческого обогащения коммуникации между людьми.

На путях анализа и детализации этой двойной зависимости философы-прагматисты (непосредственным участником прагматического движения был Мид, при жизни никогда не называвший себя социологом) открыли на будущее теоретико-социологическое значение проблемы коммуникации. Фактически само существование общества сводилось ими к совокупности процессов коммуникации и обмена информацией, формирующих необходимую для совместной деятельности «общую собственность» (по выражению Дьюи) всех людей на более или менее одинаково понимаемые цели, взгляды, ожидания и т. п. По сравнению с контовским понятием «consensus omnium» — ключевым в старой позитивистской социологии и тоже предполагавшим общность чувств, мыслей и мнений, — здесь, на первый взгляд, произошел всего лишь перенос исследовательских интересов со статичной трактовки «консенсуса» как необходимого атрибута общества на анализ процесса формирования вышеуказанной общности. Но и это обеспечило существенное изменение исследовательской перспективы. Вместо контовско-дюркгеймовской интуиции общества как созданной прошлым, мощной, почти божественной данности, исходным стал образ общества как чего-то созидаемого по ходу дела, так сказать, ситуативно. Именно этот сдвиг положил начало своеобразному социологическому конструктивизму значительной части американского обществоведения — толкованию социальной реальности как непрерывно творимого продукта повседневных взаимодействий, смысловых интерпретаций и переинтерпретаций. Подобный подход прослеживается не только у Гофмана, но и в таких родственных ему направлениях социологии как социальная феноменология, этнометодология и т. п. Подход этот заставляет также вспомнить зиммелевскую идею «обобществления» как функциональной формы межчеловеческого взаимовлияния, в которой отдельные люди «срастаются» в то или иное общественное единство. Поэтому совсем не случайны уверения Гофмана в следовании зиммелевской традиции, как не случаен авторитет Зиммеля среди основоположников символического интеракционизма — редкое явление для представителя европейской социологии в Америке первых десятилетий XX в.

Следствием принятой столпами прагматизма и усвоенной Гофманом позиции стала чрезвычайно плюралистическая концепция общества, прекрасно вписывающаяся в джемсовскую картину «Плюралистической Вселенной» и потенциально обосновывающая его демократическую идею «многообразия религиозного опыта». Никакой единообразной организации социума не существует. Видов общественных объединений возможно столько, сколько в коммуникационном обороте вращается благ и ценностей, способных приумножаться в процессе взаимообогащающего обмена между людьми и становиться новыми точками социальной кристаллизации. Мид вообще был склонен считать проблему структуры общества (равно как и структуры личности) ложно поставленными проблемами, ибо все в мире есть непрерывное становление, так что повседневная практика и наука всегда имеют дело с процессами и никогда с застывшими состояниями.

Такая позиция запрещает рассматривать и человеческое поведение как исключительно индивидуальное достояние, и его среду как застывшую систему общественных отношений или готовых норм, к которым индивид вынужден пассивно приспосабливаться. Казалось бы личное поведение всегда разделяется другими в том смысле, что любая индивидуальная деятельность вызывает реакцию в человеческой среде в формах поощрения, протеста, присоединения, игнорирования и т. п. Эту текучесть и коллективную «делаемость», конструируемость среды прагматисты обычно выражали в понятии ситуации, входящем в систему базовых понятий Гофмана. Принципы трактовки этого понятия были заложены уже в «функциональной психологии» Джона Дьюи, которая исходила из того, что поведение человека есть ответ не на какой-либо единичный объект, стимул, событие, даже не на произвольно изолированное множество объектов или событий, а всегда на оценку ситуации в целом, опирающуюся на весь контекст накопленного и текущего жизненного опыта. От этого был только шаг до социологического понятия *определение ситуации*, введенного Уильямом Томасом (1863—1947) и виртуозно использованного Гофманом.

Томас исходил из того, что всякая конкретная человеческая деятельность оказывается развязкой какой-то конкретной ситуации, и своим термином «определение ситуации» подчеркивал, что, более или менее сознательно выбирая свои линии поведения, действующие субъекты соучаствуют в создании общих его правил на данный случай, а не просто следуют неким универсальным, безликим и обязательным нормам. Важнейшей частью ситуации для всякого действующе-

го были, по Томасу, установки и ценности других ее участников. Поэтому любую реакцию индивида на этих «других» следовало анализировать не как прямую реакцию на то что они делают и говорят, а как опосредованную реакцию на значения, приписываемые их словам и делам данным индивидуумом. Социальный мир — это прежде всего вероятностный мир значений. Гофман сочувственно цитирует мнение Томаса (см. с. 34 наст. изд.), что в повседневной жизни люди принимают решения, действуют и достигают своих целей на основе сугубо предположительных умозаключений, а не статистических и прочих научных выкладок. К примеру, никак нельзя дать научную гарантию, что гости на каком-нибудь приеме ничего не украдут, но долг гостеприимства тем не менее исполняется на основании предположения о порядочности всех приглашенных. Отсюда следует, что воображаемые, предположительные значения могут иметь самые что ни на есть реальные последствия в виде целенаправленных действий людей. Об этом говорит так называемая теорема Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям».

Теорема Томаса имеет уже прямое отношение к проблеме символизма в социальном взаимодействии, наиболее авторитетно для адептов прагматизма и символического интеракционизма разработанной Мидом. Главной темой его социальной философии был анализ перехода от простейших общественных отношений, имеющих биологическую подоплеку и использующих жестовую коммуникацию, к общественным отношениям на основе символической коммуникации. Ее возникновение и эволюцию Мид объясняет вполне «материалистически», в понятиях дарвиновской теории эволюции. Он исходит из того, что человеческое общество является продолжением и разрастанием некоторых простых и фундаментальных социо-физиологических отношений между биологическими организмами. Простейшее сотрудничество, первичные социальные акты в мире живого формируются под влиянием биологических импульсов голода и полового влечения. Самым элементарным способом взаимного приспособления действий живых организмов и их взаимовлияния на поведение друг друга становятся *жесты*. Жестом в сущности может стать любое движение организма, вызывающее приспособительные реакции со стороны других организмов. Жесты (к примеру, разнообразные инстинктивные гримасы, оскал клыков и т. п.) остаются таковыми, пока организм не сознает их более или менее точного *значения*, пока они производятся без намерения вызвать у других определенную реакцию. Пред-

видение ответных реакций на жесты свидетельствует об их подъеме на новый уровень коммуникации — уровень *значащих символов*, об их превращении в язык. Жест — явление преимущественно частное, партикулярное, символ — инструмент универсальный.

Мид последовательно реализовывал этот натуралистический подход, исследуя развитие символической коммуникации в контексте общей эволюции человека. Выделение человека из животного царства изучалось и оценивалось по нескольким взаимосвязанным критериям: развитию способности пользования значащими символами (языками), становлению абстрактного мышления (которое предполагает использование символических языков во внутреннем диалоге), возникновению и развитию личности, формированию зачатков социальной организации (то есть некоторых устойчивых институциональных рамок социального взаимодействия). Все эти критерии, в принципе, равноправны, но все-таки самой разработанной и обобщающей у Мида была картина эволюционного процесса в целом с точки зрения формирования и социального функционирования личности. Описанные Мидом механизмы этого функционирования во многом стали источником системы понятий в гофмановской социальной драматургии и потому заслуживают краткого обзора.

Как и у всех прагматистов личность по Миду — это не какая-то неизменная структура, а непрестанный процесс. В отличие от контовско-дюркгеймовской традиции Мида занимает не проблема усвоения индивидом готовых социальных норм, а проблема приобретения им способности к самостоятельной оценке собственного поведения и деятельности, приобретения личности. Личность имеет социальное происхождение. Ее формирует *диалог*. Разговор с другими учит умению разговаривать с самим собой, учит мыслить, ибо мышление есть по сути «внутренний диалог». Мид стоит на аристотелевских позициях первичности социального опыта: индивид обретает в себе партнера, вырабатывает самовосприятие не прямо, а опосредованно, воспринимая точку зрения других членов социальной группы, к которой принадлежит, либо некую обобщенную позицию этой группы в целом. Благодаря усвоению истинных или воображаемых установок других в отношении себя, человек научается смотреть на себя и соответственно действовать «объективно» и тем самым становится полноценным «субъектом» социального действия. Человек как продукт биосоциальной эволюции — это организм, обретший личность, то есть способный воспринимать и сознавать самого себя, способный регулировать свое поведение, изменяя его

установки в процессе внутреннего диалога, саморефлексии. Человек как личность приобретает способность интериоризировать социальное действие, иными словами, превращать образцы реакций «других» на ту или иную ситуацию в собственные внутренние мотивы к действию.

Важнейший механизм этой интериоризации Мид называет *принятием (на себя) ролей (role-taking)*. Индивид выступает в ролях других людей перед самим собой, в каждой воображаемой ситуации как бы разыгрывая определенную роль перед определенной воображаемой аудиторией, шаг за шагом обдумывая, как будут те или иные зрители реагировать на его исполнение, и в зависимости от выводов относительно ожидаемой реакции выбирая будущую линию реального поведения. Существуют два разных вида принятия ролей, характеризующие две фазы в развитии личности. В первой индивид примеривает на себя роли и подражает поведению конкретных лиц (родителей, ближайших родственников, домашнего доктора, повара и т. п.). Происходящие при этом психические процессы напоминают некоторые явления переноса, описанные в психоанализе. Во второй фазе социально-психологические установки других людей подвергаются генерализации, появляется *«обобщенный другой»* (the generalized other), представляемый в понятиях «народ», «мораль», «Бог», «общество» и т. д. Обобщенный другой ассоциируется с формированием всеобщих абстрактных правил поведения, исполнение которых поддерживает существование данного сообщества как целого.

В этой мидовской схеме уже просматривается основная идея театрального подхода Гофмана к анализу форм и ритуалов межличностного взаимодействия. Но ключевая в этом анализе концепция социальной личности имеет гораздо более глубокие корни, чем только в философии Мида. В рамках прагматистского движения близка к мидовской схема формирования личности Чарлза Кули (1864—1929), известная как концепция «зеркального *Я*» (looking-glass-self). Кули имел в виду, что человек научается владеть своим Я, всматриваясь в свое изображение в зеркале других людей, воображая, как видят его эти другие, и соотнося собственные представления о себе с представлениями, приписываемыми им людям, с которыми сводит его жизнь. По сравнению с Мидом у Кули дана лишь общая постановка проблемы. Сама же эта постановка восходит к гораздо более интересной и глубокой трактовке родственной проблемы согласования личного и общественного блага у Адама Смита в его главной книге «Теория нравственных чувств» (1759).

Прародительницей всех построений, подобных схеме «зеркального *Я*»,была смитовская концепция «симпатии» и «беспристрастного наблюдателя» (impartial spectator). Смит прямо использовал метафору «зеркала», рассуждая о воспитательном воздействии общества на личность. Если вообразить человека, выросшего в изоляции, без всякого сообщения (коммуникации) с себе подобными, то такой человек был бы не способен судить ни о собственном характере, ни о добре либо зле в своих мыслях, чувствах и поведении, ни даже о своей внешности. Только общество подносит индивиду зеркало, в котором он в состоянии увидеть и оценить эти сами по себе безразличные свойства. В природе человека, по Смиту, заложено, во-первых, естественная для каждого способность симпатии (сочувствия) другим людям, в основном выражаемая в сочувственном понимании их чувств, которые предположительно являются мотивами соответствующих поступков; и, во-вторых, способность оценивать собственные действия, воображая, как отнесся бы к ним и к их побудительным мотивам беспристрастный наблюдатель, наделенный той же естественной симпатией к другому и на ее основе склонностью к моральным оценкам. Смит буквально предвосхитил мидовскую формулу «обобщенного другого», утверждая, что человек несет общество в себе, принимая обобщенные нормы, оценки и чувства других людей как часть самого себя.

Беспристрастный наблюдатель проявляет себя в жизни, так сказать, в двух ипостасях. Первая — это «внутренний наблюдатель», который по-русски называется совестью. В совести как внутреннем наблюдателе представлены не только нравственные нормы, сложившиеся в ходе естественной эволюции человечества и одобряемые большинством современников, входящих в один культурный круг, но и трансцендентные моральные нормы, отражающие веру в высшую справедливость, хотя бы за гробом, и тем духовно соединяющие отдельного человека с Богом, дающие ему силы следовать абсолютным принципам поведения независимо от эмпирических разочарований в жизненной справедливости. Вторая ипостась беспристрастного наблюдателя — это рынок, честное зеркало, в котором отражается и получает оценку нужда каждого отдельного человека в других прежде всего с целью удовлетворения своих материальных потребностей, а не только для получения морального одобрения своего поведения. Рынок — это зеркало, которое правдиво показывает каждому, нужна ли вообще и насколько нужна его деятельность обществу, и по которому индивид корректирует каче-

ство и назначаемую цену своей работы. В изоляции, без взаимодействия с ближними все это невозможно. В рыночных отношениях моральный принцип взаимной симпатии проявляется в экономической форме взаимовыгодного обмена, который в принципе остается нравственным, ибо удовлетворяет естественное стремление человека к собственному благу при сохранении благожелательного отношения к другим, а что естественно — то справедливо. Элементарные отношения взаимности и обмена служат исходным пунктом в анализе справедливого хозяйственного устройства, чему посвящена самая знаменитая книга профессора моральной философии Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Следствием этих с виду простых соображений о природе человека была номиналистская концепция общества как непреднамеренного порядка взаимодействий преимущественно свободных производителей и продавцов, которые несмотря на своекорыстные интересы, способны сосуществовать друг с другом благодаря снисходительному чувству взаимной симпатии. Это чувство можно испытывать только к другому человеку, но не к обществу как некоему абстрактному целому.

Такое обширное историческое отступление о взглядах Смита понадобилось, чтобы показать на их фоне ограниченность вроде бы похожей «коммуникационной» трактовки общества у символических интеракционистов и прагматистов, ограниченность, не признаваемую большинством из них, но, как мы увидим позже, хорошо сознаваемую Гофманом. В фундамент, на котором должна была строиться теория общества, Смит заложил философские принципы и измерения «человеческой природы», не исчерпаемые по открывающимся перспективам интерпретаций. Недаром на Смита, моралиста и экономиста в одном лице, ссылаются и социологи-эволюционисты, сторонники эволюционной этики, которые уверены, что мораль вырабатывается человечеством на историческом опыте разных этносов методом проб и ошибок; и те, кто верит в изначальную «естественную гармонию» и скрытую мудрость Провидения, без которого человек бессилен и которое без ведома людей компенсирует издержки индивидуальной свободы; и многочисленные школы неоклассической и неолиберальной экономики; и те, для кого экономика и социология — ценностно-нейтральные, натуралистические по методу науки; и защитники морального статуса этих наук. Главное, что Смит подверг анализу не только элементарные духовные основы общества, но и спонтанно возникающие со

временем объективные социальные отношения и феномены высших уровней сложности, вроде процессов самоорганизации рыночного порядка, которые он описывал, прибегая к метафоре «невидимой руки». Основной же недостаток символического интеракционизма на этом фоне заостренно выявил Кули с его склонностью совершенно дематериализовывать общество, толкуя социальное взаимодействие преимущественно как игру людских воображений друг о друге. Человек непосредственно существует для другого человека лишь как воображаемая сущность, воздействующая на его разум. В прямых общественных контактах и отношениях с другими воображение данного лица участвует как реальное лицо. Поэтому общество как непосредственная конкретная данность существует в головах в виде совокупности отношений между воображениями о ближних.

Хотя Мид обозвал подобную позицию «социальным солипсизмом», но его «обобщенный другой» — тоже всего лишь зачаток обычного «среднесоциологического» понятия общества, даже потенциально не способный отобразить многие важнейшие и определяющие его отношения. К примеру, коммуникационная схема, неявно предполагающая взаимодействие индивидов на принципах полного равенства и добровольности участия, еще позволила Миду от понятия обобщенного другого прийти к обедненному понятию «социального контроля», отождествленного с самоконтролем, но такому асимметричному отношению между людьми как власть (этому реальнейшему средству социального контроля) просто нет места в данной теоретической схеме. Термин «общество», без разбора относимый Мидом ко всем ситуациям, где наблюдается какое-то взаимодействие между индивидами, невольно навязывал ложное представление о принципиальной однородности систем социальных взаимосвязей в этих ситуациях. В конечном счете преодоление «социального солипсизма» Кули свелось у Мида к потенциальному расширению границ общества по мере увеличения радиуса действия всех видов коммуникации и, следовательно, к расширению возможностей принятия на себя ролей лиц не только из ближайшего окружения, но и далеких в пространстве и времени.

Вероятно, самым логичным следствием таких предпосылок об универсальном и единообразном социальнопорождающем эффекте коммуникации было бы простое и популярное истолкование ее составляющих в духе Дюркгейма: «обобщенного другого» как аналога дюркгеймовских «коллективных представлений», «принятия ролей» как аналога процесса их

усвоения и воспитания социального конформизма. Однако сам Мид не хотел довольствоваться такой простой схемой отношений между индивидуальным и общественным и на манер психоанализа (но независимо от него) различал в личности *(Self)* — активном участнике и одновременно продукте и объекте воздействия процесса коммуникации — две непрерывно взаимодействующие динамические подсистемы ее элементов: так сказать, индивидуалистскую ипостась социальной личности, обозначенную английским личным местоимением первого лица единственного числа *I*, и коллективистскую ипостась, обозначенную косвенным падежом того же местоимения — *Me*. *Me* — это стандартная, традиционная часть личности, это организованная совокупность общепринятых в данной социальной группе установок, навыков, обычаев, реакций других людей, усвоенных данным индивидом. Но на эту необходимую стандартную составляющую, которая позволяет человеку быть членом коллектива, индивид реагирует как индивидуальность, как *I*. Следовательно *I* обозначает все проявления самовыражения, неповторимого творческого ответа уникального биологического организма и уникального внутреннего мира данного индивида на установки других людей в организованном сообществе.

По-видимому, мидовское *I* должно было служить неким социально-психологическим эквивалентом философского понятия свободы воли. В неустанной внутренней борьбе между *Me* и *I*, между конформистским стремлением к коллективной безопасности и активистской жаждой нового опыта определяется степень свободы социальных действий индивида. Но откуда же берутся противоречия между *Me* и *I*, коль скоро обе подсистемы компонентов личности одинаково имеют социальное происхождение? Каковы социальные источники этих противоречий? Каковы социально приемлемые границы индивидуальной свободы? У Мида вряд ли найдешь ответы на подобные вопросы. С этой целью лучше уж вернуться к Смиту.

Конечно, его общее религиозное решение проблемы свободы сегодня мало кого устроит. Смит не боялся свободы человека прежде всего потому, что верил в провиденциальную гармонию действий свободных людей. Свободный выбор по совести, под контролем этого беспристрастного внутреннего наблюдателя, был для него естественно-божественным условием развития общества. Но к Смиту апеллирует и вполне научное объяснение неолибералом и неоэволюционистом Ф. А. Хайеком внутриличностных противоречий между субъективной жаждой неограниченного «самовыражения» и со-

циально-выигрышной позитивной свободой, в которой так или иначе отражена объективная истина экономических и других законов человеческого общежития. Хайек по-новому развил мысль шотландских моралистов (среди которых звездой первой величины был Адам Смит) о том, что человек постоянно живет в двух разных мирах: микрокосме (то есть малых или, по Кули, «первичных» группах типа семьи, различных общинах и т. д.) и макрокосме (цивилизации, мировой системе, рыночном порядке — словом, том, что Хайек обобщенно называет «расширенным порядком человеческого сотрудничества»).

В этих мирах действуют разные системы правил и координации поведения. В интимных кругах общения в человеческом поведении гораздо больше простора для прямого проявления чувств и инстинктов и для сознательного сотрудничества лично знакомых людей, объединяемых совместным преследованием конкретных единых целей. В макросистемах действуют безличные, единые для всех абстрактные правила поведения и запретительные традиции морали, которые определяют узаконенные границы свободы и прав индивида, позволяют ему ставить свои собственные цели и принимать личные решения. Эти правила и традиции не выбираются людьми сознательно. Они развиваются в ходе эволюционного межгруппового естественного отбора и прививаются членам групп (выживших и распространивших свое влияние благодаря найденному особенно счастливому сочетанию моральных традиций) посредством культурных механизмов подражания, воспитания, обучения и всех прочих разновидностей межчеловеческой коммуникации. Дисциплина безличных правил, навязываемых всяким самоподдерживающимся «расширенным порядком» помимо воли и желаний его участников, часто вызывает подсознательную ненависть к себе с их стороны. Но только в рамках такой общей для всех дисциплины возможно мирное сосуществование индивидуальных свобод. Конфликт между абстрактными трудно прививаемыми правилами поведения и тем, что инстинктивно нравится, прежде всего в стихийном общении в малых интимных содружествах людей, не только, как утверждает Хайек, «главная тема истории цивилизации», но и, добавим мы, глубинная причина тех внутриличностных противоречий, которые проявляют себя в житейском лицедействе и напяливании разнообразных масок в межчеловеческих контактах, каковые феномены всю жизнь изучал И. Гофман.

Принципиальное различение микро- и макрокосма, всяческих содружеств индивидов, поддерживающих между со-

бой личные контакты, и миллионноголовых анонимных порядков, конечно, не единоличное первооткрытие Хайека. Но он наиболее настойчиво и обоснованно доказывал методологическую и теоретическую порочность именования двух совершенно разных по типу связей миров одинаковым термином «общество». Такая практика ведет к попыткам объяснять и строить «расширенный порядок» по образу и подобию милой сердцу первоначальной интимной группы или социальной среды, в которой в самом впечатлительном возрасте жил человек. «Невразумительный» в силу своей многозначности термин «общество» лучше все же применять только к расширенным порядкам человеческого сотрудничества. Как кажется, именно пренебрежение указанным различением, стимулируемое универсальностью применения категории коммуникации, в значительной мере виновно в характерной для многих символических интеракционистов розовой картине общества, держащемся чуть ли не целиком на духовном взаимодействии. Среди них Гофман выделялся ясным пониманием теоретических последствий вышеописанного различения и сознательным ограничением своей главной научной задачи.

Гофман принял основные принципы символического интеракционизма для анализа социальной деятельности. В их число входило и выраженное незадолго до смерти в президентском послании 1982 года к Американской социологической ассоциации убеждение, что общественную жизнь надо изучать «натуралистически», в манере естественных наук и под углом зрения вечности. К Миду восходит и выдвижение Гофманом физического взаимодействия человеческих биологических тел в качестве структуры нижнего уровня, из которой вырастают все другие. Сохранилась у него и прагматистская трактовка социотворческого процесса в категориях деятельности отдельных людей, вынужденных решать очередные проблемы в очередных ситуациях, самостоятельно находя новые средства их переопределения и контроля над ними. Не был оспорен и тот руководящий методологический постулат символического интеракционизма, согласно которому все факты и значения, которыми занимается социолог, должны находить объяснение в рамках процесса социального взаимодействия как конечной инстанции. Под этим подразумевается запрет смотреть на взаимодействие лишь как на средство, через которое на его участников воздействуют какие-то внешние самому взаимодействию силы. И, разумеется, подавляющая часть человеческих взаимодействий имеет символический характер в том смысле, что большинство реакций ин-

дивидов на других опосредовано фазой интерпретации, рефлексии и саморефлексии, на которой выясняется значение предмета взаимодействия для каждого из его участников. Но если очень многие символические интеракционисты до сих пор наивно полагают, что вышеперечисленных общих принципов достаточно для построения теории общества в целом, то Гофман сознательно использовал их для микроанализа особой реальности, возникающей только в социальных ситуациях, где участники находятся в физическом присутствии друг друга и имеют возможность непосредственно (хоть и на базе выработанных в предыдущем и текущем личном опыте смысловых интерпретаций) реагировать на действия других. Эту реальность Гофман называл (по собственному признанию, «за неимением более удачного термина») «порядком взаимодействия». Таково заглавие его вышеупомянутого президентского послания. Следовательно, «порядок взаимодействия» надо разуметь как порядок взаимодействия лицом-к-лицу, а употребляемый им тоже без уточнения термин «социальное взаимодействие» в большинстве случаев означает в его текстах социальное взаимодействие лицом-к-лицу.

«Порядок взаимодействия» рассматривается Гофманом как содержательно самостоятельная и полноправная область исследований. Ее самостоятельность доказывается хотя бы тем, что с принятием этого исходного пункта теоретизирования, то есть непосредственного взаимодействия индивидов, становятся маловажными фундаментальные дихотомические различения традиционной «большой социологии», обычно противопоставляющие контрастные типы социальных отношений. В самом деле, формы и ритуалы, допустим, вежливого обращения при прямых контактах как таковые можно изучать за домашним столом и в судебных залах, в семейной спальне и в супермаркетах, то есть независимо от традиционных противопоставлений Gemeinschaft и Geselschaft, личного и безличного, домашнего и публичного, городского и деревенского и т. п. Но в то же время хайековский «расширенный порядок» несомненно и многообразно влияет на порядок прямого межличностного взаимодействия. К примеру, в своей самой популярной книге «Представление себя другим в повседневной жизни», анализируя девичьи спектакли притворной глупости перед ухажерами, Гофман советует не забывать, что в глупеньких играют именно американские девушки из американского среднего класса. Но проблема связей «порядка взаимодействия» с разными структурами общественных отношений в каждом случае требует особого и конкретного исследования.

Существует, однако, один, особо не оговариваемый, общий контекст, без учета которого нельзя как следует понять ни подхода Гофмана к социальным микросистемам взаимодействия, ни, шире, социальной философии американского прагматизма. Этот контекст — ментальность гражданина демократического общества, своего рода стихийно-наивная плюралистическая онтология социума, основанная на благополучном опыте этого гражданина. В несколько другой связи уже упоминалось о плюралистической вселенной У. Джемса, где допускается столько центров организации, сколько имеется самосознающих воль. С этой общей предпосылкой более или менее согласуется джемсовская концепция множественности социальных личностей, или социальных *Я* (social selves) человека, наиболее простая и логичная из всех прагматистских конструкций на ту же тему, к тому же сыгравшая по отношению к ним роль первоисточника. Так как прагматизм принципиально отвергает любую монистическую субстанциальность сознания, то логичным выглядит тезис о непрерывном процессе производства в социуме личного самосознания благодаря взаимодействию с другими людьми. Важный элемент этого взаимодействия — ожидания и оценки этих других, обращенные к действующему субъекту и становящиеся частью его внутренней мотивации. Поскольку человек, как правило, участвует во множестве разных групп, то он имеет столько же разных социальных *Я*, сколько существует групп, состоящих из лиц, чьим мнением он дорожит. Каждой из этих групп человек показывает разные стороны своей личности. Таким образом, взаимодействие происходит не столько между индивидами как субъектами, целостными неделимыми личностями, сколько между разными социальными ликами индивидов, как бы между изображаемыми ими персонажами. Недаром Джемс считается основоположником оформившейся позднее теории ролей. Вынужденные напяливать на себя разнообразнейшие социальные личины, соответствующие повседневным ожиданиям массы носителей демократического коллективного сознания, многочисленные «субъектные *Я*», наделенные деспотической волей к прагматическому и утилитарному преобразованию своей социальной среды, усмиряются и нейтрализуют друг друга. Все устраивается к лучшему в демократическом мире.

Гофман принял концепцию социальной личности Джемса в качестве отправной точки в своем анализе микросистем взаимодействия. Именно это доказывает, что по своим интересам он был социологом, а не экзотическим «глубинным пси-

хологом», каким его иногда изображают*. Вместе с Джемсом, Робертом Парком и многими другими Гофман желает изучать эти маски, личины социальных актеров, которые в конце концов прирастают к лицу и становятся их более подлинными *Я*, чем то воображаемое *Я*, каким хотят быть эти люди. Маска, роль оправдывается жизнью. Понятие человека о своей роли становится второй натурой и частью личности. Если иногда Гофман заговаривает о «рассогласовании нашего природного Я и нашего социального Я», то размышляет он об этом не в категориях противопоставления биологически прирожденного и социально благоприобретенного, а скорее в категориях разных социальных требований, предъявляемых в разных кругах общения. В одних от нас ожидают известной «бюрократизации духа» и дисциплины действий независимо от телесных состояний, в других есть место для проявлений импульсивности и зависимости результатов нашей деятельности от плохого самочувствия.

В книге, предложенной в настоящем издании читателю, Гофман еще сузил и уточнил свою главную исследовательскую задачу. Он сосредоточился на «драматургических», или «театральных» проблемах участника микровзаимодействия, представляющего свою деятельность другим. При этом конкретное содержание этой деятельности или ее ролевые функции в работающей социальной системе не рассматриваются. Чтобы лучше понять гофмановскую постановку проблемы, можно сопоставить ее с аналогичными идеями «философии поступка» М. М. Бахтина. Бахтин рассматривал человеческий поступок как некий потенциальный текст, смысл которого может быть понят только в контексте своего времени. Этот контекст Гофман временно выносит за скобки. Но продолжая свою мысль, Бахтин говорит о том, что даже физическое действие человека должно быть понято как поступок, однако поступок нельзя понять вне его возможного знакового выражения. Вот эта знаковая оснастка, знаковый инструментарий деятельности, представляемой другим, и интересует Гофмана больше всего.

С расширением перспективы та же задача формулируется как задача изучения социальных микрообразований, организаций, учреждений — словом, любых обособленных социальных пространств, в которых осуществляется определенного

---

* Например, в единственной известной нам на русском языке монографии о Гофмане (*Кравченко Е. И.* Эрвин Гоффман. Социология лицедейства. М.: МГУ, 1997), где гофмановское «self» местами толкуется сомнительным образом как «глубинная самость».

рода деятельность, с точки зрения управления создаваемыми там впечатлениями и определения ситуации. Описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данной относительно закрытой микросистеме, затруднений в этом деле, главных его исполнителей и исполнительских команд, организующихся на этой почве и т. д., и т. п. — все это Гофман выделяет в особый ***драматургический подход***. По его замыслу, он должен дополнить традиционные перспективы социологического анализа социальных формирований: техническую (с точки зрения организации в них деятельности для достижения определенных целей); политическую (с точки зрения асимметричного социального контроля над распределением ресурсов деятельности и применением власти); структурную (проясняющую совокупность горизонтальных и вертикальных отношений между действующими единицами); культурную (с точки зрения моральных и иных общекультурных ценностей, влияющих на характер деятельности в данном социальном пространстве).

Драматургический подход должен располагать своей особенной, «ситуационной», системой понятий в силу внутренней диалектики развития форм социальной жизни лицом-к-лицу и особого статуса времени в этих формах. Относительно короткая протяженность во времени и пространстве составляющих их событий позволяет людям собственными глазами следить за ходом этих событий от начала до конца. По причине наглядной обозримости такие формы легче осваиваются и повторяются людьми (в этом освоении велика роль «эмпатии» — вживания в мир субъективных чувств партнеров), а по причине быстротечности этих форм разнородные во многих отношениях участники вынуждены быстро достигать рабочего взаимопонимания.

Все они входят в текущую социальную ситуацию с каким-то жизненным опытом общения с разными категориями людей и с массой культурных предпосылок, предположительно разделяемых всеми. Фактически в любой микросистеме взаимодействия лицом-к-лицу люди вступают с другими непосредственно присутствующими участниками в культурно обусловленные познавательные отношения, без которых было бы невозможно упорядочение совместной деятельности ни в словесных, ни в поведенческих формах. Основной ситуационный термин для анализа человеческой деятельности в гофмановской социальной драматургии — ***исполнение*** (performance) — обозначает все проявления активности индивида или «команды» индивидов за время их непрерывного при-

сутствия перед конкретными зрителями (какой-то житейской «аудиторией»). Первоначально все эти проявления деятельности, охватываемые термином «исполнение», ориентированы на реализацию чисто рабочих задач. Но дальше начинает действовать диалектика всякого социального взаимодействия, приводящая в конце концов к частичному или полному превращению «нормальной» рабочей деятельности в деятельность представительскую, ориентированную на задачи коммуникации и наиболее эффективного самовыражения.

Входя в незнакомую ситуацию со множеством участников, человек обычно стремится как можно полнее раскрыть ее действительный характер, чтобы со знанием дела соответствовать ожиданиям присутствующих. Но информации об их подлинных чувствах по отношению к нему, об их прошлом социальном опыте и т. п. обычно не хватает. И тогда для предвидения развития ситуации приходится пользоваться заменителями: случайными репликами, проговорками и оговорками как в психоанализе, статусными символами, материальными знаками социального положения и т. д. В результате всякий исполнитель в ситуации взаимодействия сталкивается с парадоксом: чем больше интересуешься реальностью, недоступной прямому восприятию, тем большее внимание надо уделять внешним проявлениям, видимостям, впечатлениям, которые другие участники создают во время взаимодействия о своем прошлом и о будущем курсе действий.

В этом взаимном процессе производства впечатлений (и тем самым «самовыражения» участников) Гофман выделяет два различных вида коммуникации (знаковой активности): *произвольное самовыражение*, которым люди *дают* информацию о себе в общезначимых символах, и *непроизвольное самовыражение*, которым они *выдают* себя (например, нечаянно выдают каким-то жестом свое не достаточное для декларируемых претензий на определенный социальный статус воспитание). Второй вид коммуникации — обычно непреднамеренный, невербальный и более театральный — интересует Гофмана в первую очередь. Но при использовании обоих каналов коммуникации действуют объективные ограничения непосредственного взаимодействия между людьми (необходимость выпячивания одних фактов и сокрытия других, идеализация и т. д.). Эти ограничения влияют на его участников и преобразуют обыкновенные проявления их деятельности в театрализованные представления. При этом вместо простого исполнения рабочей задачи и свободного проявления чувств люди начинают усиленно изображать процесс своей деятель-

ности и передавать свои чувства окружающим в нарочитой, но приемлемой для других форме.

Именно поэтому в ход идет язык театрального представления, спектакля. Гофман говорит о «переднем плане» (front) исполнения как о той его части, которая регулярно проявляется в устойчивой форме, определяя ситуацию для наблюдающих это исполнение. Говорит об «обстановке», «декорациях» исполнения, пространственной расстановке участников взаимодействия, о разделении сценического пространства житейских игр на заднюю (закулисную) зону, где готовится безупречное исполнение повседневных рутинных действий, и переднюю зону, где это исполнение представляют другим. Гофман вводит и аналог театральной труппы — понятие команды исполнителей, соединяющих свои усилия на время существования данной микросистемы взаимодействия, чтобы представить присутствующим (аудитории) свое определение ситуации. «Команда» — очередное «ситуационное» понятие, используемое Гофманом вместо обыкновенного «структурного» понятия «социальная группа». Команда — тоже группировка, но не в контексте исторически длительных и устойчивых отношений социальной структуры или организации, а в контексте очередной постановки какого-либо рутинного житейского взаимодействия или ряда таких взаимодействий, где надо насадить и удержать нужное определение ситуации. Это определение включает рабочее соглашение (консенсус, согласие) о необходимом «командном этосе», который должен поддерживаться молчаливо принимаемыми правилами вежливости и приличия. Главная задача команды — контролировать впечатления от исполнения, в частности охраняя доступ в его закулисные зоны, чтобы помешать посторонним видеть не предназначенные им секреты представления. Эти секреты от публики (аудитории), которая могла бы разоблачить и сорвать житейский спектакль, известны всем исполнителям в команде и охраняются ими сообща. Поэтому в отношениях членов команды обычно развиваются особая солидарность и дружеская фамильярность посвященных.

Но, как не раз подчеркивает в своей книге Гофман, язык театральной сцены не самоцель и не еще одна иллюстрация превратившейся в банальность шекспировской метафоры «весь мир — театр, а люди лишь актеры на подмостках». Педалирование сценических аналогий, по собственному признанию Гофмана, было для него в значительной мере риторической уловкой и тактическим маневром. На самом деле его не интересовали элементы театра, которые проникают в повседнев-

ную жизнь и обильно представлены в его книгах. Его исследовательская задача — это выявление той структуры социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми и, шире, той структуры явлений общественной жизни, которая возникает каждый раз, когда какие-либо лица физически соприсутствуют в ограниченном пространстве их взаимодействия. Ключевой фактор в этой структуре — поддержание какого-то определения ситуации, которое должно быть выдержано до конца вопреки множеству потенциальных опасностей, со всех сторон грозящих ему подрывом. Как мы уже знаем, Гофман дает системе отношений, характеризуемых этой искомой структурой, условное сокращенно-обобщенное название «порядок взаимодействия».

Этот «порядок», складывающийся в жизни, отнюдь не театр, хотя имеет с ним то общее, что втянутые в жизненную ситуацию обыкновенные люди, чтобы выдержать ее первоначально избранное определение, реально используют те же технические приемы и средства самовыражения, какие находятся в распоряжении профессиональных актеров. Но гофмановский анализ «порядка взаимодействия» не сводится к выявлению форм и ритуалов его театрализации и представительского обмана. Коммуникационные акты, даже совершаемые с целью приукрашенного представления своей деятельности, подразумевают определенные моральные отношения с аудиторией. Впечатления, производимые участниками коммуникации, все их нечаянные гримасы, непроизвольные жесты и «словесные жесты» (выражение Мида) истолковываются как скрытые обещания или претензии. А это уже материал для моральных суждений. Исполнители и публика, перед которой они стараются, действуют так, как будто между ними существует молчаливое обязательство поддерживать определенное равновесие противостояния и согласия. Это равновесие держится на часто бессознательном моральном познавательном соглашении не вводить друг друга в заблуждение слишком сильно, ибо производимые людьми впечатления — это, порой, единственный путь познания другого, его намерений и деятельности.

В общем, структура «порядка взаимодействия» формируется под влиянием противоположных сил, действующих на исполнителей. С одной стороны, их повседневная жизнь опутана моральными ограничениями, так что они субъективно и объективно пребывают в сфере моральных отношений. С другой стороны, каждый человек в круговороте повседневных дел рано или поздно сталкивается с ситуацией, когда для

пользы дела требуется сконцентрировать и немножко подправить впечатления (то есть прибегнуть к манипуляции ими), производимые его действиями на других. Деловые действия по сути превращаются тогда в «жесты», адресованные аудитории. Жизненная практика человека театрализуется. И здесь его в первую очередь начинает интересовать по своему существу аморальная проблема создания видимости, убедительного для других впечатления, будто в его действиях соблюдены все нормы морали и законности. Именно поэтому повседневная жизнь часто делает из обыкновенных людей искушенных знатоков сценического мастерства.

Все сказанное еще раз подтверждает обоснованность выделения Гофманом «порядка взаимодействия» как самостоятельной области социологического исследования. В принципе, основное, что он хочет узнать об этом «порядке», сводится к вопросу о том, какого рода впечатления от реальностей и случайностей всякого непосредственного социального взаимодействия способны разрушать впечатления, тщательно насаждаемые и воспитываемые в рядовых представлениях-спектаклях повседневной жизни. Внимание Гофмана сосредоточено в основном на путях и причинах подрыва взаимного доверия людей к получаемым ими в ходе совместной деятельности впечатлениям, а не на проблеме природы социальной реальности как таковой. Поэтому он уделает столько места и времени замаскированным ложным представлениям и техническим приемам дезинформирующей коммуникации, всякого рода двусмысленностям и умолчаниям, позволяющим создать выгодную иллюзию, не опускаясь в то же время до прямой лжи, весьма уязвимой для разоблачений. Точно так же анализируются им изощренные защитные приемы, оберегающие от подобных разоблачений избранную линию поведения и «темные секреты» командных и индивидуальных исполнений. Успех этих приемов возможен опять-таки при определенной моральной дисциплине исполнителей, которую Гофман характеризует словосочетаниями «драматургическая верность», «драматургическая осмотрительность» и т. д.

Уже говорилось, что осознание Гофманом специфики «порядка взаимодействия» как самостоятельной области исследований, потребовало для его анализа разработки специального аппарата «ситуационных» понятий. К ранее упомянутым терминам можно добавить такие детализирующие и аналитически расчленяющие основное понятие «исполнение» термины, как *контакт* (любое событие в зоне возможной прямой ответной реакции другого); почти синоним контакта *еди-*

личное взаимодействие (все проявления взаимодействия в отдельном эпизоде); *партия, рутина* и др. В принципе возможно связать эти ситуационные термины с общепринятыми в социологии структурными. Так, если «социальная роль» — это свод прав и обязанностей, сопряженных с определенным статусом, то одна социальная роль может включать больше чем одну партию, понимаемую как рутинный образец действия, который разыгрывается перед аудиториями одного и того же типа. Однако общая проблема нахождения точек соприкосновения между гофмановским «порядком взаимодействия» и традиционно выделяемыми социологией элементами социальной организации чрезвычайно сложна и едва затронута Гофманом в разных его трудах. Его описания прямых влияний «ситуационных эффектов» и определенных характеристик «порядка взаимодействия» на макромиры вне сферы последнего касаются сравнительно малозначительных явлений. К примеру, в упоминавшемся ранее президентском послании он пытается установить некоторые связи между порядком прямого межличностного взаимодействия и главными статусоопределяющими характеристиками индивидов в «большой» социальной структуре: возрастом, гендерной принадлежно-стью, социальным классом и расой. Все это весьма ограниченные попытки.

В целом же Гофман, по-видимому, придерживается мнения, что социальная микросистема взаимодействия лицом-к-лицу не может быть прямым отражением макросоциологических структур и законов, так что о последних трудно судить на основании законов микросоциологии. Похоже, что опыт Гофмана подрывает надежду на исполнение заветной мечты теоретиков социологии — построить мост между наблюдениями и обобщениями на уровне повседневных житейских ситуаций и историческими обобщениями макросоциологии, причем построить не в форме интуитивных прозрений и поверхностных метафор, а в виде лестницы строгих понятий, включенных в общую теоретическую систему. Кажется, из чтения Гофмана надо сделать вывод, что лучше эти разные миры, то есть микровзаимодействия («сценическую постановку» которых он так хорошо проанализировал) и макроструктурные процессы, исследовать по отдельности. Это не мешает нам ценить тончайшие «художественные» наблюдения, схватывающие взаимопроникновение двух миров, в изобилии рассыпанные в книгах Гофмана.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

«Маски суть застывшие выражения и превосходные эхо-сигналы чувств, одновременно правдивые, сдержанные и преувеличенные. Живые организмы, соприкасаясь с внешней средой, вынуждены обзаводиться какой-то защитной оболочкой, и никто не протестует против таких оболочек на том основании, что они, мол, не главные их части. Однако некоторые философы, по-видимому, досадуют на то, что образы не вещи, а слова не чувства. Слова и образы подобны раковинам, таким же неотъемлемым частям природы, как и субстанции, которые они покрывают, но больше говорящим глазу и больше открытым для наблюдения. Этим я не хочу сказать, будто субстанция существует ради видимости, лица ради масок, страсти ради поэзии и проявлений добродетели. Ничто не возникает в природе ради чего-то другого: все такие фазы и произведения равно включены в круг бытия...»

Дж. Сантаяна
Santayana G. Soliloquies in England and later soliloquies. L.: Constable, 1922.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга представляется мне чем-то вроде учебника, где подробно разбирается один из возможных социологических подходов к изучению социальной жизни, особенно той ее разновидности, которая организована в ясных материальных границах какого-либо здания или заведения. В ней описано множество приемов, в совокупности образующих методический каркас, который можно применять при изучении любого конкретного социального уклада, будь то семейного, промышленного или торгового.

Подход, развиваемый в данной работе, — это подход театрального представления, а следующие из него принципы суть принципы драматургические. В ней рассматриваются способы, какими индивид в самых обычных рабочих ситуациях представляет себя и свою деятельность

другим людям, способы, какими он направляет и контролирует формирование у них впечатлений о себе, а также образцы того, что ему можно и что нельзя делать во время представления себя перед ними. Применяя эту модель, я буду стараться не пренебрегать ее очевидной недостаточностью. Сцена представляет зрителю события правдоподобно выдуманные; жизнь, предположительно, преподносит нам события реальные и обычно неотрепетированные. Еще важнее, вероятно, то, что на сцене актер играет в маске некоего персонажа, сообразуясь с масками, изображаемыми другими актерами. Существует и третий участник представления — публика (или аудитория), участник очень важный и тем не менее такой, которого не было бы там, если бы сценическое представление вдруг стало реальностью. В действительной жизни эти три участника сжаты в два: роль, которую играет один, приспосабливается к ролям, исполняемым другими присутствующими и эти другие составляют также и публику. Прочие несоответствия театрального подхода реальным обстоятельствам будут рассмотрены позже.

Иллюстративные материалы, использованные в этом исследовании, смешанной природы: какие-то взяты из вполне почтенных работ, где сделаны компетентные обобщения о надежно установленных закономерностях; какие-то позаимствованы из неофициальных мемуаров, писанных разными колоритными личностями; многие же принадлежат некой промежуточной области. Кроме того довольно часто привлекались материалы моего собственного исследования местного фермерского сообщества, ведущего натуральное хозяйство на одном из Шетландских островов*. Оправдание такого подхода (и, как мне кажется, родственного подходу Г. Зиммеля) в том, что эти иллюстрации, взятые вместе, встраиваются в достаточно связную систему понятий, которая объединяет обрывки опыта, уже имеющегося у читателя, и снабжает учащегося неким путеводителем, достойным проверки в моноисследованиях институциональных основ социальной жизни.

* Частично изложено в неопубликованной докторской диссертации: *Goffman E.* Communication conduct in an island community (Факультет социологии Чикагского университета, 1953).

Эта система понятий развертывается логически. Введение по необходимости абстрактно и его можно опустить.

* * *

Представляемая читателю книга является результатом научного исследования человеческого взаимодействия, предпринятого по заданию Факультета социальной антропологии и Исследовательского комитета по социальным наукам в Эдинбургском университете, и исследования социальной стратификации, выполненного при поддержке фонда Форда, руководимого профессором Чикагского университета Э. А. Шилзом. Я очень признателен этим организациям за инициативу и поддержку, Кроме того я хотел бы также выразить благодарность моим учителям: Ч. У. М. Харту, У. Л. Уорнеру и Э. Ч. Хьюгу. Я поблагодарен также Элизабет Бот, Дж. Литлджону и Э.Банфилду, которые помогали мне в начале исследования, и коллегам из Чикагского университета, которые помогали мне позже. Без сотрудничества и помощи моей жены, Анжелики Гофман, эта работа никогда не была бы написана.

ВВЕДЕНИЕ

Когда человек присутствует там, где присутствуют другие, эти другие обыкновенно стремятся раздобыть свежую информацию о нем или задействовать уже имеющуюся. Как правило, они будут интересоваться его общим социально-экономическим положением, его понятием о себе, его установками по отношению к ним, его компетентностью в каких-то вопросах, его надежностью и т. д. Хотя иногда розыски отдельных сведений, по-видимому, превращаются в самоцель, обычно имеются вполне практические причины для сбора такой информации о человеке. Сведения о данном индивиде помогают определить ситуацию, позволяя другим заранее знать, чего он ждет от них и чего они могут ожидать от него. Обладая подобной информацией, другие знают, как лучше всего действовать, чтобы получить от этого индивида желаемую реакцию.

В распоряжении присутствующих других находятся многие источники информации и многие носители (или «знаковые средства выражения») для ее передачи. Если наблюдатели даже не знакомы с человеком, то они в состоянии по его поведению и облику подобрать некоторые ключи, которые позволят им применить к нему свой предыдущий опыт общения с приблизительно похожими людьми или, что более важно, использовать еще непроверенные стереотипы. На основании прошлого опыта они могут также предположить, что в данной социальной обстановке будут встречаться, по всей вероятности, только люди определенного сорта. Наблюдатели могут полагаться или на то, что человек говорит о себе сам, или на документальные свидетельства о том, кто и что он есть на самом деле. Если наблюдатели знают самого индивида или имеют сведения о нем по опыту прежнего взаимодейст-

вия, они могут опереться на предположения об известном постоянстве и общей направленности его психологических свойств как на средство предсказания его теперешнего и будущего поведения.

Однако за время непосредственного присутствия данного индивида в обществе других людей может произойти слишком мало событий, способных сразу же снабдить этих других необходимой им убедительной информацией, если они намереваются действовать осмотрительно. Многие решающие факты и указания находятся за пределами времени и места прямого взаимодействия или содержатся в нем в скрытом виде. К примеру, «истинные» или «действительные» установки, убеждения и чувства индивида можно выяснить только косвенно, благодаря его признаниям или непроизвольным проявлениям в поведении. Подобно этому, когда индивид предлагает другим некий продукт или услугу, то часто бывает, что на всем протяжении прямого контактирования другим не предоставляется возможности «раскусить» этого человека. Тогда они вынуждены принимать некоторые моменты взаимодействия как условные или естественные знаки чего-то недоступного чувствам напрямую. В терминологии Г. Иххайзера[1], индивид должен будет действовать таким образом, чтобы намеренно или ненамеренно *самовыразиться*, а другие, в свою очередь, должны получить *впечатление* о нем.

Способность индивида к «самовыражению» (и тем самым его способность производить впечатление на других) содержит, по-видимому, два совершенно разных вида знаковой активности: произвольное самовыражение, которым он *дает* информацию о себе, и непроизвольное самовыражение, которым он *выдает* себя. Первое включает вербальные символы или их заменители, используемые общепризнанно и индивидуально, чтобы передавать информацию, о которой известно, что индивид и другие связывают ее с данными символами. Это и есть «коммуникация» в традиционном и узком смысле. Второе включает обширную область человеческого действия, которую

[1] *Ichheiser G.* Misunderstanding in human relations // The American Journal of Sociology. Supplement LV. September. 1949. P. 6—7.

другие могут рассматривать как симптоматику самого действующего лица, когда имеются основания ожидать, что данное действие было предпринято по иным соображениям, чем просто передача информации этим способом. Как мы увидим, такое различение значимо лишь первоначально, ибо, будьте уверены, индивид может передавать намеренную дезинформацию, пользуясь обоими этими типами коммуникации: при первом в ход идет прямой обман, при втором — притворство.

Понимая коммуникацию и в узком, и в широком смысле, можно придти к выводу, что когда индивид оказывается в непосредственном присутствии других, его активность будет иметь характер некоего обещания. По всей вероятности, другие сочтут, что они должны принять этого индивида на веру, предложив ему разумный ответный эквивалент (пока он «присутствует» перед ними) в обмен за нечто такое, истинную ценность чего удастся установить уже после его отбытия. (Разумеется, другие пользуются гипотетическими умозаключениями и в своих контактах с физическим миром, но только в мире социальных взаимодействий объекты, о которых делают умозаключения, способны целенаправленно облегчать или тормозить этот процесс.) Надежность проверяемых выводов об индивиде будет, конечно, меняться в зависимости от таких факторов, как количество уже имеющейся у других информации о нем, но никакое количество прошлых сведений, очевидно, не может полностью избавить от необходимости действия на основе предположительных умозаключений. Как настаивал Уильям Томас:

> Очень важно для нас также понять, что в повседневной жизни мы фактически не ведем наши дела, не принимаем решений и не достигаем целей статистически или научно. Мы живем по гадательным умозаключениям. Скажем, я ваш гость. Вы не можете знать и определить научно, не украду ли я ваши деньги или ваши ложки. Но предположительно я все же не украду, и также предположительно вы принимаете меня как гостя[2].

Сделаем теперь поворот от позиции других к точке зрения индивида, который представляет себя перед ними.

---

[2] Цит. по: Social behavior and personality (Contributions of W. I. Thomas to theory and social research) / Ed. by E.H. Volkart. N.Y.: Social Science Research Council, 1951. P. 5.

Возможно, он хочет внушить им высокое мнение о себе, или чтобы они думали, будто он высокого мнения о них, или чтобы они поняли, каковы его действительные чувства по отношению к ним, или чтобы они не получили никакого определенного впечатления. Индивид может желать также достаточно гармоничных отношений с другими, чтобы поддерживать с ними взаимодействие, либо хотеть избавиться от них, обмануть, запутать, сбить с толку, противодействовать, или навредить им. Независимо от конкретной цели, присутствующей в сознании индивида, и от мотивов постановки этой цели, в его интересы входит контролирование поведения других, особенно их ответной реакции на его действия[3]. Этот контроль достигается, в основном, путем влияния на определение ситуации в начале его формулирования другими, и влиять на это определение индивид может, выражая себя таким образом, чтобы создать у других впечатление, которое побудит их действовать добровольно, но согласно его собственным планам. Поэтому, когда индивид оказывается в обществе других, у него обычно появляются и причины активизироваться для произведения такого впечатления на них, внушить которое в его интересах. Например, если подруги в студенческом общежитии будут судить о девичьей популярности по числу вызовов к телефону, вполне можно подозревать, что некоторые девушки начнут нарочно устраивать такие вызовы для себя, и потому заранее предсказуема находка Уилларда Уоллера:

> Многие наблюдатели отмечали, что девушка, которую зовут к телефону в студенческом общежитии, часто тянет время, чтобы дать всем подругам с избытком наслушаться, как ее имя выкликают несколько раз[4].

Из двух видов коммуникации — процессов произвольного и непроизвольного самовыражения — в книге в пер-

[3] В понимании этого вопроса я многим обязан неопубликованной статье Т. Бернса из Эдинбургского университета, в которой он доказывал, что скрытый нерв всякого взаимодействия — это желание каждого его участника контролировать и управлять реакциями других присутствующих. Похожую аргументацию развивал недавно Дж. Хейли в неопубликованной статье, но в связи с особой разновидностью контроля, нацеленного на определение природы взаимоотношений вовлеченных во взаимодействие лиц.

[4] *Waller W.* The rating and dating complex // American Sociological Review. II. P. 730.

вую очередь уделяется внимание второму, более театральному и зависимому от контекста, невербальному и, вероятно, непреднамеренному (будь то случай целенаправленно организованной коммуникации или нет). Как пример того, что мы должны попытаться исследовать, процитируем обширный беллетристический эпизод, в котором описано как некий При́ди, англичанин на отдыхе, обставляет свое первое появление на пляже летнего отеля в Испании:

Само собой разумеется, надо постараться ни с кем не встречаться взглядом. Прежде всего он должен дать понять тем возможным компаньонам, что нисколько в них не заинтересован. Смотреть сквозь них, мимо них, поверх них — этакий взгляд в пространство. Будто пляж пустой. Если мяч случайно упадет на его пути — он должен выглядеть застигнутым врасплох. Потом улыбка радостного изумления озарит его лицо (Добродушный, Любезный Приди!), когда он начнет осматриваться, пораженный тем, что на пляже, оказывается, *есть* люди, и бросит им мяч обратно, легонько посмеиваясь над собой, а *не над людьми*, — и тогда уж небрежно возобновит свое беспечное обозрение пространства.

Но придет время устроить и маленький парад достоинств Идеального Приди. Как бы невзначай он даст шанс любому, кто захочет, увидеть мельком титул книги в его руках (испанский перевод Гомера — чтение классическое, но не вызывающее, к тому же космополитичное), а затем он неторопливо сложит свою пляжную накидку и сумку аккуратной защищенной от песка кучкой (Методичный и Практичный Приди), непринужденно вытянется во весь свой гигантский рост (Большой кот Приди) и с облегчением сбросит сандалии (наконец-то, Беззаботный Приди!).

А бракосочетание Приди и моря! На этот случай — свои ритуалы. Во-первых, шествие по пляжу, внезапно переходящее в бег с прыжком в воду, и сразу после выныривания плавно, мощным бесшумным кролем туда — за горизонт. Ну, конечно, необязательно за горизонт. Он мог бы неожиданно перевернуться на спину и бурно взбивать ногами белую пену (ни у кого не вызывая сомнений, что способен плыть и дальше, если б захотел), а потом вдруг стоя выпрыгнуть на полкорпуса из воды, чтобы все видели, кто это был.

Другой ход был проще: он не требовал испытания холодной водой и риска показаться чересчур высокодуховным. Вся штука в том, чтобы выглядеть до того привычным к морю, к Средиземноморью и к этому пляжу, что такой человек по своему произволу мог бы сидеть хоть в море, хоть не в море без вреда для репутации. Такое времяпрепровождение допускало медленную

прогулку внизу по кромке воды (он даже не замечает, как вода мочит его ноги, ему все равно что вода что земля!) глаза обращены к небу и сурово выискивают невидимые другим признаки будущей погоды (Местный рыбак Приди!)[5].

Романист хочет показать нам, что Приди неадекватно истолковывает неясные впечатления, которые его чисто телесные действия производят, как он думает, на окружающих. Мы и дальше можем подсмеиваться над Приди, полагая, что он действует с целью создать о себе особое впечатление и впечатление ложное, тогда как другие присутствующие либо вообще не замечают его, либо еще хуже, то впечатление о себе, какое Приди страстно хочет заставить их принять, оказывается сугубо частным необъективным впечатлением. Но для нас в этом единственно важно, что тот вид впечатлений, который, как полагает Приди, он производит, — это реально существующий вид впечатлений, какой верно или неверно получают от кого-то в своей среде другие.

Как сказано выше, когда индивид появляется перед другими, его действия начинают влиять на определение ситуации, которое они начали формировать до его появления. Иногда этот индивид будет действовать полностью расчетливо, выражая себя данным способом, чтобы произвести на других именно то впечатление, которое с наибольшей вероятностью вызовет у них желанный ему отклик. Нередко, будучи расчетливым в своей деятельности, он может относительно слабо сознавать это. Порой он будет намеренно и осознанно выражать себя определенным образом, но, в основном, потому, что такого рода выражения вызваны к жизни традицией его группы или его социальным статусом, а не какой-то конкретной реакцией (отличающейся от смутного принятия или одобрения), вероятностно ожидаемой от людей, находящихся под впечатлением от данного самовыражения. Наконец, время от времени сами традиции одной из ролей индивида позволяют ему создать стройное впечатление определенного рода, хотя он, возможно, ни сознательно, ни бессознательно и не собирался производить такого впечатления. Другие, в свою очередь, могут или получать впечатления

[5] *Sansom W.* A contest of ladies. L.: Hogarth, 1956. P. 230—232.

просто от усилий индивида что-то передать, или неправильно понимать ситуацию и приходить к умозаключениям, не оправдываемым ни намерениями этого индивида, ни фактами. Во всяком случае, поскольку другие действуют так, *как если бы* индивид передавал конкретное впечатление, можно принять функциональный или прагматический подход, допустив, что индивид «эффективно» воплотил данное определение ситуации и «эффективно» внедрил понимание того, что подразумевает данное состояние дел.

В реакции других имеется один момент, который требует здесь специального комментария. Зная, что индивид, скорее всего, будет представлять себя в благоприятном свете, другие могут делить наблюдаемое ими на две части: часть, которой индивиду относительно легко манипулировать по желанию, поскольку она состоит, преимущественно из его вербальных утверждений; и часть, состоящую преимущественно из проявлений непроизвольного самовыражения индивида, которой он, видимо, почти не владеет или которую не контролирует. В таком случае другие могут использовать то, что считается неуправляемыми элементами его экспрессивного поведения, для проверки достоверности передаваемого элементами управляемыми. В этом проявляется фундаментальная асимметрия, присущая процессу коммуникации: индивид, предположительно, сознает коммуникацию только по одному из своих каналов, тогда как наблюдатели воспринимают сообщения и по этому каналу и по какому-то другому. К примеру, жена одного шетландского хуторянина, подавая местные островные блюда гостю с «материка» (главного острова Великобритании) с вежливой улыбкой выслушивала его вежливые похвалы тому, что он ел, и одновременно подмечала скорость, с какой гость подносил ко рту ложку или вилку, жадность, с какой он заглатывал пищу, выражение удовольствия при жевании, используя эти знаки для проверки высказанных чувств едока. Та же женщина, чтобы раскрыть, что один ее знакомый *А* «на самом деле» думает о другом знакомом *Б*, поджидала момента, когда *Б* в присутствии *А* оказывался вовлеченным в разговор с кем-то третьим *В*. Затем она скрытно следила за сменой выражений на лице *А*, наблю-

давшего *Б* в разговоре с *В*. Не участвуя в беседе с *Б* и не опасаясь его прямого наблюдения, *А* иногда расслаблялся, терял обычную сдержанность, притворную тактичность и свободно выражал свои «действительные» чувства к *Б*. Короче, эта шетландка наблюдала никем другим не наблюдаемого наблюдателя.

Далее, приняв как данность, что другие, по всей вероятности, будут сверять более контролируемые элементы поведения человека с менее контролируемыми, можно ожидать, что иногда индивид попытается извлечь выгоду из самой этой вероятности, так направляя впечатления от своего поведения, чтобы они воспринимались информационно надежными[6]. Например, будучи допущенным в тесный социальный кружок, участвующий наблюдатель может не только сохранять приемлемый внешний вид во время выслушивания информанта, но и постараться сохранять такой же вид при наблюдении информанта, разговаривающего с другими. Тогда наблюдателям наблюдателя будет не так легко раскрыть, какова его действительная позиция. Конкретную иллюстрацию этому можно подобрать из жизни на Шетландских островах. Когда к местному жителю заглядывает на чашку чая сосед, последний, проходя в дверь дома, обычно изображает на лице, по меньшей мере, подобие теплой ожидаемой улыбки. При отсутствии физических препятствий вне дома и недостатке света внутри его обычно имеется возможность наблюдать приближающегося к дому гостя, самому оставаясь незамеченным. Нередко островитяне позволяли себе удовольствие любоваться, как перед дверью гость сгоняет с лица прежнее выражение и заменяет его светски-общительным. Однако некоторые посетители, предвидя этот соседский экзамен, машинально принимали светский облик на далеком расстоянии от дома, тем обеспечивая постоянство демонстрируемого другим образа.

Такого рода контроль над частью индивидуальности восстанавливает симметрию коммуникационного процес-

---

[6] В широко известных и весьма солидных трудах Стивена Поттера, в частности, обсуждаются знаки, которые можно подстроить, чтобы дать проницательному наблюдателю якобы случайные ключи, необходимые ему для обнаружения скрытых добродетелей, какими манипулятор знаками в действительности не обладает.

са и подготавливает сцену для своеобразной информационной игры — потенциально бесконечного круговращения утаиваний, лживых откровений, открытий и переоткрытий. К этому следует добавить, что поскольку другие будут, скорее всего, довольно беспечно относиться к неуправляемым элементам в поведении индивида, то этот последний, контролируя их, сможет многое приобрести. Другие, конечно, могут почувствовать, что он манипулирует якобы стихийными аспектами своего поведения, и усмотреть в самом этом акте манипуляции некий теневой момент в его поведении, который он не сумел проконтролировать. Это дает нам еще одну проверку поведения индивида, на этот раз — его предположительно нерассчитанного поведения, тем самым вновь восстанавливая асимметрию коммуникационного процесса. Отметим попутно, что искусство проникновения в чужие розыгрыши «рассчитанной нерасчетливости», по-видимому, развито лучше нашей способности манипулировать собственным поведением, так что независимо от количества шагов, сделанных в информационной игре, зритель, вероятно, всегда будет иметь преимущество над действующим, и первоначальная асимметрия процесса коммуникации, похоже, сохранится.

Допуская, что индивид планирует определение ситуации, когда появляется перед другими, мы должны также видеть, что эти другие, какой бы пассивной ни казалась их роль, будут и сами успешно направлять определение ситуации благодаря своим ответным реакциям на действия индивида и всевозможным начинаниям, открывающим ему новые пути действия. Обычно определения ситуации, проецируемые несколькими разными участниками, достаточно созвучны друг другу, так что открытые противоречия случаются редко. Это вовсе не означает, что когда каждый участник чистосердечно выражает то, что он действительно чувствует, и честно соглашается с выраженными чувствами других присутствующих, там непременно возникнет своего рода консенсус. Этот род гармонии есть оптимистический идеал и вовсе необязателен для слаженной работы общества. Скорее, от каждого участника взаимодействия ждут подавления своих непосредственных сердечных чувств, чтобы он передавал лишь та-

кой взгляд на ситуацию, который, по его ощущению, будут в состоянии хотя бы временно принять другие. Поддержанию этого поверхностного согласия, этой видимости консенсуса помогает сокрытие каждым участником его собственных желаний за потоком высказываний, утверждающих ценности, которым любой присутствующий чувствует себя обязанным клясться в верности, хотя бы на словах. Кроме того, обычно приходится считаться и со своеобразным разделением труда при определении ситуации. Каждому участнику позволительно устанавливать пробные авторизованные правила отношения к предметам, жизненно важным для него, но напрямую не затрагивающим других, например, к рациональным объяснениям и оправданиям своей прошлой деятельности. В обмен за эту вежливую терпимость он молчит или избегает тем, важных для других, но не столь важных для него. В таком случае мы имеем своего рода modus vivendi* во взаимодействии. Участники совместно формируют единственное общее определение ситуации, которое подразумевает не столько реальное согласие относительно существующего положения дел, сколько реальное согласие относительно того, чьи притязания и по каким вопросам временно будут признаваться всеми. Должно также существовать реальное согласие о желательности избегать открытого конфликта разных определений ситуации[7]. Этот уровень согласия можно называть «рабочим консенсусом». Надо понимать, что рабочий консенсус, установившийся в одной обстановке взаимодействия, будет совершенно отличаться по содержанию от рабочего консенсуса, сложившегося в иной обстановке. Так, между двумя друзьями за обедом поддерживается взаимная демон-

---

[7] Конечно, взаимодействие может быть специально организовано с целью найти в нем время и место для выражения разногласий во мнениях, но в таких случаях участники должны договориться, что не будут ссориться из-за определенного тона голоса, словаря и уровня серьезности аргументации, а также условиться о взаимном уважении, которое спорящие участники обязаны тщательно соблюдать по отношению друг к другу. К этому дискуссионному или академическому определению ситуации можно прибегать и в срочном и в неторопливо-рассудительном порядке как к способу перевода серьезного конфликта взглядов в такой конфликт, с которым можно управиться в приемлемых для всех присутствующих рамках.

* Условия существования (*лат.*).

страция привязанности, уважения и интереса друг к другу. В другом случае, например в сфере услуг, сотрудник заведения тоже может поддерживать образ бескорыстной увлеченности проблемой клиента, на что клиент отвечает демонстрацией уважения к компетентности и порядочности обслуживающего его специалиста. Но независимо от таких различий в содержании, общая форма этих рабочих приспособлений одинакова.

Учитывая тенденцию отдельного участника принимать заявки на определение ситуации, сделанные другими присутствующими, можно оценить ключевую важность информации, которой индивид *первоначально* обладает или которую приобретает о своих соучастниках, ибо именно на базе этой исходной информации индивид начинает определять ситуацию и выстраивать свою линию ответных действий. Первоначальная проекция индивида заставляет его следовать тому, кем он полагает быть, и оставить всякие претензии быть кем-то другим. По мере того как взаимодействие участников развивается, в это первоначальное информационное состояние, разумеется, вносятся дополнения и модификации, но существенно, что эти позднейшие изменения без противоречий соотносятся с первоначальными позициями (и даже строятся на них) отдельных участников. Похоже в начале встречи индивиду легче сделать выбор относительно того, какую линию обхождения распространять на других присутствующих и какой требовать от них, чем менять принятую однажды линию, когда взаимодействие уже идет полным ходом.

В обыденной жизни тоже, конечно, встречается ясное понимание важности первых впечатлений. Так, рабочая сноровка занятых в сфере услуг часто зависит от способности захватывать и удерживать инициативу в отношениях, возникающих при обслуживании клиентов — способности, которая требует тонкой агрессивной тактики со стороны обслуживающего персонала, если его социоэкономический статус ниже статуса клиента. У. Уайт поясняет это на примере поведения официантки:

Первым бросается в глаза факт, что официантка, которая работает в условиях сильного давления со всех сторон, не просто пассивно реагирует на требования своих клиентов. Она уме-

ло действует с целью контролировать их поведение. Первый вопрос, приходящий нам в голову при виде ее взаимоотношений с клиентурой таков: «Обуздает ли официантка клиента, или клиент подавит официантку?» Квалифицированная официантка понимает решающее значение этого вопроса...

Умелая официантка останавливает клиента доверительно, но без колебаний. К примеру, она может обнаружить, что новый клиент сел за столик сам, прежде чем она успела убрать грязные тарелки и переменить скатерть. В данный момент он опирается на столик, изучая меню. Она приветствует его, говорит: «Пожалуйста, позвольте заменить скатерть», потом, не ожидая ответа, отбирает у него меню, вынуждая его отодвинуться от столика, и делает свое дело. Отношения с клиентом вежливо, но твердо направляются в нужное русло, и здесь не возникает вопроса, кто руководит ими[8].

Когда взаимодействие, начатое под влиянием «первых впечатлений», само оказывается первым в обширном ряду взаимодействий с теми же участниками, мы говорим о «хорошем начале» и чувствуем решающее значение этого начала. Так, некоторые учителя в отношениях с учениками придерживаются следующих взглядов:

Никогда нельзя позволять им брать над вами верх — или вы пропали. Поэтому я всегда начинаю жестко. В первый же день, входя в новый класс, я даю им понять, кто здесь хозяин... Вы просто вынуждены начинать жестко, чтобы потом иметь возможность ослабить вожжи. Если начать с послаблений, то когда вы попытаетесь проявить твердость — они будут просто смотреть на вас и смеяться[9].

Точно так же служители в психиатрических лечебницах нередко чувствуют, что если нового пациента в первый же день его пребывания в палате круто осадить и показать ему кто хозяин, — это предотвратит многие будущие неприятности[10].

Признав, что индивид способен успешно проецировать определение ситуации при встрече с другими, можно предположить также, что в рамках данного взаимодействия вполне возможны события, которые будут противоречить,

---

[8] *Whyte W. F. (ed.).* Industry and society. Ch. 7. When workers and customers meet. N.Y.: McGraw-Hill, 1946. P. 132—133.

[9] *Becker H. S.* Social class variations in the teacher-pupil relationship // Journal of Educational Sociology. Vol. 25. P. 459.

[10] *Taxel H.* Authority structure in a Mental Hospital Ward / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1953.

дискредитировать или иным способом ставить под сомнение эту проекцию. Когда случаются такие разрушительные для нее события, взаимодействие само собой может остановиться в замешательстве и смущении. Некоторые из предпосылок, на которых основывались реакции участников, оказываются несостоятельными, и они обнаруживают, что втянуты во взаимодействие, для которого ситуация была определена плохо, а далее и вообще не определена. В такие моменты индивид, чье представление себя микрообществу скомпрометировано, может испытывать стыд, а другие присутствующие — враждебность и все участники могут ощущать болезненную неловкость, замешательство, потерю самообладания, смущение и своего рода аномальность ситуации как следствие крушения социальной микросистемы взаимодействия лицом-к-лицу.

Подчеркивая тот факт, что первоначальное определение ситуации, проецируемое индивидом, склонно становиться планом для последующей совместной деятельности, то есть рассматривая все в первую очередь с точки зрения самого этого действия, — нельзя упустить из виду решающий факт, что всякое проецируемое определение ситуации имеет еще и отчетливо выраженный моральный характер. И именно на этом моральном характере проекций преимущественно сосредоточен научный интерес данного исследования. Общество организовано на принципе, что любой индивид, обладающий определенными социальными характеристиками, имеет моральное право ожидать от других соответствующего обхождения и оценки. С этим принципом связан и второй, а именно, что индивид, который скрыто или явно сигнализирует другим о наличии у него определенных социальных характеристик, обязан и в самом деле быть тем, кем он себя провозглашает. В результате, когда индивид проецирует определение ситуации и тем самым скрыто или явно притязает быть лицом определенного рода, он автоматически предъявляет другим и некое моральное требование оценивать его и обращаться с ним так, как имеют право ожидать люди его категории. Он также неявно отказывается от всех притязаний представляться тем, кем

он на деле не является[11], и, следовательно, отказывается от претензии на обращение, приличествующее таким людям. Тогда другие согласятся признать, что индивид информировал их и о том, что есть в действительности, и о том, что они *должны* видеть в качестве этого «есть».

Нельзя судить о важности срывов в процессе определения ситуации по частоте, с какой они случаются, ибо очевидно, что они происходили бы еще чаще, если бы не соблюдались постоянные предосторожности. Думаю, что во избежание этих срывов постоянно применяются предупредительные практические процедуры, а также корректировочные действия, дабы возместить ущерб от вредоносных происшествий, которых не удалось избежать. Когда индивид пускает в ход эти стратегии и тактики с целью отстоять свои собственные проекции, то эти действия называют «защитной практикой»; когда же некий участник применяет их, чтобы спасти определение ситуации, спроецированное другим, то об этом говорят как о«покровительственной практике» или «такте». Вместе взятые защитные и покровительственные практики охватывают процедуры, которые призваны оберегать впечатление, выношенное индивидом во время его присутствия перед другими. К этому следует добавить, хотя люди сравнительно легко могут увидеть, что без применения защитных практик не выжило бы никакое первоначально произведенное впечатление, им, вероятно, гораздо труднее понять, что очень немногие впечатления смогли бы выжить, когда бы получатели этих впечатлений не соблюдали такта при их восприятии.

Кроме факта применения мер предосторожности для предупреждения нарушений в проецируемых определениях ситуации, можно также отметить, что усиленное внимание к таким нарушениям играет существенную роль в социальной жизни группы. Там разыгрываются грубые социальные мистификации и шутки, где целенаправленно подстраиваются неудобные, смущающие положе-

[11] Эта роль свидетелей в ограничении возможностей самовыражения индивида особо подчеркивалась экзистенциалистами, которые усматривали в этом основную угрозу индивидуальной свободе. См.: *Sartre J.-P.* Being and nothingness. L.: Methuen, 1957.

ния, к которым надо относиться несерьезно[12]. Сочиняются фантазии, в которых происходят головокружительные разоблачения. Рассказываются и пересказываются анекдоты из прошлого (реального, приукрашенного или вымышленного), обстоятельно расписывающие бывшие или почти бывшие трудности, с которыми удалось блистательно справиться. По-видимому, не найдется ни одной разновидности групп, которая не имела бы готового запаса таких игр, фантазий и назидательных историй, — запаса, используемого в качестве источника юмора, средств избавления от тревог и санкций для поощрения индивидов быть скромными в своих притязаниях и благоразумными в ожиданиях. Человек может раскрывать себя и в рассказах о воображаемых попаданиях в неловкие положения. В семьях любят рассказывать о случае с гостем, перепутавшим даты и прибывшим, когда ни дом, ни люди в нем не были готовы к его приему. Журналисты рассказывают о случаях, когда прошла настолько многозначительная и понятная для всех опечатка, что были юмористически разоблачены напускная объективность газеты и соблюдаемый ею декорум. Работники общественных служб рассказывают о клиентах, которые очень забавно недопонимали вопросы в заполняемых анкетных формах и давали ответы, которые подразумевали крайне неожиданные и причудливые определения ситуации[13]. Моряки, чья «семья» вдали от родного дома состоит из одних мужчин, рассказывают истории о матросе на гобывке, который за домашним столом непринужденно просил мать передать ему «такого-разэдакого масла»[14]. Дипломаты пересказывают байку о близорукой королеве, вопрошающей республиканского посла о здоровье его короля[15] и т. д.

Подведем теперь итоги. Я допускаю, что когда индивид появляется перед другими, у него возникает множе-

[12] *Goffman E.* Communication conduct in an island community. P. 319—327.

[13] *Blau P.* Dynamics of bureaucracy / Ph.D. dissertation. Department of Sociology. Columbia University. University of Chicago Press, 1955. P. 127—129.

[14] *Beattie W. M. (jr.).* The merchant seaman / Unpublisshed M. A. report. Department of Sociology. University of Chicago, 1950. P. 35.

[15] *Ponsonby F.* Recollections of three reigns. L.: Eyre & Spottiswoode, 1951.

ство мотивов для попыток контролировать впечатление, которое они получают из наблюдения ситуации. В этой книге исследуются некоторые из общепринятых приемов, применяемых людьми для поддержания таких впечатлений, и некоторые обычные возможности применения этих приемов. Конкретное содержание любой деятельности отдельного участника, или роль, которую оно играет во взаимозависимых видах деятельности работающей социальной системы, в ней не обсуждаются. Меня интересуют лишь драматургические проблемы участника, представляющего свою деятельность другим. Проблемы, решаемые с помощью сценического мастерства и сценической режиссуры, иногда тривиальны, но очень распространены. По-видимому, сценические задачи встречаются в социальной жизни на каждом шагу, обеспечивая тем самым четкую путеводную нить для формального социологического анализа.

Уместно закончить это введение несколькими определениями, которые подразумевались в предыдущем и понадобятся в будущем изложении. Для целей этого исследования достаточно приблизительного общего определения взаимодействия (точнее, взаимодействия лицом-к-лицу) как взаимного влияния индивидов на действия друг друга в условиях непосредственного физического присутствия всех участников. *Единичное взаимодействие* можно определить как все проявления взаимодействия в каком-нибудь одном эпизоде, во время которого данное множество индивидов непрерывно находилось в присутствии друг друга. К характеристике такого взаимодействия так же хорошо подошел бы термин *«контакт»*. *«Исполнение»* (или «выступление») можно определить как все проявления деятельности данного участника в данном эпизоде, которые любым образом влияют на любых других участников взаимодействия. Взяв одного конкретного участника и его исполнение за базисную точку отсчета, можно определить другие категории исполнителей как публику, аудиторию, наблюдателей или соучастников. Предустановленный образец действия, который раскрывается в ходе какого-нибудь исполнения и который может быть исполнен или сыгран и в других случаях, можно

обозначить терминами «партия» или «рутина»[16]. Эти ситуационные термины легко связать с общепринятыми структурными. Когда индивид или «исполнитель» в разных обстоятельствах играет одну и ту же партию перед одной и той же аудиторией, тогда, вероятно, имеет смысл говорить о возникновении «социального отношения». Определив «социальную роль» как свод прав и обязанностей, сопряженных с данным статусом, можно утверждать, что одна социальная роль способна включать больше чем одну партию и что каждую из этих различных партий исполнитель может представлять в ряде случаев одним и тем же типам аудитории или аудитории, состоящей из одних и тех же лиц.

---

[16] См. комментарии в книге Ноймана и Моргенштерна о важности различения рутины взаимодействия и любого конкретного случая, когда эта рутина специально разыгрывается: *Neumann J. von, Morgenstern O.* The theory of games and economic behavior. Princeton University Press, 1947. P. 49.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ИСПОЛНЕНИЯ

ВЕРА В ИСПОЛНЯЕМУЮ ПАРТИЮ

Когда индивид исполняет какую-то житейскую партию во время взаимодействия с другими, он неявно просит своих наблюдателей всерьез воспринимать создаваемый перед ними образ. Их просят поверить, что персонаж, которого они видят перед собой, действительно обладает демонстрируемыми качествами, что исполняемая им «сценическая» задача будет иметь именно те последствия, которые ею скрыто подразумевались, и что, вообще, вещи таковы, какими кажутся. Этому соответствует распространенный взгляд, будто индивид предлагает свое исполнение и разыгрывает свой спектакль «для блага других людей». И потому будет уместно начать разбор разновидностей исполнений, перевернув постановку вопроса и обратив внимание на собственную веру индивида в тот образ реальности, какой он пытается запечатлеть в головах окружающих его.

На одном полюсе исполнитель может быть полностью захвачен собственной игрой и искренне убежден, что впечатление о реальности, которое он создает, это и есть самая доподлинная действительность. Когда его аудитория тоже убеждена в правдивости разыгрываемого спектакля (а это, по-видимому, типичный случай), тогда, по меньшей мере на какое-то время, только социолог или лицо социально недовольное будут иметь некоторые сомнения насчет «реальности» представляемого.

На другом полюсе исполнитель может совсем не увлекаться собственной рутиной. Такая возможность допустима, потому что никто не в состоянии быть столь же совершенным наблюдателем и видеть действие насквозь так, как лицо, которое ставит его. Соответственно исполнитель

может быть движим стремлением управлять убежденностью своей аудитории исключительно как средством для других целей и не интересоваться как конечной целью тем понятием, которое эта аудитория имеет о нем или о ситуации. Когда у человека нет веры в собственное действие и в конце концов нет интереса к верованиям своей аудитории, можно назвать его циником, закрепив термин «искренние» за людьми, верящими во впечатление, производимое их собственным исполнением. Следует иметь в виду, что циник, при всем его профессиональном безразличии, может, однако, получать от своего маскарада непрофессиональное удовольствие, испытывая в душе своеобразное злорадное веселье от самого факта, что он по прихоти может забавляться тем, что его аудитория обязана воспринимать всерьез[1].

Конечно, при этом не предполагается, будто все циничные исполнители заинтересованы в обмане своих аудиторий ради личной корысти или частной выгоды. Циничный индивид может вводить в заблуждение людей своей аудитории для, как он считает, их же собственного блага, или для блага местной общины и т. п. За подтверждением этого нет нужды обращаться к умудренным печальным опытом моралистам вроде Марка Аврелия или Ян Чжу. Известно, что работники в сфере услуг, которые в остальном могут быть правдивыми, иногда просто вынуждены обманывать своих клиентов, поскольку те сами простосердечно на это напрашиваются. Доктора, прописывающие пациентам безвредные пилюли-пустышки, служители на автозаправочных станциях, которые смиренно проверяют и перепроверяют давление в шинах для успокоения беспокойных женщин-автомобилисток, продавцы в обувных магазинах, продающие подходящие по мерке туфли, но называющие покупательнице тот размер, какой она хочет услышать, — все это примеры циничных исполнителей,

[1] Возможно, истинное преступление афериста не в том, что он отбирает у своих жертв деньги, а в том, что он крадет у всех веру, будто манеры и облик, характерные для среднего класса, способны показать только основательные люди из среднего класса, на деле принадлежащие к нему. Разочарованный профессионал может цинично пренебрегать определенным служебным отношением, которого ждут от него для себя его клиенты, но мошенник ставит себя в положение, которое заставляет его презирать весь законопослушный мир — мир легавых.

чьи аудитории не позволяют им быть до конца правдивыми. Похоже, что и сочувствующие врачам пациенты в психиатрических лечебницах иногда симулируют причудливые симптомы, чтобы не разочаровывать студентов-практикантов разумным поведением при исполнении роли душевнобольного[2]. Аналогично, когда подчиненные из всех гостей наиболее щедро принимают своих начальников, эгоистичное желание извлечь из этого пользу для себя может и не быть здесь главным мотивом: возможно, подчиненный всего лишь тактично пытается создать начальнику обстановку «как дома», по своему разумению имитируя привычный тому мир.

Итак, предположительно существуют две крайности: индивид или искренне увлечен собственным действием, или цинично относится к нему. Эти крайности представляют собой нечто большее чем просто крайние точки некоего континуума. Каждая из них дает человеку позицию, которая имеет свои особенные средства безопасности и защиты, и потому тот, кто приблизился к одному из указанных полюсов, будет склонен дойти до конца. Начав с отсутствия внутренней веры в собственную роль, индивид может последовать логике естественного движения, описанного Р. Парком:

> Вероятно, это не простое историческое совпадение, что слова «личность», «персона» в своих первоначальных значениях говорят о личине и маске. Скорее, это похоже на признание факта, что всегда и везде, более или менее сознательно, каждый человек играет какую-нибудь роль... Именно в этих ролях мы познаем друг друга, в этих ролях мы познаем самих себя[3].

---

[2] См.: *Taxel H.* Authority structure in a Mental Hospital Ward. P. 4. Харри Стак Салливан настаивал, что тактичность институционализированных исполнителей может действовать и в другом направлении, выливаясь в своеобразное noblesse-oblige здравомыслие.: «Изучение несколько лет тому назад "социальных выздоровлений" в одной из наших крупных психиатрических больниц убедило меня, что пациенты часто освобождались из-под присмотра благодаря тому, что научались не проявлять своих симптомов окружающим. Другими словами, они достаточно полно воспринимали личное окружение, чтобы распознать чужое предубеждение, враждебное их собственным маниям. Это выглядело почти так, как если бы они возвысились до мудрой терпимости к окружающей их ненормальности, окончательно решив для себя, что это просто глупость, а не злоба. После этого они могли уже получать удовлетворение от контактов с другими, хотя и снимая часть своих напряжений успокоительными средствами» (*Sullivan H. C.* Socio-psychiatric research // American Journal of Psychiatry. Vol. 10. P. 987—988).

[3] *Park R. E.* Race and culture. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1950. P. 249.

В известном смысле, поскольку маска представляет понятие, которое мы составили о себе, представляет роль, которую мы стараемся оправдать своей жизнью — эта маска есть наше более истинное *Я*, чем то *Я*, каким нам хотелось бы быть. В конце концов, наше понятие о нашей роли становится второй натурой и составной частью нашей личности. Мы приходим в этот мир как биологические особи, приобретаем характерную роль и становимся личностями[4].

Сказанное можно пояснить на примере из жизни местной общины одного из Шетландских островов[5]. Последние четыре или пять лет островной гостиницей для туристов владела и управляла супружеская пара из местных фермеров. С самого начала эти владельцы были вынуждены отбросить напрочь свои собственные представления, как надо жить, и предложить в гостинице полный набор услуг и удобств, привычных для среднего класса. Позже, однако, эти управляющие стали менее цинично относиться к своему исполнению на гостиничной сцене. Они сами постепенно превращались в людей из среднего класса и все больше влюблялись в те образы себя, которые навязывают им клиенты.

Другим примером может послужить неопытный новобранец, который первоначально исполняет армейский устав лишь бы только избежать физических наказаний, но в конце концов начинает добросовестно следовать правилам воинского поведения, чтобы его подразделение не стыдилось за него, а командиры и сослуживцы-солдаты его уважали.

Как сказано, цикл «от неверия к вере» может быть пройден и в обратном направлении: сначала убежденность или нестойкое воодушевление, а под конец — цинизм. В профессиях, к которым публика относится с религиозным благоговением, новообращенные часто идут этим путем даже не по причине постепенного осознания того, что они обманывают ожидания своей аудитории (ибо по обыкновенному социальному стандарту то, что они делают, может быть совершенно удовлетворительным), но потому что они могут использовать этот цинизм как средство защиты своего внутреннего *Я* от слишком тесного соприкосновения с ауди-

[4] *Park R. E.* Race and culture. Glencoe (Ill.): The Free Press. 1950. P. 250.
[5] Shetland Isle study.

торией. И, наконец, встречаются типичные колебания веры, когда индивид начинает с известной увлеченности профессиональным исполнением, которого от него требуют, затем несколько раз колеблется между искренностью и цинизмом, пока все эти переходные фазы и повороты не завершатся в конце концов самостоятельными убеждениями, приличными человеку определенного общественного положения. Так, студенты медицинских учебных заведений утверждают, что идеалистически настроенные новички в медицинских институтах обыкновенно на какое-то время вынуждены откладывать в сторону свои святые порывы. В первые два года студенты обнаруживают, что их бескорыстно-широкий интерес к медицине надо обуздать, чтобы быть в состоянии отдавать все свое время учебе и в срок сдавать экзамены. Следующие два года они слишком заняты изучением болезней, чтобы еще и серьезно интересоваться самими больными людьми. И только после окончания курса обучения приходит время, когда можно будет подтвердить их первоначальные идеалы медицинского служения[6].

Хотя вполне возможно встретить в жизни естественные колебания исполнителей между цинизмом и искренностью, все же нельзя исключать из рассмотрения своеобразный переходный случай, который держится на маленьком самообмане. Индивид может стараться побудить аудиторию определенным образом оценить его и ситуацию, и может желать этой оценки как конечной цели-в-себе, и все же неполностью верить в заслуженность того суждения о себе, которого он просит, или в достоверность того впечатления о реальности, которое он создает. Пример такой смеси цинизма и веры приводит Крёбер в своем анализе шаманизма:

Далее, перед нами старая проблема обмана. Вероятно, большинство шаманов и медиков по всему миру помогают больным, в том числе и фокусничеством при лечении и особенно при демонстрации своих способностей. Это фокусничество иногда преднамеренное, но во многих случаях сознательность здесь наверное не глубже уровня предсознания. Такая установка, подавляемая или нет, по-видимому, тяготеет к феномену набожного мо-

---

[6] *Becker H.S., Greer B.* The fate of idealism in Medical School // American Sociological Review. Vol. 23. P. 50—56.

шенничества. Кажется, полевые этнографы в общем убеждены, что даже шаманы, сознающие себя мошенниками, тем не менее верят в свои способности и особенно в способности других шаманов, советуясь с последними, когда сами они или их дети болеют[7].

ПЕРЕДНИЙ ПЛАН ИСПОЛНЕНИЯ

Термин «исполнение» используется для обозначения всех проявлений активности индивида за время его непрерывного присутствия перед каким-то конкретным множеством зрителей — проявлений, которые так или иначе влияют на них. В этой связи будет уместно назвать ***передним планом*** (или «представительским фронтом») ту часть индивидуального исполнения, которая регулярно проявляется в обобщенной и устойчивой форме, определяя ситуацию для наблюдающих это исполнение. Передний план тогда — это стандартный набор выразительных приемов и инструментов, намеренно или невольно выработанных индивидом в ходе исполнения. Предварительно нелишне выделить и назвать эти стандартные составляющие.

Прежде всего это ***обстановка***, включая мебель, декорацию, физическое расположение участников и другие элементы фона, которые составляют сценический и постановочный реквизит для протекания человеческого действия. Обстановка тяготеет к неподвижности (в географическом смысле), так что тот, кто хотел бы использовать определенную обстановку как часть своего представления, не сможет его исполнять, пока не попадет в соответствующее место, и будет вынужден прекратить свое выступление, если покинет его. Лишь в исключительных случаях обстановка передвигается вместе с исполнителями: это можно наблюдать в похоронных и гражданских церемониях и в сказочно пышных шествиях с участием королевских особ. По-видимому, исключительный характер подобных церемоний создает сверхблагоприятную обстановку исполнителям, которые или являются, или на мгновение становятся священными особами. Разумеется, таких именитых исполнителей надо отличать от совсем простых бродячих

[7] *Kroeber A.L.* The nature of culture. Chicago: University of Chicago Press, 1952. P. 311.

исполнителей, передвигающих место своих выступлений часто в силу нужды. Выходит, чтобы иметь одно постоянное место для обстановки своего исполнения, правитель может оказаться чересчур сакральной, а какой-нибудь разносчик чересчур профанной фигурой.

Размышляя о сценических аспектах переднего плана, каждый скорее всего вообразит гостиную в частном доме и небольшое число исполнителей, которые имеют право полностью отождествлять себя с жизнью этого дома. При этом недостаточное внимание уделяется крупным ансамблям знаковых средств выражения, которые на короткое время могут называть своими множество исполнителей. Для западноевропейских стран характерно, что большое число роскошных обстановок доступно там напрокат каждому добропорядочному человеку, способному это позволить себе, и такое положение без сомнения служит для этих стран дополнительным источником стабильности. Поясняющий пример можно взять из исследования образа жизни высших государственных служащих в Британии:

Вопрос, в какой мере люди, достигшие вершин на государственной службе, перенимают «тон» или «окрас» класса, иного чем тот, в котором они родились, деликатен и труден. Единственная определенная информация, имеющая отношение к этому вопросу, содержится в цифрах, характеризующих членский состав крупных лондонских клубов. Более трех четвертей высших чиновников нашей администрации числятся в одном или больше чем в одном из высоко престижных и дорогостоящих клубов, где входная плата может быть от двадцати гиней и выше, а годичный членский взнос от двенадцати до двадцати гиней. Все это заведения для высшего класса (даже не для так называемого верхнего среднего) по их предварительным требованиям к вступающему, оборудованию, практикуемому там стилю жизни, по всему их духу. Хотя многих членов этих клубов, возможно, и не стоило бы относить к очень состоятельным людям, но только богатый человек сумел бы без посторонней помощи обеспечить себе и своей семье жилое пространство, питание, напитки, услуги и другие жизненные удобства такого же качества, какое мы найдем в клубах «Союз», «Путешественники» или «Реформа»[8].

Другой пример можно найти в недавно проявившихся тенденциях развития медицинской профессии, где для вра-

[8] *Dale H.E.* The higher civil service of Great Britain. Oxford: Oxford University Press, 1941. P. 50.

ча становится все более важным получить выход на широкую научную арену, обеспечиваемую крупными больницами, так что все меньше и меньше врачей имеют возможность почувствовать рабочую обстановку как некое личное место, которое можно запереть на ночь[9].

Если термин «обстановка» используется для обозначения сценических составляющих исполнительского инструментария выразительных средств, то термин ***«личный передний план»*** можно отнести к составляющим иного рода — тем, которые наиболее тесно связаны с самим исполнителем и которые, естественно предположить, сопровождают его всюду. В качестве элементов личного переднего плана можно назвать: отличительные знаки официального положения или ранга, умение одеваться, пол, возраст и расовые характеристики, габариты и внешность, осанку, характерные речевые обороты; выражения лица; жесты и т. п. Некоторые из этих знаковых сигналов (такие, как расовые признаки) относительно постоянны для данного индивида и не меняются от ситуации к ситуации на протяжении какого-то промежутка времени. Другие же — относительно подвижны или преходящи, как например выражение лица, и могут меняться в течение одного исполнения от момента к моменту.

Иногда удобно делить знаковые сигналы, составляющие личный передний план, на ***внешний вид*** и ***манеры*** согласно функции, исполняемой информацией, которую они передают. К внешнему виду можно отнести те из них, которые действуют в данный момент, говоря нам о социальных переменных состояниях исполнителя. Сигналы внешнего вида сообщают нам также о временном ритуальном состоянии индивида: занят ли он официальной общественной деятельностью, работает, или предается неофициальным развлечениям; переживает он или нет новую фазу в сезонном, либо во всем жизненном цикле и т. п. Манерами можно назвать сигналы исполнителя, которые в данный момент предупреждают нас о той роли во взаимодействии, какую он намеревается играть в надвигающейся ситуации. Так, надменная агрессивная манера поведения может создать впе-

---

[9] *Solomon D.* Career contingencies of Chicago physicians / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1952. P. 74.

чатление, что исполнитель собирается быть тем, кто начинает словесное взаимодействие и направляет его ход. Мягкая, извиняющаяся манера может сигнализировать о том, что исполнитель готов следовать за другим лидером или, что его, по крайней мере, можно склонить к этому.

Конечно, чаще всего мы ждем подтверждающей правильность восприятия сигналов согласованности между внешностью и манерами. Мы ждем, что различия в социальных статусах взаимодействующих лиц так или иначе отразятся в соответствующих различиях подаваемых сигналов об ожидаемых ролях участников взаимодействия. Такой тип согласованности элементов личного переднего плана в исполнении можно проиллюстрировать следующим описанием шествия мандарина через китайский город:

Следом... все свободное пространство улицы заполняет роскошный паланкин мандарина, который несут восемь носильщиков. Он градоначальник и носитель верховной власти в городе по всем практически важным вопросам. Он идеальный образ должностного лица, ибо сам по себе внушителен и массивен по наружности, а в данный момент имеет столь суровый и неприступный вид, словно бы он следует к месту казни обезглавить какого-нибудь преступника. Таков дух постановки, создаваемой мандаринами, когда они появляются на публике. За многие годы жизни в Китае я ни разу не видел никого из них, от самых высших до низших чинов, с улыбкой на лице или с выражением сочувствия к людям во время их официального шествия по городским улицам на носилках[10].

Но, разумеется, внешний вид и манеры могут и противоречить друг другу, как это происходит, например, в случае, когда исполнитель по виду более высокого чем его аудитория положения действует в манере неожиданно уравнительной, или неуместно интимной, или извиняющейся. То же бывает, когда исполнитель в наряде, соответствующем высокому положению в обществе, представляется человеку с еще более высоким статусом.

Вдобавок к ожидаемому соответствию внешнего вида и манер можно предполагать, конечно, и известное соответствие между обстановкой, внешностью и манерами[11]. Та-

---

[10] *Macgown J.* Sidelights on Chinese life. Philadelphia: Lippincott, 1908. P. 187.

[11] Ср. комментарии Кеннета Берка о «соотношении сцены, действия и действующего лица»: *Burke K.* A grammar of motives. N.Y.: Prentice-Hall, 1945. P. 6—9.

кое гармоничное соответствие представляет собой идеальный тип, который возбуждает наше внимание и интерес к отклонениям от этой гармонии. В этом ученому помогает журналист, ибо исключения в ожидаемом соответствии обстановки, внешнего вида и манер придают пикантность, вызывают любопытство ко многим карьерам и обеспечивают продажную привлекательность многим журнальным статьям. Например, в очерке в «New Yorker» о Роджере Стивенсе (агенте по продаже недвижимости, который устраивал продажу небоскреба «Empire State Building») смакуется поразительный факт, что у самого Стивенса маленький дом, скудно обставленный кабинет и у него нет даже личных фирменных бланков[12].

Чтобы полнее изучить отношения между отдельными элементами социального переднего плана, уместно рассмотреть важную характеристику передаваемой на этом уровне информации, а именно, ее абстрактность и обобщенность.

Какой бы специализированной и уникальной ни была изучаемая рутина, социальная информация ее переднего плана, за определенными исключениями, будет содержать нормы, на которые могут в равной степени претендовать и другие, в чем-то отличные рутинные исполнения. К примеру, многие занятия в сфере услуг предлагают своим клиентам исполнение, разукрашенное цветистыми обещаниями чистоты, современности, компетентности и комплексности. Хотя в действительности эти абстрактные стандарты имеют разное наполнение в разных занятиях, заинтересованного наблюдателя поощряют обращать внимание преимущественно на такие абстрактно сходные характеристики. Ибо для внешнего наблюдателя это создает замечательное, хотя иногда и коварное, удобство. Вместо необходимости вырабатывать разные образцы ожидания и разумной реакции на каждое мелкое отличие каждого исполнителя и исполнения от другого, наблюдатель может включить данную ситуацию в некую широкую категорию, вокруг которой ему легче мобилизовать свой прошлый опыт и стереотипы мышления. В этом случае наблюдателям нужно лишь быть знакомыми с небольшим и потому управля-

[12] *Kahn E.J. (jr.).* Closings and openings // New Yorker. 1954. 13, 20 February.

емым запасом представительских передних планов и знать как реагировать на них, чтобы ориентироваться в широком многообразии ситуаций. Так, в Лондоне существующая у трубочистов[13] и продавцов парфюмерии традиция носить белое лабораторное облачение дает клиенту понять, что деликатные задачи, поставленные перед лицами в белых одеждах, будут исполнены «как в аптеке»: точно, клинически чисто и конфиденциально.

Имеются основания полагать, что отмеченная тенденция, когда большое число различных актов начинает представляться небольшим числом передних планов, является естественным результатом развития социальной организации. А. Р. Радклифф-Браун подразумевал это, утверждая, что «дескриптивная» система родства, которая каждому лицу отводит единственное и неповторимое место, может работать в условиях очень малых сообществ, но, по мере того как число людей возрастает, становится необходимой клановая сегментация для введения в действие менее сложной системы идентификаций и определений[14]. Мы можем наблюдать указанную тенденцию на фабриках, в казармах и других крупных социальных учреждениях. Организаторы этих учреждений скоро обнаруживают, что невозможно обеспечить различное питание, узкоспециализированную методику оплаты труда, дифференцированные права на отпуск и особые санитарные удобства для каждой разновидности и статусной категории персонала в организации, и в то же время они чувствуют, что лиц разного статуса не следует неразборчиво сваливать в одну кучу или в одну классификационную группу. Тогда в порядке компромисса, весь диапазон разнообразия строится на нескольких ключевых пунктах, так что все лица в пределах данной категории обязаны или им позволяется поддерживать одинаковый социальный передний план действия в определенных ситуациях.

К тому, что разные рутинные исполнения могут использовать одинаковый передний план, следует добавить, что данный социальный передний план, как правило, институционализуется в виде обобщенных стереотипных ожида-

[13] *Jones M.* White as a sweep / New Statesman and Nation. 1952. 6 December.

[14] *Radcliff-Brown A.R.* The social organisation of Australian tribes // Oceania. Vol. 1. P. 440.

ний, развитию которых он дает толчок, и приобретает какое-то самостоятельное значение и стабильность независимо от конкретных задач, которые случается исполнять во имя его в определенный момент времени. Такой передний план становится «коллективным представлением» и самозаконным фактом.

Когда действующий индивид принимает постоянную социальную роль, он обычно обнаруживает, что какой-то передний план для нее уже установлен. Независимо от того, чем первично было мотивировано принятие им роли: желанием ли исполнить данную задачу или желанием сохранить соответствующий передний план — социальный актер в конечном счете поймет, что ему надо выполнять оба эти пункта.

Далее, если индивид возьмется за решение задачи, не только новой для него, но и не поставленной еще в обществе, или попытается изменить контекст ее рассмотрения, — он, весьма вероятно, обнаружит при этом наличие нескольких уже хорошо устоявшихся передних планов, среди которых ему придется выбирать. Таким образом, когда задача представлена неким новым передним планом, редко случается, что этот передний план нов сам по себе.

Поскольку существует тенденция выбирать, а не создавать заново, нужные передние планы, то можно ожидать возникновения некоторых затруднений, когда исполнители данной задачи бывают вынуждены выбирать для себя подходящий передний план из нескольких совершенно несходных между собою планов. Так, в военных организациях всегда найдутся промежуточные задачи, которые, по общему ощущению, предъявляют слишком большие требования к уровню авторитета и квалификации, связываемому с передним планом одной категории персонала, и слишком малые к уровню, подразумеваемому передним планом следующей в иерархии чинов категории персонала. До тех пор пока между иерархическими ступенями существуют относительно большие скачки, возникающие задачи будут исполняться то «слишком большими чинами», то «слишком малыми».

Интересный пример этой дилеммы, то есть выбора нужного переднего плана из нескольких не совсем подходящих, можно найти в сегодняшней практике применения

анестезии в американских медицинских учреждениях[15]. В некоторых больницах анестезию все еще делают медсестры при сохранении того представительского переднего плана, какой полагается иметь в больницах медсестрам независимо от исполняемых ими задач, — плана, влекущего церемониальное подчинение докторам и относительно низкий уровень оплаты. Для утверждения анестезиологии как специальности для дипломированных врачей, заинтересованные практики должны усиленно защищать идею, будто процедура анестезии достаточно сложна и жизненно важна, чтобы оправдать предоставление ее исполнителям церемониального и финансового вознаграждения, положенного докторам. Различия между передними планами деятельности медсестры (медбрата) и врача велики: многие вещи, приемлемые для сестринского персонала, являются infra dignitatem* для докторов. Некоторые причастные к медицине люди чувствуют, что ранг сестры для исполнения операционной анестезии занижен, а ранг полноправного врача завышен. Если бы существовал признанный промежуточный статус между званиями сестры и врача, то, возможно, было бы легче найти решение данной проблемы[16]. Аналогично, если бы в канадской армии между лейтенантом и капитаном существовал промежуточный чин на две с половиной звездочки вместо двух или трех, тогда капитанам корпуса дантистов, многие из которых «низкого» этнического происхождения, возможно, присваивали бы более подходящее в глазах кадровых военных звание, чем теперешнее их капитанство.

Дилемма выбора решается отнюдь не только с точки зрения какой-то формальной организации или общества:

---

[15] См. исчерпывающее обсуждение этой проблемы в неопубликованной магистерской диссертации Д. Лорти: Lortie D.C. Doctors without patients: The anesthesiologist, a new medical speciality / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1950. См. также очерк М. Мерфи о докторе Ровенстайне: *Murphy M.* Anesthesiologist // New Yorker. 1947. 25 October, 1, 8 November.

* Ниже достоинства (*лат.*)

[16] В некоторых больницах врачи-стажеры и студенты-медики исполняют задания ниже квалификации доктора, но выше уровня медсестры. Предположительно, такие задания не требуют большого опыта и практических навыков, так как хотя этот промежуточный статус обучающегося врача-стажера постоянно сохраняется в больницах, все занимают его временно.

индивиду как обладателю ограниченного набора знаковых средств не избежать проблем неподходящего выбора. Так, в фермерской общине, изученной автором данной книги, хозяева часто отмечали дружеские визиты предложением выпить крепкого ликера, вина, настойки домашнего приготовления или чашку чая. Чем выше был ранг или временный церемониальный статус посетителя, тем больше была для него вероятность получить угощение, приближающееся к ликерному варианту на указанной шкале. Проблема при практическом применении имеющегося знакового снаряжения состояла в том, что некоторые фермеры-арендаторы не могли себе позволить постоянно держать дома бутылку дорогого крепкого ликера, так что самым доброжелательным жестом с их стороны чаще всего оказывалось угощение вином. Но, возможно, еще более распространенным затруднением было то обстоятельство, что некоторые посетители, при оценке их постоянного и временного статуса в данный момент, превышали ранг, достойный одной категории питейного угощения и не дотягивали до следующей. Нередко возникала опасность, что либо гость почувствует себя чуть-чуть обиженным, либо дорогостоящий и ограниченный хозяйский запас знаков внимания будет использован не лучшим образом. Похожая ситуация возникает при общении наших средних классов, когда хозяйка должна решать, выставлять на стол парадное серебро или нет, надеть свое лучшее вечернее платье или обыкновенное.

Уже отмечалось, что представительский передний план всякого действия можно разбить на такие традиционные составляющие как обстановка, внешний вид и манеры, и что (поскольку один и тот же передний план может представлять разные рутинные партии) нельзя ждать совершенной согласованности между частными особенностями исполнения и общей социализированной формой, в которой оно разыгрывается перед нами. Взятые вместе два эти факта заставляют думать, что элементы социального переднего плана в конкретной рутинной партии не только будут присутствовать в передних планах целого ряда других рутинных партий, но что к тому же диапазон рутин, в которых используется один набор элементов знакового снаряжения, будет отличаться от диапазона рутин, в кото-

рых при том же социальном переднем плане используется иной набор. Так, юрист может беседовать с клиентом в социальной обстановке, которую он устраивает только для этой цели (или для изучения клиента), но подходящую для таких случаев одежду он будет подбирать еще и с расчетом, чтобы она равно годилась для обеда с коллегами и для посещения театра с женой. Подобно этому, гравюры, развешанные на стенах, и ковер на полу могут встречаться и в церемонии домашних приемов. Разумеется, в случаях высоко торжественных церемоний все элементы — обстановка, манеры и внешний вид — могут быть уникальными и особенными, используемыми только для исполнений единственного типа рутины, но такое исключительное использование знакового снаряжения оказывается именно исключением, а не правилом.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

В присутствии других индивид, как правило, сопровождает свои действия знаками, которые живо изображают и высвечивают подкрепляющие его образ факты, иначе, возможно, оставшиеся бы незамеченными или смутными. Ибо деятельность индивида станет значимой для других, только если *на протяжении всего взаимодействия* его действия будут выражать именно то, что он хочет передать и внушить другим. В жизни исполнителю может понадобиться полностью проявить свои заявленные способности не только за время взаимодействия в целом, но и за долю секунды в этом взаимодействии. Так, если судья в бейсболе хочет создать впечатление уверенности в своем решении, он должен поступиться реальной длительностью размышления, необходимой для полной уверенности, и выдать мгновенное решение, убеждающее публику в твердости и верности его позиции[17].

Для индивидов некоторых социальных статусов театрализация не составляет проблемы, поскольку какие-то действия, инструментально важные для выполнения центральной задачи этого статуса, в то же время способны превосходно (с точки зрения коммуникации) передавать

[17] *Pinelli B.* Mr Ump. Philadelphia: Westminster Press, 1953. P. 75.

информацию о качествах и свойствах, на какие претендует исполнитель лично. В этом отношении характерны роли профессиональных боксеров, хирургов, скрипачей, полицейских. Эти виды деятельности дают так много возможностей для самовыражения, что образцовые (реально или фиктивно) исполнители становятся знаменитыми и занимают особое место в коммерчески организованных фантазиях нации.

Но во многих случаях театрализация собственной работы оказывается проблемой. Иллюстрацию этому можно взять из одного исследования работы больниц, показавшего, что у медсестер общего профиля есть проблемы, которых нет у хирургических сестер:

Послеоперационный уход, который обеспечивает сестра в хирургическом отделении, очень часто признается важным делом даже пациентами, чуждыми медицине. Например, видя как сестра меняет повязки, настраивает ортопедические аппараты, пациент может оценить, насколько полезна ее деятельность. Даже если она не находится рядом с ним, он все же уважает ее целеустремленные хлопоты.

Профессия терапевтической медицинской сестры — это тоже высоко квалифицированный труд... Диагноз врача-терапевта все время вынужден опираться на тщательное наблюдение симптомов там, где хирург большей частью зависит от ясно видимых явлений. Недостаток наглядности создает проблемы для медика. Пациент не раз может видеть, как его медсестра стоит у соседней кровати и минуту-другую болтает с другим больным. Он не знает, что в это время она отмечает затрудненность дыхания, цвет и тон кожных покровов. Он полагает, что сестра навещает больного просто из праздности. Увы, так же думает и его семья, которая на этом основании может заключить, что роль этих сестер малозначительна. Если пациент считает, что медсестра проводит больше времени у соседней кровати, чем у его, то он обижается... Сестры, по его мнению, «зря растрачивают время», если не кидаются стрелой делать что-нибудь ощутимое, наглядное, вроде подкожных впрыскиваний[18].

Сходным образом, владельцу похоронного заведения может быть затруднительно красочно показать клиентам все, что фактически делается для них, потому что клиенты не способны «разглядеть» накладные расходы при про-

[18] *Lentz E.* A comparision of medical and surgical floors / Mimeo: New York State School of Industrial and Labor Relations. Cornell University, 1954. P. 2—3.

изводстве данной услуги. Поэтому предприниматели вынуждены взваливать большую часть расходов на самый наглядный свой «продукт» — гроб, ныне поневоле превращенный во внушительный саркофаг, — ибо другие издержки на проведение похорон не так легко продемонстрировать клиентам[19]. Коммерсанты тоже считают, что за вещи, которые не выглядят дешевыми, следует назначать высокие цены, чтобы компенсировать невидимые покупателям затраты, связанные со страхованием, периодами застоя в делах и т. д.

Проблема театрализации собственной работы включает нечто большее, чем простое представление невидимых издержек в наглядной форме. Эта работа, обязательная для лиц, занимающих определенный статус, зачастую бедна средствами для выражения желаемого смысла, так что если некто и захочет по-театральному живо передать характер своей роли, ему придется потратить на это немалое количество своей энергии. Такая деятельность по совершенствованию коммуникации часто требует качеств, контрастирующих с театрализуемыми ролями. К примеру, для создания в доме обстановки спокойного, сдержанного достоинства хозяину дома может быть придется суетливо бегать по аукционным распродажам, торговаться с антикварами и упорно прочесывать все местные магазинчики в поисках подходящих обоев и драпировок. Для подготовки радиобеседы, которая задумана как стихийно-неофициальная, естественная и непринужденная, ведущему, очень возможно, придется прописать свой сценарий особенно подробно и кропотливо, выверяя фразу за фразой, чтобы без ошибок следовать содержанию, языку, ритму и темпу обыденных разговоров[20]. Точно так же, модель журнала «Vogue» вполне способна позой, одеянием и выражением лица живо изобразить утонченное понимание книги, с которой в руках она снималась. Но в действительности женщины, стремящиеся к совершенству самовыражения в роли

[19] Сведения о похоронном бизнесе, использованные в данной книге, взяты из неопубликованной докторской диссертации Р. Хабенштейна: *Habenstein R. W.* The American funeral director / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1954.

[20] *Hilton J.* Calculated spontaneity // Oxford Book of English Talk. Oxford: Clarendon Press, 1953. P. 399—404.

фотомодели обычно имеют на чтение очень мало времени и сил. Как говорил применительно к подобному случаю Ж.-П. Сартр: «Внимательный ученик, который очень хочет *быть* внимательным, с глазами, прикованными к учителю, с отверстыми ушами, до того истощает себя, играя роль внимательного, что кончает полной невосприимчивостью к словам учителя»[21].

И потому перед людьми часто встает дилемма: либо внешнее выражение действия, либо содержание самого действия. Тому, у кого есть время и талант хорошо выполнить свою задачу, именно поэтому может не хватить времени или таланта на демонстрацию другим, насколько хорошо он это делает. К слову сказать, некоторые организации разрешают эту дилемму, официально передоверяя театрально-представительскую функцию специалисту, который тратит все свое время на толкование и показ другим смысла задачи и не имеет времени на реальное ее исполнение.

Если на миг изменить систему координат, перейдя от конкретного исполнения как точки отсчета к индивидам, представляющим это исполнение, то можно увидеть интересную особенность того круга различных рутинных партий, исполнение которых обслуживает какая-то группа или класс индивидов. Если внимательно изучить такую группу или класс, можно обнаружить, что члены ее или его склонны связывать свое самолюбие, личную самооценку, свое *эго*, в основном, со вполне определенными рутинными партиями, придавая гораздо меньшее значение другим партиям, которые они исполняют. Так, некий профессионал может довольствоваться очень скромной ролью на улице, в магазине или в своем доме, но в той социальной сфере, где происходит показ его профессиональной состоятельности, он обычно намного сильнее заинтересован в своем успешном выступлении. Внутренне мобилизуясь для этого, профессионал будет заниматься не столько полным репертуаром исполняемых им партий, сколько той одной, от которой зависит его профессиональная репутация. Именно в этом пункте некоторые авторы ищут отличия групп с аристократическими привычками (каков бы ни был их со-

[21] *Sartre J.-P.* Beinig and nothingness. L.: Methuen. 1957.

циальный статус) от групп с характеристиками среднего класса. Говорят, что аристократические привычки проявляются во всех мелочах жизни, которые выпадают из круга серьезных специальных занятий других классов, и вносят в эти мелочи особое достоинство властного характера и высокого положения.

Какими же важными достоинствами знатный молодой человек учится поддерживать величие своего титула и показывать себя заслуживающим той высоты превосходства над своими согражданами, на которую вознесла его доблесть предков: знаниями ли, или трудолюбием, или терпением, или самопожертвованием, или какой-либо иной добродетелью? Поскольку ко всем его словам, ко всем его движениям приковано внимание ближних, он привыкает заботиться о каждой мелочи обыденного поведения и приучается исполнять все мелкие житейские обязанности как можно точнее. Поскольку он сознает, как пристально за ним наблюдают и как много людей готовы благосклонно принимать все его увлечения, он действует, по самым незначительным поводам, с такими свободой и подъемом, какие естественно внушает сама мысль об этом. Весь его вид, его манеры, его поведение проникнуты тем утонченным и изящным чувством собственного превосходства, какое вряд ли способны когда-либо приобрести рожденные в низких общественных состояниях. Таково то искусство вести себя, благодаря которому он полагает возможным заставить людей с меньшим сопротивлением покоряться своему авторитету и управлять их склонностями к собственному удовольствию — и в этом ожидании он редко обманывается. Этого искусства, поддерживаемого титулом и наследственными преимуществами, при обыкновенных обстоятельствах достаточно, чтобы править миром[22].

Если действительно существуют такие виртуозы житейского поведения, то они образовали бы вполне подходящую группу для изучения техники превращения нашей деятельности в спектакль.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ

Как было сказано ранее, всякое исполнение рутинной партии заявляет своим представительским передним планом некоторые весьма абстрактные притязания на часть аудитории — притязания, которые, вероятно, будут предъ-

[22] *Smith A.* The theory of moral sentiments. L.: Henry Bohn, 1853. P. 75.

явлены этим людям во время исполнения и других рутин. Таков один путь, каким исполнение «социализируется», формируется и подгоняется под понимание и ожидания общества, в котором оно протекает. Рассмотрим и другой важный аспект этого процесса социализации — тенденцию исполнителей внушать своим зрителям идеализированное по нескольким различным параметрам впечатление.

Идея, что всякое исполнение отражает идеализированное видение ситуации, конечно, весьма распространена. В качестве иллюстрации можно взять точку зрения Ч. Х. Кули:

Если бы люди никогда не пытались казаться хоть немного лучше, чем они есть, как могли бы мы совершенствоваться или «учиться на внешних проявлениях внутреннего мира человека»? То же стремление показывать себя исключительно с лучшей или идеализированной стороны находит организованное выражение в поведении различных профессиональных групп и классов, из которых каждая категория принимает какую-то до известной степени лицемерную позу, по большей части бессознательно усваиваемую ее членами, но имеющую характер заговора с целью воздействовать на доверчивость остального мира. Лицемерие существует не только в теологии и филантропии, но и в сферах права, медицины, преподавания, даже науки — возможно, именно в наши дни особенно в науке, поскольку чем прочнее общественное признание и уважение определенного рода заслуг, тем вероятнее, что их будут притворно изображать ничего не значащими пустяками[23].

Таким образом, когда индивид представляет себя перед другими, его «исполнение» будет реально проявлять тенденцию к воплощению и подтверждению собственным примером общепринятых ценностей данного общества в гораздо большей мере, чем это делает его поведение в целом.

В той мере в какой исполнение выдвигает на первый план общепринятые официальные ценности того общества, в котором оно осуществляется, можно, по образцу Э. Дюркгейма и А. Р. Радклифф-Брауна, смотреть на это исполнение как на церемонию экспрессивного обновления и повторного подтверждения моральных ценностей данного человеческого сообщества. Более того, поскольку этот экс-

[23] *Cooley Ch.H.* Human nature and the social order. N.Y.: Scribner's, 1922. P. 352—353.

прессивный уклон в исполнениях начинает восприниматься как реальность, постольку исполнение, которое в данный момент принимают как реальность, будет приобретать некоторые характеристики праздничной церемонии. Оставаться посторонним в помещении, где идет вечеринка или прием клиента, значит оставаться в стороне от творимой реальности момента. Поистине вся жизнь — это церемониальное действо.

Один из богатейших источников данных о представлении перед другими идеализированных исполнений предлагает нам литература по социальной мобильности. По-видимому, в большинстве обществ есть главная или общая система стратификации, а в большинстве стратифицированных обществ существует некоторая идеализация высших слоев и определенное стремление части людей продвинуться с низших позиций на более высокие. (Здесь следует учесть, что это стремление содержит не просто желание заполучить престижное место, но и желание приблизиться к священному средоточию общепринятых ценностей общества.) Обычно продвижение вверх требует представления себя соответствующими действиями, исполнениями определенных партий, а усилия продвинуться так же как и усилия удержаться от скатывания вниз выражаются в жертвах, сделанных ради поддержания своего представительского переднего плана, своей парадной вывески. Как только действующим лицом достигнут надлежащий уровень знакового снаряжения и свободного владения им, это снаряжение может быть использовано для разукрашивания ежедневных исполнений в том стиле, который предпочтителен в данной социальной среде.

Возможно, самую важную часть знакового снаряжения того или иного социального класса, составляют статусные символы, через которые выражается материальное благосостояние. В этом отношении американское общество похоже на другие, но, кажется, заслуживает выделения как крайний пример существования ориентированной на благосостояние классовой структуры — возможно потому, что в Америке широко распространено снисходительное попустительство злоупотреблению символами богатства и финансовой состоятельности. Индийское общество, напротив, нередко описывали не только как общество, в котором

социальное продвижение осуществляется и оценивается в характеристиках кастовых групп, а не индивидов, но и как общество, в котором люди склонны в исполнениях своих действий придерживаться предпочтительно нематериальных ценностей и притязаний. Один из исследователей Индии, например, высказался об этом так:

Кастовая система далека от модели жесткой системы, где положение каждой ее составляющей закреплено навечно. Движение всегда было возможно, и особенно — на средних ступенях иерархии. Какая-нибудь низшая каста через одно или два поколения имела возможность подняться на более высокую позицию в иерархии, практикуя вегетарианство и воздержание и санскритизируя свои ритуалы и пантеон богов. Короче говоря, такая каста, насколько возможно, перенимала обычаи, ритуалы и верования брахманов, и принятие брахманского образа жизни той или иной низшей кастой, по-видимому, было частым, хотя теоретически запретным явлением...

Стремление низших каст подражать высшей было мощным фактором в распространении санскритских ритуалов и обычаев, а также в достижении определенного уровня культурной однородности не только в масштабе касты, но и по всей Индии[24].

Конечно, в действительности есть много индуистских групп, члены которых эгоистически заинтересованы во внесении знаков богатства, роскоши и высокого классового статуса в исполнение своих повседневных дел и слишком мало думают об аскетической чистоте, чтобы бояться повредить ей. Соответственно, в кичащейся богатством Америке всегда были влиятельные группы, члены которых чувствовали, что каждое исполнение определенных действий в каком-то отношении обязано приглушать внешние выражения атрибутов чистого богатства, чтобы поддерживать впечатление о преобладании в их жизни стандартов породы, культуры или моральной серьезности.

Возможно, из-за ориентации на продвижение вверх, наблюдаемой сегодня в ведущих обществах, люди склонны думать, что подчеркнутая выразительность исполнения обязательно требует от исполнителя каких-то проявлений в поведении более высокого классового статуса, чем был свойствен ему в обыкновенных обстоятельствах. К при-

[24] *Srinivas M.N.* Religion and society among the coorgs of South India. Oxford: Oxford University Press, 1952. P. 30.

меру, вряд ли кого-либо удивят следующие подробности домашних «исполнений» из прошлого Шотландии:

Одно совершенно ясно: средний помещик и его семья в обычное время жили гораздо скромнее, чем когда они принимали гостей. Лишь тогда они поднимались до высоты большого события и подавали блюда, напоминавшие о пирах средневековой знати. Но подобно тем же былым нобилям, между пиршествами они, так сказать, «вели секретное домашнее хозяйство» и держали самый простой стол. Этот секрет хорошо охранялся. Даже Эдуард Бёрт, при всем его знании шотландских горцев, очень затруднялся описать их повседневную пищу. Все, что он мог сказать определенно, сводилось к тому, что когда бы они ни принимали гостя-англичанина, они предлагали ему слишком много еды. И он заметил по этому поводу: «Там часто говорят, что шотланский лаэрд скорее ограбит всех своих арендаторов, чем позволит англичанам плохо подумать о его умении вести хозяйство. Но я слышал от многих, что..., хотя за обедом таким помещикам прислуживали пять или шесть человек, они, при всем при том, часто вкушали овсянку в разных видах, селедку или другую такую же посредственную и дешевую пищу»[25].

В жизни, однако, разные классы людей имели в прошлом множество причин для систематического культивирования скромности и приглушения всяческих проявлений богатства, выдающихся способностей, духовной силы или самоуважения.

Детскую наивность, безделие, беззаботность и другие черты поведения, которые негры в южных штатах иногда почитали своей обязанностью демонстрировать во взаимодействии с белыми, показывают, как исполнение может преувеличивать ценностные идеалы, придающие исполнителю более низкую позицию, чем та, на которой он втайне видит себя. Вот современная версия подобного маскарада:

Там, где существует реальная борьба за работу выше уровня неквалифицированных занятий, обычно воспринимаемую как «работа для белых», некоторые негры по собственной воле будут принимать символы пониженного статуса, фактически исполняя работу человека более высокого ранга. Так, негр-экспедитор может согласиться на звание и зарплату рассыльного, медсестра позволит называть себя простой сиделкой, а мастер

---

[25] *Plant M.* The domestic life of Scotland in the Eighteenth century. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1952. P. 96—97.

педикюра будет посещать дома белых сограждан поздним вечером с заднего крыльца[26].

Американские студентки преуменьшали, преуменьшают и, без сомнения, будут преуменьшать и впредь свой ум, способности и решительность в присутствии парней-ровесников, тем самым проявляя глубокую психологическую самодисциплину, несмотря на их международную репутацию легкомысленных созданий[27]. Сообщают, что эти исполнительницы житейских ролей позволяют своим «мальчикам» нудно разъяснять уже известные им вещи, скрывают действительный уровень владения математикой от своих менее способных партнеров и проигрывают в настольный теннис под самый конец партии. Вот пример использования этого девичьего арсенала:

Один из самых простых и изысканных приемов — изредка писать или выговаривать длинные слова неправильно. Кажется, мой парень от этого тащится, потому что с удовольствием поправляет меня в письме: «Милая, ты явно не знаешь, как пишется это слово»[28].

Благодаря всем этим приемам доказывается «естественное превосходство» мужчины и подтверждается привычная роль женщины как представительницы слабого пола.

О подобной маскировке рассказывали мне и жители одного из Шетландских островов: их деды имели обыкновение воздерживаться от улучшения внешнего вида своих домов, чтобы лорд-землевладелец не воспринял такое улучшение как сигнал о возможности вытрясти из них повышенную арендную плату. Эта традиция отчасти нашла продолжение в спектаклях нищеты, иногда разыгрываемых перед шетландским чиновником, принимающим решения об оказании материальной помощи. Еще характернее, что на островах есть мужчины, которые давно расстались с традиционным жребием островитянина — фермерством ради пропитания и суровым образом жизни с нескончаемой работой, минимумом удобств и рыбно-картофельной диетой. И все-таки эти люди на публике часто носят кожаную куртку на шерстяной подкладке и резино-

---

[26] *Johnson Ch.* Patterns of Negro segregation. N.Y.: Harper Bros., 1943. P. 273.

[27] *Komarovsky M.* Cultural contributions and sex roles // American Journal of Sociology. Vol. 52. P. 186—188.

[28] Ibid. P. 187.

вые сапоги, что воспринимается как общеизвестный статусный символ фермера-арендатора. Они представляют себя местному обществу как «настоящих мужиков», которые верны социальному статусу своих собратьев-островитян. Эта «партия» разыгрывается со всей искренностью, душевной теплотой, употреблением соответствующего диалекта и большим самоконтролем. Однако в уединении на собственных кухнях эти «мужики» позволяют себе расслабиться и насладиться некоторыми современными удобствами из обихода среднего класса, к которым уже привыкли.

Негативная идеализация того же рода была в ходу в Америке во время великой депрессии 1929—1930 гг., когда нередко нищета семьи утрированно демонстрировалась перед обследующими ее работниками социального обеспечения и благотворительных организаций, тем подтверждая мнение, что везде, где для назначения социальных пособий проводится проверка доходов, там, скорее всего, появится и спектакль нищеты.

В этой связи некоторые интересные случаи из своего опыта сообщает обследовательница материального положения семей для одного из правительственных департаментов. Она итальянка, но белокожая и светловолосая, совершенно не похожая на итальянку. Ее главной задачей было обследование итальянских семей, получающих пособие по безработице от федеральных властей. То обстоятельство, что она не выглядела как итальянка, позволило ей с избытком наслушаться не предназначенных для посторонних ушей разговоров по-итальянски, раскрывающих отношение клиентов к этому вспомоществованию. Например, во время собеседования в гостиной мать семейства зовет ребенка, чтобы тот предстал перед обследовательницей, но при этом велит ему надеть сперва старые башмаки. В другом случае можно услышать, как мать или отец просят кого-то за дверью убрать с глаз долой вино или еду, прежде чем впустить обследовательницу в дом[29].

Еще один пример из недавнего исследования поведения сборщиков утиля говорит о том же типе удобного для них впечатления о своем деле, навязываемого другим:

...Старьевщик жизненно заинтересован в сокрытии информации об истинной стоимости «старья» от широкой публики. Он хотел бы увековечить миф, будто утиль ничего не стоит, а

---

[29] *Bakke E.W.* The unemployed worker. New Haven: Yale University Press, 1940. P. 371.

те, кто занимается им, — это выбитые из колеи люди, которых надо пожалеть[30].

В подобных представлениях нужен момент идеализации, потому что для успеха исполнитель должен предлагать публике инсценировку, использующую все накопленные у зрителей стереотипы крайней нищеты и несчастья. Из таких идеализированных рутинных партий, возможно, ни одна их разновидность не обладает такой привлекательностью для социолога как «исполнения» уличных бродяг. В западном обществе, однако, по сравнению с началом этого столетия сцены, которые ставят бродяги, по-видимому, много потеряли в своей театральности. Сегодня гораздо реже можно услышать о картинном представлении «достойной бедности» или «приличной семьи», в котором семья выступает в заплатанных, но неправдоподобно чистых одеждах, а лица детей сияют от слоя мыла, отполированного мягкой тряпкой. Больше не увидишь представлений, в которых полуголый дядя давится грязной коркой хлеба, и, кажется, не в силах проглотить ее из-за крайней слабости, или сцен, в которых оборванный мужчина отгоняет воробья от куска хлеба, медленно обчищает его рукавом пальто и, по виду не сознавая присутствия собравшейся вокруг него публики, начинает его жевать. Редким стал и «стыдящийся бродяга», кроткий умоляющий взгляд которого без слов говорит о тонкой чувствительной натуре, не позволяющей ему просить у прохожих милостыню. Между прочим, сценки, исполняемые бродягами, люди называют очень разнообразно: попрошайничество, афера, охмуреж, вымогательство, ловля на живца, мошенничество, одурачивание и т. п. — слова, которые подходят для описания исполнений больше в юридических категориях законности, чем в категориях искусства[31].

Если индивид хочет довести свое исполнение до идеального образца, тогда ему придется воздерживаться или скрывать действия, несовместимые с этим идеалом. Когда, как часто случается, это неправильное поведение само по себе приносит удовлетворение, то обычно его позволя-

---

[30] *Ralph J.B.* The Junk business and the junk peddler / Unpublished M.A. report. Department of sociology. University of Chicago, 1950. P. 26.

[31] *Mayhew H.* London labour and the London poor. 4 vols. Vol. 1. L.: Griffin, Bohn, 1861. P. 415—417; Vol. 4, 1862. P. 404—438.

ют себе втайне, ухитряясь таким образом и изобразить воздержание от поедания пирога и попробовать его. Например, в американском обществе восьмилетние дети часто заявляют об отсутствии интереса к телепрограммам для пяти и шестилетних, но нередко тайком смотрят эти программы[32]. Известно также, что домашние хозяйки из среднего класса пользуются (тоже тайком) дешевыми заменителями кофе, мороженого или масла. Таким путем они имеют возможность экономить деньги, или усилия, или время и при этом поддерживать впечатление, будто приготовляемая ими пища сплошь самого высокого качества[33]. Одни и те же женщины могут держать на журнальном столике в гостиной «Saturday Evening Post» и прятать в своей спальне дамский роман серии «Подлинные любовные истории» (из тех, что «должно быть, забыла наша уборщица»)[34]. Не раз писали, что аналогичное поведение, которое допустимо назвать «секретным потреблением», можно обнаружить среди индуистов:

> Когда их видят другие, они подчиняются всем своим обычаям, но в уединении их поведение не так безупречно[35].
>
> Я получил достоверную информацию, что некоторые брахманы, работающие в небольших компаниях, тайно посещали дома Шудра, от которых они зависели, и без всяких угрызений совести потребляли мясо и крепкие напитки[36].
>
> Тайное потребление опьяняющих напитков встречается еще чаще чем потребление запретной пищи, так как первое легче скрыть. И все же это вещь неслыханная — встретить пьяного брахмана на людях[37].

Можно добавить, что сексологические обследования под руководством А. Кинси придали новую энергию изучению и анализу секретного потребления[38].

---

[32] Неопубликованные отчеты корпорации «Социальные исследования» в Чикаго. Выражаю благодарность корпорации за разрешение использовать эти и другие данные из ее отчетов.

[33] Там же.

[34] Сведения из доклада профессора Чикагского университета У. Уорнера, сделанного на семинаре 1951 г.

[35] *Dubois H.A.* Character, manners, and customs of the people of India. 2 vols. Philadelphia: M'Carey & Son, 1818. Vol. 1. P. 235.

[36] Ibid. P. 237.

[37] Ibid. P. 238.

[38] Как настаивал Адам Смит, добродетели тоже могут быть скрываемыми подобно порокам: «Тщеславные люди часто делают вид, будто они

Важно отметить, что когда индивид выступает с каким-то исполнением, он, как правило, скрывает нечто большее, чем неподобающие удовольствия и благоразумные умолчания. Можно привести некоторые из таких скрываемых вещей.

Во-первых, вдобавок к тайным удовольствиям и удобным умолчаниям исполнитель может быть занят неким выгодным делом, скрываемым от глаз аудитории и несовместимым с тем образом своей деятельности, какой он надеется донести до публики. Хрестоматийный образец такого поведения можно обнаружить у продавцов сигар, совмещающих это занятие с букмекерством, но нечто подобное найдется и во многих других местах. На удивление большое число работников, по-видимому, оправдывают для себя привязанность к своим местам работы возможностью красть нужные инструменты, перепродать служебные запасы продовольствия, попутешествовать за счет компании, распространить определенную пропаганду или завязать и соответственно направлять полезные контакты и т. д.[39] Во всех таких случаях место работы и официальная деятельность становятся чем-то вроде раковины, которая укрывает самую энергичную часть жизни исполнителя.

Во-вторых, почти неизбежные ошибки и погрешности часто исправляются еще до окончания исполнения, хотя наиболее красноречивые свидетельства совершения этих ошибок и последующего их исправления скрываются. Таким путем исполнители поддерживают впечатление своей непогрешимости, столь важное во многих представлениях себя другим. В частности, об этом говорит известная острота о врачах, которые хоронят свои ошибки. Другой пример содержится в диссертации П. Блау о социальном взаимодействии в трех правительственных учреждениях, в которой утверждается, что чиновники этих учреждений

не чужды модному распутству, которое в глубине души не одобряют и в котором, очень возможно, в действительности неповинны. Они жаждут похвал за то, что про себя не считают достойным хвалы, и стыдятся немодных добродетелей, коих иногда придерживаются втайне и к коим в душе питают известное почтение» (*Smith A.* Op. cit. P. 88).

[39] Для обозначения тайных источников дохода работников социальных служб предложен термин «побочная кормушка». См. неопубликованные материалы: *Boganoff E., Glass A.* The sociology of the public case worker in an urban area / Unpublished Master's report. Department of sociology. University of Chicago. 1953.

не любили диктовать доклады стенографистке напрямую, потому что предпочитали заранее пройтись по тексту и исправить ошибки прежде чем их заметит стенографистка, не говоря уж о начальнике[40].

В-третьих, в тех взаимодействиях, где индивид представляет другим свою продукцию, он обычно предпочтет показать им только конечный результат и тем вынудить их судить о себе на основании чего-то полностью завершенного, отшлифованного и упакованного. В некоторых случаях, когда доводка объекта потребовала незначительных усилий, исполнители будут скрывать этот факт. В других, наоборот, они постараются утаить, сколько утомительных часов уединенного труда понадобилось им на доведение дела до конца. К примеру, вежливо-утонченный стиль некоторых ученых книг полезно сопоставить с нудной, лихорадочно-спешной работой, которую, возможно, пришлось вытерпеть автору, чтобы закончить в срок необходимые указатели к книге, или с оскорбительными пререканиями между ним и издателем по поводу размеров заглавной буквы в фамилии автора на обложке.

Можно добавить и четвертое расхождение между видимостью и полной неприкрашенной действительностью. Вполне правдоподобно, что многие исполнения не состоялись бы вовсе, если бы по ходу дела не решались задачи, не совсем чистоплотные, полузаконные, жестокие или еще как-то иначе предосудительные. Но эти прискорбные факты редко выплывают на свет вс время самого исполнения. По словам Хелен Хьюз, люди склонны скрывать от своей аудитории все свидетельства «грязной работы» независимо от того, делается ли эта работа секретно ими самими или поручается доверенному лицу, безличному рынку, признанному или подпольному непризнанному специалисту.

С понятием «грязной работы» тесно связано и пятое расхождение между видимостью исполнения и фактическим его содержанием. Если деятельность какого-то индивида обязана воплощать в себе определенные идеальные стандарты и если ее необходимо показать людям в наилучшем виде, то тогда очень вероятно, что некоторые из этих

[40] *Blau P.* Dynamics of bureaucracy. P. 184.

стандартов будут выдержаны перед публикой за счет тайного пожертвования какими-то другими нормами. Без сомнения, исполнитель чаще будет поступаться теми нормами, несоблюдение которых легче скрыть, и делать это ради поддержания таких стандартов, отсутствие которых скрыть невозможно. Так, во времена нормированного снабжения, если ресторатор, бакалейщик или мясник захочет сохранить привычную картину разнообразия продуктов и подтвердить свою репутацию в глазах потребителей, то он сможет достичь этого, видимо, только через нелегальные источники снабжения. Точно так же, если об услуге судят по скорости и качеству, то, по всей вероятности, в затруднительных обстоятельствах качеством пожертвуют раньше, чем скоростью, ибо можно скрыть плохое качество, но не медленное исполнение услуги. По тем же причинам, если смотрителей в психиатрической лечебнице обязывают поддерживать порядок и одновременно не избивать пациентов, и если такое сочетание нормативных требований оказывается трудноисполнимым, то беспокойного больного могут «повязать» мокрым полотенцем и привести в повиновение другим насильственным способом, который не оставляет видимых следов плохого обращения[41]. Можно подделать неприменение к больным насилия, но не вещественные свидетельства порядка:

Наиболее легко отслеживать соблюдение тех правил, распоряжений и порядков, повиновение или неповиновение которым оставляет материальные свидетельства. Таковы правила относительно уборки больничной палаты, запирания дверей, употребления алкогольных напитков при исполнении служебных обязанностей, применения методов лишения свободы и т. п.[42].

Заботясь в первую очередь о «видимом», не стоит быть слишком уж большим циником. Часто оказывается, что при достижении главных идеальных целей организации иногда бывает необходимо пренебречь на время другими ее идеалами, в то же время поддерживая впечатление, будто эти другие идеалы все еще в силе. В таких случаях жертвуют не в пользу самого очевидного идеала, а скорее ради сохранения наиболее легитимно важного идеала. Это можно

---

[41] *Willoughby R. H.* The attendant in the State Mental Hospital. / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. P. 44.

[42] Ibid. P. 45–46.

пояснить примером, взятым из статьи о флотской бюрократии:

Эту характеристику [навязываемую группой секретность] никак нельзя целиком приписать страху членов данной группы, что выйдут на свет неприятные факты. Хотя такой страх всегда присутствует в практике сокрытия от чужих глаз «интимного портрета» любой бюрократии, навязчивая секретность принадлежит к тем свойствам всякой неформальной структуры как таковой, которые важнее, чем обычно думают. Ибо неформальная структура играет весьма значительную роль в создании *каналов для обхода* формально предписанных правил и процедурных методов. Ни одна организация не может позволить себе обнародовать свои методы (которыми, это важно отметить, решаются определенные проблемы), прямо противоположные официально санкционированным, а в данном случае — строго санкционированным дорогими группе традициями[43].

И, наконец, в жизни достаточно часто встречаются исполнители, активно насаждающие впечатление, что в прошлом у них были какие-то идеальные мотивы для принятия роли, в которой они теперь выступают, что они идеально подходят к этой роли по своим качествам и квалификации и что им не пришлось сносить всяческие оскорбления, поношения и унижения или молчаливо соглашаться на разные сомнительные «дела», чтобы получить данную роль. (Хотя такое общее впечатление священной гармонии между человеком и его работой чаще всего стараются создать у других работники «высоких» профессий, похожее поведение встречается и в менее престижных профессиях.) Для закрепления таких идеальных представлений существует своеобразная «риторика обучения», при помощи которой рабочие союзы, университеты, торговые ассоциации и другие выдающие лицензии учреждения вынуждают практиков глотать мистические пилюли в виде традиционного объема и длительности обучения, отчасти чтобы сохранить свою монополию, а отчасти, чтобы навязать впечатление, будто дипломированный практик — это человек, заново созданный в процессе его обучения и отделенный тем самым от всех прочих людей. Так, о фармацевтах рассказывают, будто они сознают, что четырехлетний университетский курс обучения, требуемый для полу-

[43] *Page Ch.H.* Bureaucracy's other face // Social Forces. Vol. 25. P. 90.

чения лицензии на занятия фармацевтикой, в общем «полезен для профессии», но вместе с тем некоторые из них признают, что практически достаточно всего лишь нескольких месяцев обучения[44]. К этому можно добавить, что во время второй мировой войны в американской армии бесхитростно подходили к таким профессиям как аптекарь и часовщик с чисто прагматических позиций и готовили успешно работавших практиков за пять-шесть недель к ужасу официально признанных членов этих корпораций. По таким же соображениям можно предположить, что клирики, создающие впечатление, будто они пошли в церковь исключительно по зову сердца и призванию, в Америке склонны скрывать свою заинтересованность в социальном продвижении, а в Англии — в том, чтобы не скатиться вниз слишком безнадежно. Вдобавок клирики предпочитают внушать другим, будто они выбрали свои теперешние конгрегации за предложение особо ценных духовных даров, а не потому, как возможно было в действительности, что церковные старосты предложили им хороший дом или полную оплату расходов на переезд. Аналогично, в медицинских учебных заведениях Америки существует тенденция набирать часть своих студентов по признаку этнического происхождения, поскольку пациенты определенно учитывают этот фактор при выборе лечащего врача, но в практическом взаимодействии между докторами и пациентами рекомендуется создавать впечатление, что док-тор есть доктор просто в силу его профессиональной пригодности и специального образования. Подобным же образом, руководящие работники часто просто изображают своим видом компетентность и общее владение ситуацией, заставляя себя и других не замечать, что они занимают свои рабочие места отчасти именно потому, что выглядят как руководители, а вовсе не потому, что умеют работать как положено руководителям:

Очень немногие из руководящего персонала понимают, насколько важным может быть их физический облик для работодателя. Эксперт по трудоустройству Анн Хофф делится своими наблюдениями, что работодатели наших дней, видимо, ищут идеальный «голливудский тип». Одна компания отвергла кандида-

[44] *Weinlein A.* Pharmacy as a profession in Winsconsin / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1943. P. 89.

та за то, что «у него слишком квадратные зубы», а других браковали потому, что их уши торчали, или что они слишком усердно курили и пили во время ознакомительной беседы. Расовые и религиозные требования к претендентам тоже часто и откровенно выдвигаются работодателями»[45].

Исполнители могут даже пытаться изображать, что их теперешняя представительная сановитость и профессионализм — это нечто такое, чем они обладали всегда, и что им никогда не надо было с трудом продираться через период ученичества. Во всем этом исполнителей могут молчаливо поощрять учреждения, в которых им приходится действовать. Так, многие школы и институты объявляют серьезные вступительные собеседования и экзамены, но в действительности отвергают очень немногих абитуриентов. Психиатрическая больница может обязать своих будущих служителей пройти тест Роршаха и углубленное интервью, но фактически принять всех пришедших наниматься на работу[46].

Достаточно интересен случай, когда присуждение неофициальных квалификаций приобретает характер скандального или политического происшествия. Тогда сколько-то человек, которым хронически не хватало таких неформальных квалификаций, под звуки фанфар могут признать их и придать им очень заметную роль в доказательство честной игры. Таким образом создается впечатление легитимности этих квалификаций[47].

Как уже говорилось, исполнитель склонен утаивать или приглушать те мотивы, действия, факты, которые несовместимы с идеализированной версией его самого и продуктов его деятельности. Более того, исполнитель часто внушает своей аудитории убеждение, будто вот сейчас он связан с *ней* более идеально и интимно, чем всегда. В пояснение можно привести две обобщающие иллюстрации.

Во-первых, люди любят создавать впечатление, что рутинная партия, которую они исполняют в данный момент, — единственная или, по меньшей мере, важнейшая

---

[45] *Stryker P.* How executives get jobs // Fortune. 1953. August. P. 182.

[46] *Willoughby R.H.* Op. cit. P. 22—23.

[47] *Kornhauser W.* The Negro union official: A study of sponsorship and control // American Journal of Sociology. Vol. 57. P. 443—452; *Greer S.* Situated pressures and functional role of ethnic labor leaders // Social Forces. Vol. 32. P. 41—45.

из всех. Как сказано ранее, аудитория, в свою очередь, часто довольствуется предположением, будто демонстрируемый перед нею характер — это все чем располагает выступающий перед нею индивид. Реальное же положение дел описано в хорошо известном отрывке из Уильяма Джеймса:

...Практически можно утверждать, что человек имеет столько же разных социальных *Я*, сколько существует различных *групп*, состоящих из лиц, чьим мнением он дорожит. Обычно он показывает каждой из этих различных групп разные стороны самого себя. Многие юноши, достаточно скромные в присутствии родителей и учителей, в «крутой» компании друзей-юнцов пыжатся и ругаются словно пираты. Мы не показываем себя нашим детям так, как нашим клубным компаньонам; нашим клиентам так, как рабочим, которых мы нанимаем; нашим собственным хозяевам и работодателям так, как нашим близким друзьям[48].

Вследствие и по причине этой своеобразной соглашательской верности партии, исполняемой в каждый данный момент, происходит «разделение аудитории». Благодаря такому разделению индивид добивается, чтобы при исполнении разных партий в разной обстановке перед ним каждый раз была бы другая аудитория. Разделение аудитории как прием, охраняющий насаждаемые впечатления, будет рассмотрено позже. Пока же заметим, что если даже исполнители попытаются нарушить такое разделение и связанные с ним иллюзии, аудитории очень часто будут этому противодействовать. Конкретная аудитория может усматривать громадную экономию времени и эмоциональной энергии в своем праве воспринимать исполнителя по его номинальной профессиональной стоимости, как если бы исполнитель весь без остатка был только тем, кем его представляет людям деловая униформа[49]. Городская жизнь стала бы невыносимо трудной для многих, если бы каждый контакт между двумя индивидами тянул за собой шлейф взаимных личных переживаний, совместных тревог и секретов. И потому, если мужчина хочет просто пообедать в покое, он, возможно, предпочтет услуги официанта, а не жены.

[48] *Flournoy T.* The philosophy of William James / Authorized translation by W. James (jr.). L.: Constable, 1917.

[49] Я благодарен Уоррену Питерсону за это и другие соображения.

Во-вторых, исполнители предпочитают внушать всем впечатление, будто их сегодняшнее исполнение своей рутинной партии и их отношение к своей сегодняшней аудитории имеют в себе нечто особенное и уникальное. Этим затемняется рутинный характер исполнения (обычно сам исполнитель не сознает, насколько в действительности рутинизированы его поступки) и подчеркиваются спонтанные элементы ситуации. Яркий образец такого поведения показывает исполнитель-медик. Как пишет один автор:

> ...Он должен симулировать непогрешимую память. Больной, сознающий лишь неповторимую важность событий вокруг и внутри себя, помнит о себе все и при собеседовании с доктором буквально задыхается от «полноты воспоминаний». Больной не может поверить, что доктор не помнит всего как он, и его самолюбие будет жестоко уязвлено, если врач позволит ему заметить, что вовсе не держит в голове какие именно таблетки он прописал при своем последнем посещении больного, сколько надо было их принимать и когда[50].

Подобно этому, как свидетельствует одно исследование о работе чикагских докторов, врач-терапевт рекомендует больному выбрать лучшего врача-специалиста, приводя чисто технические доводы, но в действительности рекомендация этого специалиста может быть обусловлена, в частности, его дружескими связями с коллегой-терапевтом, либо их сговором о разделе платы за лечение, либо каким-то иным ясно определенным quid pro quo* в отношениях между двумя медиками[51]. В коммерческой жизни такую характеристику исполнений эксплуатировали и поругивали под ярлыком «персональные услуги». В других областях жизни по тому же поводу обычно отпускаются шутки о «постельном искусстве» или о «легкой руке». (Мы часто забываем, что, исполняя роль клиента, сами деликатно поддерживаем эту видимость персонального подхода, пытаясь создать впечатление, будто «не приценивались» к данной услуге и не рассматривали возможность ее получения где-либо еще.) Вероятно, мы сами виноваты, что наше внимание приковано к таким грубым проявлениям псев-

---

[50] *Joard C.E.M.* On doctors // New Stateman and Nation. 1953. 7 March. P. 255—256.

* Одно вместо другого (*лат*).

[51] *Solomon D.* Op. cit. P. 146.

до-Gemeinschaft'а, хотя едва ли найдется исполнение в какой бы то ни было области жизни, которое не опиралось бы на личную манеру преувеличивать уникальность происходящего между исполнителем и его аудиторией. Например, мы чувствуем легкое разочарование, когда слышим, как наш близкий друг, чьи неподдельные знаки теплоты и приязни мы почитали своим личным кладом, так же интимно беседует с кем-то еще из своих друзей (особенно с тем, кого мы не знаем). Четкое описание этого явления дано в американском руководстве XIX в. по хорошим манерам:

Если вы сделали комплимент какому-нибудь одному человеку или употребили по отношению к нему особенно вежливое выражение, то вы в его присутствии не должны точно так же вести себя в отношении любого другого человека. К примеру, если некий джентльмен посещает ваш дом и вы тепло и заинтересованно говорите ему как «рады его видеть», он, вероятно, будет польщен вашим вниманием и поблагодарит вас. Но если он услышит, как вы то же самое говорите двадцати другим людям, он не только воспримет эту вашу вежливость как ничего не стоящую вещь, но и почувствует некоторую обиду, нанесенную ему вами[52].

ПОДДЕРЖАНИЕ ЭКСПРЕССИВНОГО КОНТРОЛЯ

Ранее уже говорилось, что исполнитель может надеяться на восприятие своей аудиторией его маленьких реплик-намеков как знаков чего-то очень важного в его выступлении перед нею. Это удобство имеет, однако, одно неудобное следствие. На основании той же самой установки знакового восприятия, аудитория может ложно понять значение поданной реплики или намека либо углядеть нескромный смысл в жестах и событиях, бывших несущественными, неумышленными или случайными со стороны исполнителя, который вообще не намеревался вкладывать в них какое-либо значение.

В ответ на эти возможные случайности коммуникации исполнители обычно пытаются практиковать своего рода синекдохическую ответственность, добиваясь, чтобы как

[52] The canons of good breeding: Or the handbook of the man of fashion. Philadelphia: Lee & Blanchard, 1839. P. 87.

можно больше второстепенных событий в данном исполнении (какими бы прагматически непоследовательными ни выглядели эти события) были представлены таким образом, чтобы не создавать впечатления, несовместимого и несогласующегося с принятым общим определением ситуации. Когда известно, что аудитория втайне скептически относится к внедряемому в нее представлению о реальности, то склонность членов этой аудитории придираться к пустякам обычно расценивается как знак того, что для них весь данный спектакль фальшив. Но ученым-исследователям общественной жизни труднее поверить, что даже симпатизирующие исполнителю аудитории можно моментально расстроить, потрясти и ослабить в их вере ничтожными диссонансами во впечатлениях, полученных в представленном им исполнении. Иногда некоторые из этих маленьких нечаянностей и «невольных жестов», не предназначенных для других, так удачно создают впечатление, противоположное насаждаемому исполнителем, что это не может не отпугнуть аудиторию от искреннего включения во взаимодействие, даже если аудитория догадывается, что в конечном счете диссонансное событие в действительности ничего не значит и на него не надо бы обращать внимания. Главное в таких случаях состоит не в том, что мимолетное определение ситуации, спровоцированное неумышленным жестом, само по себе заслуживает осуждения, а скорее просто в том, что оно *отличается* от официального определения. Это отличие заставляет остро почувствовать смущающий разрыв между официальной проекцией ситуации и реальностью, ибо в том и состоит роль официальной проекции, что она есть единственно возможная при данных обстоятельствах. Возможный вывод из этого тот, что не следует анализировать людские исполнения по критериям механики, когда большое приобретение обязательно возмещает малую потерю, или большое всегда перевешивает малое. Законы артистической образности будут поточнее законов механики, ибо они подготавливают к восприятию факта, что всего одна фальшивая нота способна испортить тон всего исполнения.

В обществе западного типа некоторые непроизвольные жесты встречаются в столь обширном и разнообразном множестве исполнений и передают впечатления, настоль-

ко несовместимые с желанными исполнителям, что эти неудобные события успели приобрести статус коллективных символов. Грубо можно наметить три группы таких событий. Во-первых, исполнитель может нечаянно передать другим информацию о своей неловкости, неприличных манерах или неуважительном отношении к своей аудитории, на мгновение потеряв мышечный контроль над собою. Он может, например, споткнуться, поскользнуться, упасть; может рыгнуть, зевнуть, облизнуться, почесаться или пустить газы; может нечаянно навалиться на другого участника и т. п. Во-вторых, исполнитель может действовать таким образом, чтобы другим передавалось впечатление его очень большой либо очень малой заинтересованности во взаимодействии. Он может заикаться, терять нить рассуждения, казаться нервным, виноватым или застенчивым; может давать волю неуместным взрывам смеха, гнева или других бурных чувств, которые мгновенно выводят его из строя как участника взаимодействия; может демонстрировать слишком много или слишком мало личного серьезного интереса и увлеченности. В-третьих, исполнитель может пострадать от неудовлетворительной сценической постановки своего представления другим. Возможно, например, что обстановка или не была приведена в порядок, или была подготовлена невпопад, не для того исполнения, или поистрепалась во время исполнения. Непредвиденные случайности могут стать причиной несвоевременного прихода или ухода исполнителя, вызвать неловкие паузы в процессе взаимодействия и т. п.[53]

---

[53] Один из способов для участников взаимодействия справиться с подобными неумышленными нарушениями — это посмеиваться над ними в знак того, что их экспрессивный смысл понят, но не принят всерьез. При таком допущении, эссе А. Бергсона о смехе можно рассматривать как описание известных рамок, в которых, по-нашему ожиданию, исполнитель будет придерживаться нормы человеческих способностей к развитию действия; как описание тенденции аудитории приписывать эти способности исполнителю с самого начала взаимодействия; и как описание путей расстройства успешного представления, когда исполнитель развивает действие не «по-человечески». Аналогично, очерки З. Фрейда об остроумии и психопатологии обыденной жизни могут быть истолкованы на одном уровне как описание направлений, в каких от исполнителей ожидается достижение определенных стандартов такта, скромности и добродетели, а на другом уровне как описание путей возможного обесценения таких успешных исполнительских проекций маленькими промахами, умо-

Разумеется, исполнения различаются между собой чередованием и степенью требуемого от них экспрессивного напряжения. В некоторых чуждых нам культурах мы склонны во всем усматривать высокую степень экспрессивной гармонии. М. Гране, к примеру, приписывает ее исполнениям сыновнего долга в Китае:

Их [детей] тонко обдуманный туалет сам по себе выражает почтение. Хорошие манеры считаются обязательной данью уважения. В присутствии родителей требуется торжественная серьезность, и потому каждый должен следить за собой, чтобы не рыгать, не чихать, не кашлять, не зевать, не сморкаться и не плевать. Любое отхаркивание грозит опасностью осквернения родительской святости. Преступление — показать во время церемонии даже подкладку собственной одежды. Дабы продемонстрировать отцу, что его чтят как главу семьи, отпрыск обязан всегда стоять в его присутствии, смотреть прямо, держаться прямо, никогда не облокачиваться ни на что, не сутулиться, не стоять на одной ноге. Именно так и тихим, смиренным голосом, который становится второй натурой, каждый приходит утром и вечером засвидетельствовать почтение родителю, после чего ожидает его приказаний[54].

Конечно, и в сценах западной культуры, где в символически важных действиях участвуют высокопоставленные персонажи, тоже требуется гармоническая выразительность элементов. Сэр Фредерик Понсонби, последний конюший британского королевского двора, писал:

Когда я посещал двор, меня всегда поражала несуразность музыки, исполняемой оркестром, что заставляло делать все возможное для исправления этого зла. Большинство придворных, совершенно нечувствительное музыкально, ратовало за популярные мелодии... Я доказывал, что эти популярные мелодии лишали королевские церемонии всякого достоинства. Представление при дворе часто было огромным событием в жизни любой женщины, но если она проходила мимо короля и королевы под мотивчик «нос его красней чем был» — все впечатление портилось. Я настаивал, что менуэты и старомодные мелодии, оперная музыка с «мистическим» оттенком были бы тем, что нужно[55].

Я поднял также вопрос о музыке, исполняемой оркестром почетного караула на церемониях введения в должность, и напи-

---

рительно смешными для непрофессионала, но очень симптоматичными для психоаналитика.

[54] *Granet M.* Chinese civilization. L.: Kegan Paul, 1930. P. 328.

[55] *Ponsonby F.* Recollections of three reigns. L.: Eyre & Spottiswoode, 1951.

сал по этому поводу капельмейстеру капитану Рогану. Мне совсем не нравилось видеть выдающихся людей, посвящаемых в рыцари под звуки комических песенок, или наблюдать как министр внутренних дел внушительно зачитывает указ о награждении человека орденом Альберта за особенно героическое деяние, а оркестр при этом играет тустеп, который лишал всю церемонию какого-либо величия. Я предложил капельмейстеру исполнять в таких случаях оперную музыку драматического характера, и он с этим полностью согласился...[56].

Аналогично, на похоронах в среде американского среднего класса водителю катафалка, благопристойно одетому в черное и тактично держащемуся в сторонке пока идет церемония, может быть прощено курение, но он, вероятно, шокирует и разгневает близких покойного, если развязно запустит окурок в кусты эдакой живописной дугой, вместо того чтобы незаметно уронить его возле себя[57].

Как дополнение к признанию необходимости согласования элементов в священных церемониях, легко признать и то, что во время мирских конфликтов, особенно высокого уровня, каждый их участник должен тщательно следить за собственным поведением, чтобы не подставлять противнику легко уязвимых моментов в своих действиях для прямой критики. Так, Х. Дейл, обсуждая возможные случайности в работе высших государственных служащих, утверждает:

Черновики официальных писем проверяются даже более тщательно, чем об этом заявляют, ибо неверное высказывание или неудачная фраза в письме, содержание которого безобидно и тематика не очень важна, может привести в смятение целый департамент, если за этот случай ухватится одна из тех личностей, кому обыкновеннейшая ошибка в правительственном департаменте — лакомое блюдо для подачи широкой публике. Три-четыре года такой дисциплины в еще восприимчивом возрасте от двадцати четырех до двадцати восьми лет неуклонно наполняют ум и характер страстью к точным фактам и строгим выводам, а также решительным недоверием к смутным обобщениям[58].

Несмотря на готовность признавать экспрессивные требования вышеуказанных видов ситуаций, мы все-таки склонны рассматривать эти ситуации как особые редкие

---

[56] *Ponsonby F.* Recollections of three reigns. L.: Eyre & Spottiswoode, 1951. P. 183.
[57] *Habenstein R. W.* Op. cit.
[58] *Dale H. E.* Op. cit. P. 81.

случаи. Людям вообще свойственно закрывать глаза на тот факт, что, как правило, самые обычные, повседневные мирские исполнения в нашем собственном англо-американском обществе должны проходить строгую проверку на соответствие норме, на приспособленность к обстоятельствам, благопристойность и соблюдение внешних приличий. Возможно, эта слепота частично обусловлена тем, что нередко лучше осознаются нормы, которые люди могли бы применить, но не применили, чем нормы, которые они применяют бездумно, автоматически. Во всяком случае, люди науки должны быть готовы изучить диссонанс, порождаемый ошибкой в слове, или всего лишь полоской нижнего белья, не совсем скрытого юбкой, а также понять, почему близорукий водопроводчик, дорожа впечатлением грубой силы, которое почитают de rigueur* в его профессии, чувствует необходимым для себя быстро сунуть очки в карман, когда приближение хозяйки превращает его работу в театрализованное исполнение; или почему мастеру по ремонту телевизоров советники по работе с клиентами рекомендуют держать детали, которые он не собирается ставить в аппарат обратно, рядом со своими собственными, чтобы не создавалось нежелательного впечатления о малозначительности произведенных замен. Другими словами, исследователи должны быть готовы к тому, что впечатление о реальности, насаждаемое исполнением, — вещь деликатная и хрупкая, которая может быть разрушена самыми мелкими происшествиями.

Экспрессивная согласованность, требуемая в исполнениях, выявляет важнейшее рассогласование между нашими общечеловеческими *Я* и нашими социализированными *Я*. Как природные человеческие существа мы, по-видимому, сотворены порывистыми, импульсивными особями, чьи настроения и энергетические заряды поминутно меняются. Но как исполнители характерных ролей, принятых на себя для представления перед аудиторией, мы не должны допускать резких перемен и капризов. Э. Дюркгейм писал об этом, что мы не позволяем высшим проявлениям нашей социальной деятельности «плестись по следам наших телесных состояний, подобно нашим ощущениям и наше-

---

* Обязательным (*фр.*).

му общему телесному самочувствию»[59]. От нас ожидают известной бюрократизации духа, так чтобы на нас можно было положиться в получении совершенно одинакового по качеству исполнения в каждый назначенный момент времени. По мнению Дж. Сантаяны, процесс социализации не только преобразует, но и закрепляет духовные состояния:

Выбирая и принимая радостное либо печальное выражение лица, мы определяем наш собственный суверенный характер. С этого момента, до тех пор пока длится магия этого акта самопознания, мы не просто живем, но действуем. Мы сочиняем и разыгрываем выбранный нами характер, надеваем на себя путы осмотрительности, обороняем и идеализируем наши страсти, красноречиво воодушевляем самих себя быть такими, каковы мы теперь: увлекающимися или презрительно бесстрастными, легкомысленными или суровыми. Мы произносим монологи в абсолютной тишине (перед воображаемой аудиторией) и как можно изящнее кутаемся в мантию неотделимой от нас роли. Задрапированные таким образом, мы жаждем оваций и одновременно надеемся исчезнуть со сцены при всеобщем молчании. Мы тщимся жить прекрасными чувствами, громко провозглашенными нами, точно так же как стараемся верить в заповеди исповедуемой нами религии. Чем больше наши трудности, тем больше наше рвение. Под нашими обнародованными принципами и клятвенными обещаниями мы вынуждены старательно укрывать от других все перепады наших настроений и переменчивость поведения, и отнюдь не лицемерно, ибо обдуманные проявления нашего характера более правдиво говорят о нашем *Я*, чем поток непроизвольных мечтаний. Очень возможно, что портрет, рисуемый таким образом и выдаваемый за наше истинное лицо, будет портретом в стиле монументального классицизма: с колоннами и занавесями, красивым ландшафтом на дальнем фоне, и перстом, указующим на земной шар или, по-гамлетовски, на череп бедного Йорика. Но если этот стиль естествен для нас и наше портретное искусство жизненно, то чем больше он преображает свою модель, тем более глубоким и правдивым искусством становится. Грубые линии архаической скульптуры, едва намеченные в камне, могут выразить жизнь человеческого духа гораздо точнее унылых утренних выражений лица или случайных гримас. Каждый, кто верен собственному разуму, или горд службой, или тревожится об исполнении своего долга так или иначе принимает трагическую маску. Он поручает ей представлять его

[59] *Durkheim E.* The elementary forms of religious life / Translated by J. W. Swain. L.: Allen & Unwin, 1926. P. 272.

самого и передает ей почти все свое тщеславие. Будучи живым и подверженным, как все живое, размывающему потоку собственного существования, такой человек отформовал свою душу в идее и более с гордостью, чем с печалью возложил свою жизнь на алтарь Муз. Самопознание, подобно любому искусству или науке, переводит свое предметное содержание в новый материал, материал идей, в котором оно теряет свои старые измерения и свое старое место. Совесть преобразует наши животные привычки в акты верности и долга, и мы превращаемся в «лица» или маски[60].

Благодаря социальной дисциплине, характерная маска может удерживаться на месте внутренними усилиями. Но, как подсказывает Симона де Бовуар, нам помогают сохранять принятую позу то скрытые, то демонстративные аксессуары наружной поддержки, носимые прямо «на теле»:

Даже если каждая женщина одевается по своим возможностям, во всех случаях речь идет об игре. Лукавство, искусное умение, изобретательность, как и вообще искусство, порождаются воображением. Не только эластичный пояс для чулок, бюстгальтер, перекрашивание волос, макияж меняют фигуру и лицо женщины; даже самая скромная женщина, когда она элегантно одета, уже становится другой: она словно картина, статуя, актриса на сцене, это ее аналог, кто-то сходный с ней, некий субъект, созданный ею персонаж, но не она сама. Вот такое соединение с вымышленным объектом, чем-то, с ее точки зрения, очень достойным и совершенным, как герой романа, как живописный портрет или скульптурный бюст, доставляет ей удовольствие, поднимает в собственных глазах; она стремится раствориться в этом воображаемом образе, показаться в этом новом, ошеломляющем облике и почувствовать себя защищенной[61].

ЛОЖНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Ранее было сказано, что аудитория способна ориентироваться в ситуации, принимая поданные в исполнении намеки на веру, трактуя эти знаки как свидетельство чего-то иного или большего чем знаковые средства выражения сами по себе. Если эта наклонность аудитории так воспринимать знаки ставит исполнителя в положение человека

[60] *Santayana G.* Soliloquies in England and later soliloquies. L.: Constable, 1922.
[61] *Beauvoir S. de.* The second sex / Translated by H.M. Parshley. L.: Cape, 1953. [Бовуар С. де. Второй пол. М.: АО Издательская группа «Прогресс»; СПб.: Алетейя, 1997. С. 603.].

неправильно понятого и вынуждает его усиленно заботиться о выражении каждой мелочи, исполняемой перед нею, то и саму аудиторию эта тенденция знакового восприятия ставит в положение обманутой и обманувшейся, ибо крайне мало таких знаков, которые нельзя было бы использовать, чтобы подтвердить присутствие чего-то такого, чего в действительности там нет. И вообще, это малоинтересное, плоское мнение, будто многие исполнители имеют богатейшие возможности и мотивы ложно представлять факты, и только стыд, вина или страх удерживают их от этого.

Как членам аудитории нам свойственно чувствовать, что то впечатление, которое стремится передать исполнитель, может быть истинным или ложным, искренним или поддельным, обоснованным или «дутым». Это сомнение столь распространено, что, как было сказано, мы часто уделяем особое внимание тем характеристикам исполнения, которыми не так-то легко манипулировать, и на этом пути обретаем возможность судить и о надежности более податливых к лживым манипуляциям сигнальных знаков в исполнении. (Научно-полицейское расследование и проективное тестирование — ярко выраженные случаи применения этой тенденции.) И если мы, скрепя сердце, позволяем определенным статусным символам утверждать право исполнителя на данную трактовку, то мы же всегда готовы обрушиться на трещины в его символических доспехах, чтобы развенчать его притязания.

Когда думают о тех, кто представляет фальшивый передний план исполнения или «просто» передний план, о тех, кто притворяется, надувает и обманывает, — то думают о расхождении между насаждаемой видимостью и реальностью. Обычно помнят и о рискованном положении, в какое эти исполнители ставят себя, ибо в любой момент их спектакля может случиться событие, грубо противоречащее тому, что ими открыто заявлено, и на котором их поймают, следствием чего будет немедленное сиюминутное унижение, а иногда потеря репутации навсегда. Нередко полагают, что честный исполнитель способен избежать этих ужасных возможностей, вытекающих из факта поимки flagrante delicto* в очевидном акте лживого пред-

* На месте преступления (*лат.*)

ставления. Таким здравомысленным воззрением и ограничивается аналитическая полезность наших соображений.

Иногда, когда задаются вопросом, правдиво или лживо насаждаемое впечатление, в действительности хотят спросить, уполномочен или нет исполнитель давать обсуждаемое представление, то есть фактическое исполнение само по себе не является здесь главным объектом нашего интереса. Когда кто-то открывает для себя, что его партнер, с кем у него были общие дела, обманщик и отъявленный мошенник, то тем самым он открывает, что партнер не имел права играть ту роль, какую играл, что он не был полноправным ответственным носителем соответствующего статуса. При этом, вполне вероятно, что исполнение обманщика, вдобавок к тому, что оно лживо представляет его перед людьми, будет стараться сбить их с толку и в других отношениях, но часто такой маскарад разоблачается прежде, чем можно будет почувствовать какую-либо другую разницу между фальшивым и социально признаваемым, легитимным исполнением, которое обманщик подделывает. Парадоксально, что чем удачнее исполнение обманщика приближается к реальному образцу, тем сильнее это может нас напугать, ибо компетентное выступление кого-то, кто оказался надувалой, способно подорвать присущую человеку веру в существование определенной моральной связи между авторитетностью законных социально признанных полномочий на исполнение определенной роли и способностью играть ее. (Умелые имитаторы, с самого начала готовые признавать шутовскую несерьезность своих намерений, по-видимому, указывают один из путей, каким можно «проскочить» сквозь заградительную сеть таких общественных страхов.)

Однако само социальное определение обманного исполнения ролей не отличается последовательностью. Например, считая непростительным преступлением против социальной коммуникации выдавать себя за кого-то из представителей «освященного» статуса (вроде врача или священника), люди гораздо меньше тревожатся, когда некто исполняет роль члена обесцененной, малозначительной, профанной статусной группы (типа бродяг или неквалифицированных рабочих). На тот случай, когда какое-ни-

будь разоблачение показывает, что некто сотрудничал с исполнителем более высокого статуса, чем этот человек позволял другим думать о себе, имеется хороший христианский пример отзываться на это не враждой и злостью, а скорее радостным изумлением, смешанным с легким огорчением. Мифология и современные популярные журналы полны романтическими историями, где злодей и благородный герой — оба морочат окружающих, и в последней главе открывается, что в действительности злодей не принадлежит по статусу к высшему классу, а герой к низшему.

Далее, мы можем сурово относиться к исполнителям (таким, как мошенники), которые сознательно представляют в ложном свете каждый факт своей жизни, но в то же время мы способны испытывать некоторое сочувствие к тем, кто имеет лишь один роковой изъян и вместо признания своей вины и честной попытки ее загладить пытается скрыть, кто он (она) теперь на самом деле: бывший заключенный, потерявшая девственность, эпилептик, расово нечистый и т. п. И еще, людям свойственно проводить различие между обманным исполнением роли именно этим конкретным индивидом, когда пороки исполнения обычно ощущаются ими как нечто совершенно непростительное, и обманным исполнением роли просто представителем некоей социальной категории, когда люди негодуют на это гораздо слабее. В обществе также по-разному относятся, с одной стороны, к тем, кто ложно представляет себя людям, чтобы протолкнуть то, в чем, по общему мнению, просто состоит интерес какого-то коллектива, или к тем, кто искажает свое представление шутки ради и случайно, а с другой стороны, к тем, кто делает это ради личной психологической или материальной выгоды.

Наконец, как имеются смысловые неясности в понятии статуса, точно так же существуют неясности и в понятии обманного исполнения ролей. Например, существует множество статусов, причастность к которым явно не зависит от какого-то формального утверждения. Можно официально установить обоснованность чьих-либо притязаний на статус дипломированного юриста, но притязания на статус друга, истинно верующего или любителя музыки можно лишь более или менее поддержать или оспорить. Там,

где стандарты компетентности не объективны и где честные практикующие специалисты коллективно не организованы для защиты своих полномочий, некоторые люди могут самозванно величать себя экспертами, а наказать их можно только насмешкой.

Все эти источники затруднений поучительно пояснить на примере переменчивости общественного отношения к злоупотреблениям ложным возрастным и половым статусом. Конечно, для пятнадцатилетнего подростка, который водит автомобиль или пьет в таверне, наказуемо выдавать себя за восемнадцатилетнего, но что касается женщины, то во многих социальных контекстах ее просто не поймут, если она не постарается «ложно представить» себя более молодой и сексуально привлекательной, чем она есть на самом деле. Когда в одном случае говорят о конкретной женщине, что в действительности она совсем не так хорошо сложена как выглядит, а в другом, что она в действительности не врач, хотя выдает себя за такового, то это означает, что используются разные значения термина «действительность», или «реальность». Более того, изменения в чьем-то личном представительском переднем плане, которые в одном году считаются вводящими в заблуждение, несколькими годами позже могут рассматриваться как чисто декоративные, безобидно украшательские, и подобные разногласия можно найти в любое время между разными подгруппами нашего общества. К примеру, совсем недавно закрашивание седины стало считаться приемлемым, хотя все еще имеются группы населения, для которых это непозволительная слабость[62]. Для новых иммигрантов считается нормальным обманно изображать из себя коренных американцев по одежде и соблюдению внешних приличий, но по-прежнему сомнительными воспринимаются попытки американизировать свое имя[63] или свой нос[64].

Попробуем подойти к пониманию ложных представлений, разыгрываемых перед окружающими, с иной точки зрения. Откровенную, глупую, или наглую ложь можно

[62] Tintair // Fortune. 1951. November. P. 102.

[63] *Mencken H. L.* The American language. N.Y.: Knopf, 1936. P. 474—525.

[64] Plastic surgery // Ebony. 1949. May; *Macgregor F. C., Schaffner B.* Screening patients for nasal plastic operations: Some sociological and psychiatric considerations // Psychosomatic Medicine. Vol. 12. P. 277—291.

определить как случай, в котором имеются бесспорные доказательства, что лгущий человек знает, что он врет, но упрямо продолжает свое. Например, некто твердит, будто он был в определенном месте в определенное время, а на самом деле этого наверняка не было. (Некоторые, но не все, виды исполнения ролей включают такие образчики лжи, однако, многие разновидности подобной лжи никак не связаны с исполнением ролей.) Уличенные в наглом вранье не только «теряют лицо» во время взаимодействия, но могут потерять его и навсегда, ибо многие аудитории смутно чувствуют, что человеку, который единожды сумел так беззастенчиво солгать, уже никогда нельзя доверять полностью. Однако существует много видов «белой лжи», произносимой докторами, отказывающимися от визита гостями и т. п., чтобы поберечь нервы публике, которой лгут, и эти виды уклонений от правды не воспринимаются как нечто ужасное. (Такие разновидности лжи, предназначенные оберегать других, а не защищать себя, будут рассмотрены ниже подробнее.) Кроме того, в обыденной жизни исполнитель обыкновенно имеет возможность целенаправленно создавать почти любой вид ложных впечатлений без того, чтобы попасть в уязвимое положение явного лжеца. Технические приемы коммуникации, такие, как косвенные намеки, искусные двусмысленности и принципиальные умолчания, позволяют дезинформатору получать выгоду от обманов, не опускаясь, в техническом смысле, до прямой лжи. Средства массовой информации имеют свой вариант таких приемов, демонстрируя нам, как рассчитанными ракурсами съемок и монтажом вялый ручеек какой-нибудь торжественной церемонии можно превратить в бурный поток всеобщего восторга[65].

Тонкие переходы от истины ко лжи и обескураживающие трудности, причиняемые существованием этого континуума, получили некоторое официальное признание. В организациях, вроде фирм по торговле недвижимостью, разрабатываются формальные инструкции, уточняющие, когда и в какой мере сомнительные впечатления от прода-

[65] Хороший пример этого дан в описании прибытия генерала Макартура в Чикаго для участия в национальном съезде Республиканской партии в 1952 г. См.: *Lang K. and G.* The unique perspective of television and its effect: A pilot study // American Sociological Review. Vol. 18. P. 3—12.

ваемых объектов можно подправить преувеличениями, недоговоренностями и умолчаниями[66]. На подобных компромиссах держится, по-видимому, и государственная служба в Англии:

Правило здесь (в отношении «заявлений, которые предназначены для публики или имеют вероятность опубликования») простое. Нельзя говорить ничего, что не соответствует истине. Но вовсе не обязательно, а иногда и не желательно, даже с точки зрения общественных интересов, говорить всю истину, кроме того представляемые факты могут быть поданы в любом удобном порядке. Удивительно, что способен сделать в этих пределах умелый оратор или составитель документов. Цинично, но с некоторой долей истины можно утверждать, что идеальный ответ на щекотливый запрос в Палате Общин должен быть кратким, с виду исчерпывающим, при попытке опровержения доказуемым и точным в каждом слове, не дающим поводов для неуклюжих «дополнений» и в то же время реально не раскрывать ничего важного[67].

Закон перечеркивает много обычных и привычных социальных тонкостей, вводя свои собственные. В американском праве различаются: намерение, преступная халатность и точно определенная ответственность. Ложное представление людям считается намеренным актом, кроме случаев, когда оно возникает следствие неумышленного слова или поступка, двусмысленного высказывания или ошибочного буквального понимания какой-то истины, анонимности или помех раскрытию анонимности[68]. Степень наказуемости анонимности исполнителя зависит от области жизни, где ее используют: один стандарт принят, например, для рекламного бизнеса и другой для профессиональных консультантов-адвокатов. Далее, закон тяготеет к тому, что

Ложное представление, сделанное с искренней верой в его истинность, все же может быть оставлено без последствий, если оно вызвано недостатком внимания к разумному отбору фактов, к манере выражения, или отсутствием необходимой квали-

---

[66] *Hughes E.C.* Study of a secular institution: The Chicago Real Estate Board / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1928. P. 85.

[67] *Dale H. E.* Op. cit. P. 105.

[68] *Prosser W. L.* Handbook of the law of torts / Hornbook Series. St. Paul (Min.): West Publishing Co., 1941. P. 701—776.

фикации и компетентности, требуемой данным конкретным делом или профессией[69] и

...аргумент, что обвиняемый был лично не заинтересован, что он имел самые лучшие намерения и думал, что делает истцу благо, не освобождает от ответственности, если будет доказано, что фактически ответчик действовал с намерением ввести в заблуждение»[70].

Если от преднамеренного обмана в исполнениях ролей и бесстыдной лжи обратиться к другим типам ложных представлений, то здравый смысл окажется еще менее надежной основой для различения истинных и ложных впечатлений. То, что десяток лет считалось шарлатанством в какой-то профессии, в следующем десятилетии иногда становится приемлемым законным занятием[71]. Выясняется также, что виды деятельности, которые в одних аудиториях данного общества воспринимаются как законные, в других считаются аферами.

Еще важнее то всем известное обстоятельство, что вряд ли найдутся какие-нибудь законные повседневные профессии или отношения, исполнители которых не прибегали бы к тайным практическим уловкам, несовместимым с предназначенными для других впечатлениями. Хотя конкретные исполнения и даже отдельные партии или рутины могут ставить исполнителя в положение человека, которому нечего скрывать, в полном цикле его деятельности где-нибудь обязательно найдется нечто такое, с чем он не может работать открыто. Чем больше проблем и больше работающих элементов в сфере действия данной роли или отношения, тем больше, похоже, вероятность существования таких тайных, скрываемых пунктов. Так, даже в хорошо налаженных браках следует ожидать, что каждый из партнеров может таить от другого секреты, относящиеся к финансовым делам, прошлому опыту, флирту в настоящем, потворству своим «дурным» или дорогостоящим привычкам, личным надеждам и тревогам, поведению детей, истинным мнениям о родственниках и общих друзьях и

---

[69] *Prosser W. L.* Handbook of the law of torts / Hornbook Series. St. Paul (Min.): West Publishing Co., 1941. P. 733.

[70] Ibid. P. 728.

[71] *McDowell H. D.* Osteopathy: A study of a Semi-orthodox Healing Agency and the recruitment of its clientele / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1951.

т. д.[72] При стратегически правильном распределении пунктов умолчания возможно поддерживать желанный status quo в отношениях, без необходимости строгого соблюдения всех признаков того, что вы состоите в браке, во всех жизненных перипетиях.

И, возможно, наиболее важно отметить, что ложное впечатление, поддерживаемое индивидом в какой-то одной из его рутинных партий способно стать угрозой отношению или роли как целому, только частью которого является данная рутина, ибо позорное разоблачение даже в одной области деятельности индивида ставит под сомнение многие другие области, где ему может быть даже нечего скрывать. Подобно этому, даже если индивид должен скрывать во время исполнения всего лишь один секрет и вероятность разоблачения реальна только при особом повороте событий или разговоров в ходе представления, — даже при этих условиях вполне возможно, что исполнитель будет тревожиться за успех всего выступления.

В предыдущих разделах этой главы читателю были предложены некоторые общие характеристики человеческого исполнения: деятельность, ориентированная на чисто рабочие задачи, тяготеет к превращению в деятельность, ориентированную на задачи коммуникации; передний план, который представляет определенную рутинную деятельность, по всей вероятности, подойдет также и для других, несколько отличающихся рутин и потому, наверно, не подойдет в полной мере ни к какой конкретной рутине; для поддержания рабочего согласия в исполнении необходим достаточный уровень самоконтроля; неизбежное акцентирование одних фактов и сокрытие других создает идеализированное впечатление об исполнении; экспрессивная гармония поддерживается исполнителем больше заботой о недопущении малых дисгармоний, чем о главной поставленной цели данного исполнения, о которой, возможно, надо было бы заставить думать и аудиторию. Все эти общие характеристики исполнений можно рассматривать как ограничители взаимодействия, которые воздействуют на индивида и преобразуют обыкновенные проявления его деятельности в театрализованные представления. Вместо простого выполнения своей задачи и вольного излияния чувств, индивид будет усиленно изображать процесс своей дея-

тельности и передавать свои чувства окружающим в приемлемой форме. В таком случае представление деятельности перед другими будет, в общем, до некоторой степени отличаться от деятельности самой по себе и тем самым неизбежно подавать ее искаженно. И поскольку индивид будет вынужден опираться на знаковые средства, чтобы выстроить это свое представление своей деятельности, то создаваемый им образ, как бы он ни соответствовал фактам, будет подвержен всем опасностям разрушения, свойственным впечатлениям.

Хотя можно и дальше придерживаться здравой идеи, что насаждаемые видимости могут быть развенчаны диссонирующей реальностью, часто нет причин полагать, будто факты, расходящиеся с насаждаемым впечатлением, являются более реальной реальностью, чем та реальность, которую они ставят под сомнение. Циничный взгляд с позиций обыденных исполнений может быть таким же односторонним как и точка зрения самого исполнителя. Для многих социологических проблем, возможно, даже и не нужно решать, что более реально: то ли созидаемое в исполнении впечатление, то ли впечатление, от которого исполнитель пытается оградить публику. Принципиальное социологическое соображение (по меньшей мере, для этой работы) сводится попросту к тому, что впечатления, созидаемые в обыденных представлениях, подвержены разрушению. Социолог хочет знать, какого рода впечатления от реальности способны потрясти воспитанное впечатление о реальности, а вопрос о том, что же такое реальность практически, можно оставить другим ученым. Для социолога интересен вопрос «Каким образом возможен подрыв доверия к данному впечатлению?» — и это совсем не то же самое что вопрос «Каким образом данное впечатление становится ложным?».

После всего сказанного, можно вернуться к пониманию того, что хотя представления, предлагаемые самозванцами и врунами, безнадежно лживы и этим отличаются от обычных представлений, обе разновидности похожи тем, что их исполнители должны заботиться о поддержании желаемого впечатления. Так, например, известно, что официальные кодексы поведения британских государственных

служащих[73] и американских бейсбольных судей[74] обязывают их воздерживаться не только от незаконных «сделок», но и от невинных действий, могущих создать (ложное) впечатление, будто они вступили в такие сделки. Честный ли исполнитель рвется передать другим истину или бесчестный хочет внушить ложь — оба они должны позаботиться о живости и выразительности своих представлений, исключить из них все выражения, которые могли бы развенчать желанное впечатление, и быть осторожными, чтобы аудитория не приписывала их действиям непредусмотренных смыслов[75]. Поскольку существуют такие общие театральные условия, можно с пользой изучать совершенно фальшивые представления, чтобы понять свойства совершенно честных исполнений[76].

МИСТИФИКАЦИИ

В предыдущем изложении были описаны способы, какими в индивидуальном исполнении выпячиваются одни вещи и прячутся другие. Если посмотреть на восприятие как на форму контакта и общения между людьми, тогда контроль над воспринимаемым есть контроль над завязанным контактом, а ограничение и регулирование содержания показываемого есть также ограничение и регулирова-

[72] *Dressler D.* What don't they tell each other // This Week. 1953. 13 September.

[73] *Dale H. E.* Op. cit. P. 103.

[74] *Pinelli B.* Op. cit. P. 100.

[75] Следует упомянуть одно исключение из этого сходства поведения различных индивидов, хотя оно не в пользу честных исполнителей. Как сказано ранее, обычные законопослушные исполнения склонны преувеличивать степень неповторимости конкретного исполнения рутинной партии. Напротив, полностью лживые исполнения могут усиленно выпячивать свою рутинность, чтобы усыпить подозрения.

[76] Есть еще один резон для особого внимания к вопиюще бесчестным исполнениям и их представительским передним планам. Когда узнаешь, что фальшивые телевизионные антенны продаются людям, которые не имеют приемников, пакеты экзотических дорожных ярлыков — людям, безвылазно сидящим дома, накладные спицы и ступицы — владельцам автомобилей с обычными колесами, то эти факты явно говорят о показной, демонстрационно-выразительной функции предметов заведомо прагматического назначения. При изучении реальных вещей, то есть лиц с реально действующими антеннами и телевизорами и т. д., во многих случаях бывает трудно убедительно доказать показное назначение того, о чем заявляют как о спонтанном или практически необходимом действии.

ние контакта. Между информационными и ритуальными моментами существует некоторая связь. Неспособность регулировать информацию, потребляемую аудиторией, влечет возможный распад проецируемого определения ситуации; неспособность регулировать контакты означает возможное разложение ритуальной дисциплины исполнителя.

Широко распространено мнение, что ограничения на контакт, поддержание известной социальной дистанции между исполнителем и другими — это способ пробудить и поддерживать в публике некий благоговейный трепет, или как сказал Кеннет Берк, способ, которым аудиторию можно мистифицировать в отношении исполнителя. Иллюстрацией такого взгляда могут послужить рассуждения Ч. Кули:

Как долго человек сможет работать с другими людьми, представляя им ложную идею о себе, зависит от ряда обстоятельств. Как уже говорилось, сам человек может быть простым частным случаем без всякой определенной связи с общей идеей о нем — последняя является самостоятельным продуктом воображения. Работу воображения едва ли можно исключить там, где отсутствуют непосредственные контакты между лидерами и их последователями. Это частично объясняет, почему социальные авторитеты, особенно если они прикрывают внутреннюю личную слабость, всегда склонны окружать себя формальностями и искусственной таинственностью с целью предупредить фамильярно-панибратские отношения и тем дать шанс людскому воображению для идеализации носителей авторитета... Военные, например, отчетливо понимают, что для поддержания дисциплины в армии и на флоте совершенно необходимы те формальные отношения, которые отделяют командира от подчиненного и потому помогают добиваться безоговорочного повиновения последнего. Точно так же, как отмечает профессор Росс в своей работе о «социальном контроле», светские люди используют манеры преимущественно как средство самоприкрытия, и это самоприкрытие служит, среди прочих целей, сохранению своеобразной власти над непосвященным[77].

Ф. Понсонби, давая совет королю Норвегии, придерживался той же теории:

Однажды вечером король Хаакон рассказал мне о своих затруднениях из-за республиканских наклонностей оппозиции и о том, каким осторожным он вынужден быть во всем что делает и

[77] *Cooley Ch.* Op. cit. P. 351.

говорит. В частности, он намеревался как можно больше выходить в народ и полагал, что его популярность возрастет, если он и королева Меуд вместо автомобиля будут пользоваться трамваями.

Я откровенно отвечал ему как думал, что это было бы большой ошибкой, поскольку панибратство порождает лишь снисходительное пренебрежение. Как морской офицер, король должен бы знать, что капитан корабля никогда не ел вместе с другими офицерами, но держался в гордом отдалении. И это конечно же для того, чтобы пресечь всякую фамильярность в обращении с ними. Я посоветовал королю подняться на пьедестал и там оставаться. Тогда он мог бы при случае сходить с него без всякого вреда для своего достоинства. Народ не хочет короля, которого можно запросто похлопать по плечу, — он хочет чего-то возвышенно-неопределенного, вроде дельфийского оракула. Монархия в действительности всегда результат творческого вообрaжения рядовых людей. Каждый человек любит иногда помечтать, что бы он сделал, если б был королем. Люди вкладывают в фигуру монарха все мыслимые добродетели и таланты. Поэтому они обречены на разочарование, если видят его ходящим по улицам подобно самому обыкновенному человеку[78].

Логически крайний вывод, подразумеваемый теорией такого рода (независимо от ее фактической правильности или неправильности), требует совсем запретить аудитории смотреть на исполнителя, и временами, когда тот притязал на божественные качества и способности, это логическое умозаключение, по-видимому, становилось руководством к действию.

Несомненно, что в деле сохранения социальной дистанции аудитория сама часто будет сотрудничать с исполнителем, соблюдая правила вежливости, чтя и уважая сакральную цельность и честь, приписываемую исполнителю обществом. У Г. Зиммеля можно прочитать об этом следующее:

Действовать таким образом значит следовать чувству (которое возникает и в других случаях), что вокруг каждого человеческого существа имеется некая идеальная сфера. Несмотря на то что она разнится по своей протяженности в различных направлениях и соответственно изменяется в зависимости от лица, с кем действующий индивид поддерживает отношения, она обладает одним неизменным свойством — в эту сферу нельзя вторгнуться, не разрушив тем самым личного достоинства индивида.

---

[78] *Ponsonby F.* Op. cit.

Сферу такого рода образует вокруг человека его «честь». Язык очень тонко обозначает покушение на чью-нибудь честь выражением «зайти слишком далеко»: здесь радиус идеальной сферы отмеряет, так сказать, пограничную дистанцию, нарушение которой другим лицом оскорбляет нашу честь[79].

Сходная мысль есть у Дюркгейма:

Человеческая личность — вещь священная. Никто не в праве оскорблять ее или посягать на поставленные ею границы, хотя одновременно величайшим благом для нас является общение с другими[80].

Отсюда надо сделать ясный вывод, вопреки подразумеваемым в рассуждениях Кули следствиям, что чувства известной благоговейной сдержанности и дистанции точно так же испытываются людьми (пусть не с одинаковой силой) по отношению к исполнителям равного или низшего статуса, как и к исполнителям сверхобычного статуса.

Какова бы ни была функция этих чувств для самой аудитории, такие источники сдерживания ее реакций предоставляют исполнителю известное свободное пространство для построения нужного впечатления по собственному выбору и позволяют ему, ради собственного блага или блага аудитории, задействовать это впечатление как средство защиты или угрозы, которое было бы уничтожено слишком тесным знакомством публики с исполнителем.

Наконец, надо добавить, что тайны, которые аудитория не трогает из почтения к исполнителю, вероятнее всего, могут сказаться пустяковыми либо серьезными тайнами, но которыми он равно устыдился бы при возможном разоблачении. В таком случае мы имеем в обороте, по выражению К. Рицлера, фальшивую социальную монету, на одной стороне которой благоговейное почтение, а на другой — стыд[81]. Аудитории чудится, будто за представлением стоят некие тайные загадки и силы, а исполнитель при этом чувствует, что его главные секреты ничтожны. Как показывают бесчисленные народные сказки и обря-

[79] The sociology of George Simmel / Transl. and ed. by K. H. Wolff. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1950. P. 321.

[80] *Durkheim E.* Sociology and Philosophy / Transl. by D. F. Pocock. L.: Cohen & West, 1953. P. 37.

[81] *Riezler K.* Comment on the social psychology of shame // American Journal of Sociology. Vol. 48. P. 462 ff.

ды посвящения (или ритуалы инициации), настоящий секрет, скрываемый за таинственностью всех мистерий, состоит в том, что в действительности тайны нет, а реальная задача их исполнителей — помешать публике тоже понять это.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И УЛОВКИ

В англо-американской культуре есть две с виду здравомысленные модели человеческой деятельности, с оглядкой на которые мы вырабатываем свои концепции поведения: исполнение реальное, искреннее, или честное; и исполнение фальшивое, которое монтируют для нас старательные фабрикаторы, будь то с расчетом на несерьезное восприятие, как в работе актеров на сцене, или на серьезное, как в работе аферистов. Обычно реальные исполнения кажутся людям сложившимися стихийно как нецеленаправленный, ненамеренный результат бессознательной реакции индивида на факты его ситуации. Спланированные же исполнения нередко воспринимаются старательно сплетенным нагромождением одних измышлений на другие, поскольку нет никакой реальности, прямым откликом на которую были бы данные элементы поведения. Теперь надо показать, что эти дихотомные концепции поведения являются своего рода идеологией честных исполнителей, придающей силу разыгрываемому ими жизненному спектаклю, но обедняющей его анализ.

Во-первых, сразу отметим, что многие люди искренне верят, будто привычно проецируемое ими определение ситуации и есть самая доподлинная реальность. В этой книге не обсуждается вопрос о том, какую долю во всем населении составляют такие люди, в ней исследуется структурное отношение их искренности к характеру предлагаемых ими исполнений. Если исполнение удалось, то его свидетели в общем должны поверить, что исполнители были искренними. Это и есть структурное место искренности в драме событий. Исполнители могут быть искренними (или неискренними, но искренне убежденными в своей искренности), но такого рода аффектированное отношение к исполняемой партии вовсе не обязательно для ее убедительно-

го исполнения. В жизни не так уж много французских поваров, которые действительно являются русскими шпионами, и, возможно, не так много женщин, исполняющих партию жены для одного мужчины и любовницы для другого, но эти «дуплеты» в самом деле встречаются и во многих случаях успешно удаются достаточно долго. Это наводит на мысль, что хотя люди обычно и являются тем, чем кажутся, такая видимость все же может быть подстроенной. Тогда, между видимостью и реальностью существует отношение статистическое, а не внутренне обоснованное или необходимое. Практически, при непредвиденных угрозах исполнению и необходимости (*подробнее о ней см. ниже*) поддерживать солидарность с собратьями-исполнителями и сохранять некоторую дистанцию от зрителей, косная неспособность исполнителя отойти от внутренне присущего ему видения реальности может временами подвергать опасности само исполнение. Некоторые исполнения достигают успеха при полной бесчестности исполнителя, другие вполне честно, но, вообще говоря, для исполнений ни одна из этих крайностей несущественна и, возможно, драматургически нежелательна.

Напрашивается вывод, что честное искреннее, серьезное исполнение менее прочно связано с миром надежности и солидности, чем можно было бы предположить с первого взгляда. И этот вывод получает подкрепление, если присмотреться к тому, что обычно отделяет совершенно честные, спонтанные исполнения от исполнений неспонтанных, полностью запланированных. Возьмем, к примеру, феномен сценической игры. Требуются большое умение, долгая тренировка и особая психология, чтобы стать хорошим актером на сцене. Но этот факт не должен заслонять от нас другой: почти каждый человек способен достаточно хорошо выучить сценарий, чтобы, выступив на сцене, дать доброжелательной публике некоторое ощущение реальности того, что разыгрывается перед нею. Так происходит, видимо, потому, что обыкновеннейшее общение между людьми само организовано как театральная сцена, благодаря обмену драматически взвинченными действиями, контрдействиями и заключительными репликами. Даже в руках неопытных исполнителей сценарии могут ожить, потому что сама жизнь похожа на драматическое пред-

ставление. Конечно, весь мир все-таки не театр, но определить чем именно он отличается от театра, нелегко.

Недавний опыт «психодрамы» как терапевтической техники — пример еще одного сближения театра и жизни. В поставленных психиатрами сценках психодрамы пациенты не только более или менее успешно разыгрывают свои партии, но, делая это, вообще не пользуются никаким сценарием. Их собственное прошлое доступно им в форме, позволяющей инсценировать краткий повтор этого прошлого. Очевидно, что партия, когда-то сыгранная честно и всерьез, при позднейшем воспроизведении вынуждает исполнителя выдумывать, как ее показать. Кроме того, партии, которые в прошлом играли перед ним значимые для него другие исполнители, по-видимому, тоже становятся доступными ему, позволяя исполнителю переключаться с роли, изображающей его самого, каким он был когда-то, на роли других, какими они были для него. Эту способность при необходимости переключаться с роли на роль можно было предсказать заранее. Такое, очевидно, может сделать каждый, ибо учась исполнять партии в реальной жизни, он нащупывает свой собственный путь, не слишком осознанно используя начальное знакомство с рутинными партиями других, к которым собирается адресоваться. И когда человек научается по-настоящему справляться с реальной рутиной, он оказывается способным к этому отчасти благодаря «предварительной социализации»[82], давно уже приучавшей него к реальности, которая только теперь становится для него актуальной.

Когда индивид передвигается на новую позицию в обществе и получает новую роль к исполнению, ему, скорее всего, не растолковывают во всех подробностях как вести себя, и к тому же вначале факты новой ситуации не давят на него с достаточной силой, чтобы определять его поведение автоматически, без дальнейших размышлений о нем. Обыкновенно индивиду подают лишь немногие реплики-подсказки, намеки и постановочные инструкции, предполагая, что он уже имеет в своем репертуаре богатый набор элементов и фрагментов исполнений, которые потребуют-

[82] *Merton R. K.* Social theory and social structure. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1957. P. 265 ff.

ся в новой обстановке. Так, индивид может ясно представлять себе, как выглядят скромность, уважение или праведное негодование, и способен, когда нужно, плутовать в игре этими образами. Возможно, при нужде он сумеет сыграть даже роль загипнотизированного субъекта[83] или совершившего преступление якобы в «навязчивом» состоянии[84], опираясь на какие-то образцы такого поведения, с которыми он уже знаком.

Артистическое исполнение, или хорошо поставленная мошенническая игра, требует подробного сценария относительно разговорного содержания данной рутинной партии. Однако обширная часть этого исполнения, включая «непроизвольное самовыражение», зачастую располагает очень бедными постановочными указаниями. Все предполагают, что исполнитель-иллюзионист и так уже многое знает о том, как управлять своим голосом, лицом и телом, хотя он (как и любой человек, направляющий его действия), скорее всего, затруднится подробно и четко сформулировать эти свои знания. И в этом, конечно, мы все близки к положению простого человека с улицы. Социализация, возможно, и не требует очень уж подробного обучения множеству специальных мелочей в исполнении каждой отдельной конкретной партии — для этого попросту не хватило бы ни времени, ни сил. Что, по-видимому, действительно требуется от индивида — это научиться общепринятым способам выражения в достаточной мере, чтобы быть в состоянии «войти» и более или менее справиться с любой ролью, которая ему может выпасть в жизни. Признанные исполнения обыденной жизни отнюдь не «разыгрываются» или не «ставятся» в том смысле, что исполнитель заранее знает, что именно он собирается делать, и потом делает это только из-за ожидаемого результата. Особенно «недоступным» обыкновенному исполнителю будет розыгрыш его непроизвольных самовыражений[85]. Но как

---

[83] Этот взгляд на гипноз четко представлен в работе: *Sarbin T. R.* Contributions to role-taking theory. I: Hypnotic behavior // Psychological Review. Vol. 57. P. 255—270.

[84] *Cressey D.R.* The differential association theory and compulsive crimes // Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. Vol. 45. P. 29—70.

[85] Это понятие заимствовано из работы: *Sarbin T. R.* Role theory // Handbook of social psychology / Ed. by G. Lindzey. Cambridge: Addison—Wesley. 1954. Vol. 1. P. 235—236.

и в случае менее признанных обществом исполнителей, неспособность обыкновенного человека заранее выработать сценарий своих телодвижений и красноречивых взглядов вовсе не означает, что он не сумеет выразить себя с помощью этих инструментов в направлении, уже драматически проработанном и сформированном в его репертуаре действий. Короче, все мы действуем-играем лучше, чем знаем как делаем это.

Когда случается наблюдать по телевизору, как некий борец мнет, грубо швыряет и вяжет узлом своего противника, зритель вполне способен разглядеть, несмотря на старательное втирание ему очков, что борец просто разыгрывает из себя (и знает это) «громилу» и что в другом матче ему могут поручить другую роль — роль симпатичного борца, которую он исполнит с равным блеском и сноровкой. Но, вероятно, гораздо менее доступно массовому пониманию то, что хотя такие детали, как число и характер падений могут быть обговорены заранее, подробности использованных выразительных гримас и телодвижений идут не от сценария, а от моментальных требований соразмерного стиля, чувство которого безотчетно крепнет от эпизода к эпизоду почти без предварительного обдумывания.

Тому, кто хочет понять людей в Вест-Индии, которые изображают «лошадей» или одержимых «духом вуду»[86], будет поучительно узнать, что одержимый способен воспроизводить точный образ вселившегося в него божества, благодаря «накопленным при посещении культовых собраний знаниям и воспоминаниям в течение всей его предшествовавшей жизни»[87]; что он в точности соблюдает правила социальных отношений с теми, кто его наблюдает; что состояние одержимости наступает у него как раз в нужный момент церемониального действа, и одержимый до того хорошо исполняет свои ритуальные обязательства, что способен участвовать в своеобразной коллективной сценке вместе с другими персонажами, одержимыми в это время иными духами. Но зная это, важно понимать, что такое контекстуальное выстраивание роли лошади и т. п. все же позволяет участникам культа верить, что одержимость —

[86] *Métraux A.* Dramatic elements in ritual possesions // Diogenes. Vol. 11. P. 18—36

[87] Ibid. P. 24.

явление реальное и что люди становятся одержимыми теми или иными духами совершенно стихийно, не имея никакой возможности их выбирать.

Наблюдая за совсем еще молоденькой американской девушкой из среднего класса, притворяющейся глупенькой для ублажения самолюбия своего ухажера, прежде всего замечают элементы обмана и хитрости в ее поведении. Но при этом подобно ей самой и ее парню, наблюдатели просто принимают как данность и далее никак не используют факт, что эту сложную партию исполняет *именно* американская девушка из среднего класса. Тем самым здесь упускается из виду большая часть исполнения. Конечно, это общеизвестно, что разные социальные группировки по-разному выражают в своем поведении такие атрибуты, как возраст, пол, местность происхождения и проживания, классовый статус, и что каждый раз влияние этих простых качеств опосредствуется и конкретизируется сложной отличительной культурной конфигурацией принятых образцов поведения. *Быть* лицом данной категории значит не просто обладать требуемыми качествами из числа вышеназванных, но и соблюдать определенные нормы поведения и внешнего вида, которые дополнительно к этим качествам предъявляет человеку его социальная группа. Бездумная легкость, с какой люди согласованно выдерживают такие нормативные рутины, отрицает не то, что какое-то исполнение имело место, а лишь то, что участники сознавали его.

Статус, положение в обществе, социальное место — это не материальная вещь, которой надо овладеть и выставить напоказ. По сути это схема соответствующего занимаемой позиции поведения — последовательного, идеализированного и четко выраженного. Это нечто, что должно быть реализовано, независимо от легкости или неуклюжести, осознанности или бессознательности, лживости или честности исполнения. Сказанное хорошо поясняет пример, взятый у Ж.-П. Сартра:

Возьмем обыкновенного официанта в кафе. Его движения быстры и решительны, пожалуй, немного чересчур точны, чересчур стремительны. Он подходит к постоянным клиентам чуть ускоренным шагом. Он склоняется перед ними с преувеличенным усердием; его голос, его глаза выражают немного утрирован-

ный интерес и внимание к приказаниям клиента. Наконец, он возвращается с заказом, каменной неподвижностью осанки подражая какому-то автомату и одновременно лавируя со своим подносом между столиками с отчаянностью канатоходца, вынужденный беспрестанно поддерживать неустойчивое, шаткое равновесие подноса легким движением руки и кисти. Все поведение официанта кажется нам какой-то игрой. Он весь уходит в цепную вязь своих движений, словно бы те были механическими деталями, подгоняемыми друг к другу. Его жесты и даже голос кажутся механическими. Он придает себе быстроту и бездушную скорость машины. Но во что же он играет? Нет надобности долго наблюдать его перед тем как ответить: он играет в официанта в кафе. В этом нет ничего удивительного. Игра — это всегда своего рода разведка и исследование. Ребенок играет со своим телом, чтобы узнать его, ознакомиться с его составными частями. Официант в кафе играет с условностями своего общественного положения, чтобы *понять и освоить* его. Эта обязательная дань игре в сущности не отличается от дани, наложенной на всех торговцев товарами и услугами вообще. Их общественное положение делает их жизнь сплошь церемониальной. Публика требует от них, чтобы и сами они понимали ее как некий церемониал: существует жизненная игра бакалейщика, портного, аукционера, которой они стараются убедить клиентуру, что являются всего лишь бакалейщиком, портным, аукционером и никем больше. Мечтательный бакалейщик неприятен покупателю, потому что такой бакалейщик — не целиком бакалейщик. Общество требует от него ограничить себя функцией бакалейщика, точно так же как солдат по команде «Смирно!» должен превратиться в солдата-вещь с прямо уставленным в пространство взглядом, который вообще ничего не видит, которому больше и не положено видеть, так как устав, а не интерес переживаемого момента определяет ту точку, куда должен смотреть солдат (смотреть «на десять шагов вперед!»). Поистине имеется много предохранительных мер для удержания человека в тюрьме того положения, которое он занимает сегодня, словно бы люди живут в постоянном страхе, что он убежит из этой тюрьмы, внезапно сбросит постылые оковы и увильнет от обязанностей своего общественного положения[88].

[88] *Sartre J.-P.* Being and nothingness. L.: Methuen, 1957.

ГЛАВА ВТОРАЯ
КОМАНДЫ

Размышляя о сущности исполнения, легко сбиться на предположение, будто содержание представления себя другим попросту является экспрессивным расширением личных характеристик исполнителя, и далее рассматривать функцию каждого конкретного исполнения в этих личных категориях. Такой взгляд ограничен и может затемнить важные различия в функциональном значении того или иного исполнения для взаимодействия как целого.

Во-первых, часто случается, что данное исполнение служит, главным образом, выражению характеристик исполняемой задачи, а не характеристик исполнителя. Так, служебный персонал, будь то в конкретной профессии, бюрократической организации, бизнесе или ремесле, обычно охотно оживляет свою манеру поведения выразительными позами и телодвижениями, говорящими о профессиональном умении и честности, но, как бы много это поведение ни сообщало о самих людях, часто его главная цель — утвердить в публике благоприятное мнение об их службе или о производимом продукте. Далее, нередко бывает, что личный передний план исполнителя разрабатывается не столько потому, что он позволяет ему представлять в желанном виде именно себя, сколько потому, что его внешность и поведение могут быть полезны для выступления на более обширной сцене. В свете сказанного можно понять, почему сортировочное сито городской жизни отбирает на должности секретарей по приему посетителей девушек с хорошо ухоженной внешностью и правильным произношением, ибо на этом месте они могут представлять передний план организации так же хорошо, как и самих себя.

Но важнее всего то, что обычно определение ситуации каким-то конкретным участником, есть неотъемлемая часть определения, созидаемого и поддерживаемого совместными усилиями нескольких или многих участников. Например, в больнице два штатных терапевта могут потребовать от врача-стажера в качестве элемента его учебной практики ежедневно просматривать графики состояния какого-нибудь пациента с изложением своего мнения по каждому их пункту. При этом стажер может не понять, что вынужденный спектакль его относительного невежества отчасти подстроен самим штатным персоналом, который тщательно изучает все эти графики заблаговременно. И уж тем более ему трудно догадаться, что такое впечатление о нем вдвойне усилено молчаливым соглашением местной команды поручать разработку половины графиков одному штатному работнику, а второй половины — другому[1]. Это работа командой обеспечивает штатному персоналу хорошую возможность показать свой товар лицом (при условии, конечно, что нужный специалист в нужный момент способен подменить другого в допросе стажера).

Более того, часто случается так, что каждому члену такой труппы или состава игроков для создания удовлетворительного общекомандного впечатления скорее всего надо будет выглядеть по-разному. Так, если в семейном доме устраивается официальный прием, то потребуется кто-то в униформе или ливрее в качестве участника рабочей команды. Индивид, играющий эту роль, должен применить к себе социальное определение домашней прислуги. В то же время женщина в роли хозяйки дома вынуждена принять и поддерживать своим внешним видом и манерами социальное определение поведения персонажа, которому естественно и привычно пользоваться услугами челяди. Такой расклад в яркой форме автору пришлось наблюдать в островном отеле для туристов (который впредь будет называться «Шетланд-отель»). Там общее впечатление о качестве обслуживания на уровне требований средних классов было достигнуто управляющими благодаря удачному распределению ролей, где себе они взяли роли хозяина и

[1] Неопубликованное исследование автора о медицинском обслуживании.

хозяйки дома из среднего класса, а своим наемницам отвели роль служанок-горничных, хотя в понятиях местной классовой структуры девушки, работавшие горничными, имели несколько более высокий статус, чем нанявшие их владельцы отеля. Когда постояльцев в нем не было, девушки мало считались с такой ерундой как статусные различия между горничной и хозяйкой. Другой пример можно взять из семейной жизни средних классов. В американском обществе, когда муж и жена появляются перед новыми друзьями на ознакомительной вечеринке, жена, вероятно, будет демонстрировать больше уважительного подчинения воле и мнениям мужа, чем это обычно бывает наедине с ним или при старых друзьях. Если она напускает на себя роль пассивно-почтительную, то ему можно принять роль властного мужа, и пока каждый член этой брачной пары играет свою особую роль, данная супружеская команда, как представительная единица, способна поддерживать впечатление, которого ждут от нее новые аудитории. Еще один пример возьмем из области расового этикета на Юге США. По Чарлзу Джонсону, когда поблизости нет других белых, негр может называть своего белого партнера-рабочего просто по имени, но когда подойдут другие белые, обращение «мистер» само собой восстановится[2]. Этикет деловых отношений дает нам похожий пример:

В присутствии посторонних формально-деловой стиль общения еще более важен. Вы можете весь день называть вашу секретаршу «Мери» и вашего партнера «Джо», но когда в офис приходит чужой, вы обязаны обращаться к своим помощникам так, как должен бы по вашему ожиданию, обращаться к ним вежливый незнакомец: мисс или мистер. Вы можете иметь привычку шутить с телефонисткой, но шуткой надо пожертвовать, когда вы делаете вызов в пределах слышимости постороннего[3].

Она [ваша секретарша] хочет, чтобы в присутствии незнакомых ее называли мисс или миссис. Ей, по меньшей мере, не понравится, если ваше «Мери» спровоцирует кого-нибудь еще на фамильярное обращение с нею[4].

В данной книге термин «исполнительная команда» или, короче, «команда» используется для обозначения любого

[2] *Johnson Ch.* Patterns of Negro segregation. N.Y.: Harper Bros., 1943. P. 137—138.
[3] Esquire Etiquette. Philadelphia: Lippincott, 1953. P. 6.
[4] Ibid. P. 15.

множества индивидов, сотрудничающих в жизненной постановке какой-либо отдельно взятой рутинной партии.

До сих пор в этой работе основной точкой отсчета было индивидуальное исполнение, а в центре обсуждения были два уровня фактов: первый — индивид и его исполнение и второй — полный состав участников и взаимодействие как целое. Такого подхода, по-видимому, достаточно для изучения определенных видов и сторон взаимодействия. Все, что не укладывается в эти рамки, можно трактовать как разрешимое усложнение задачи. Так, сотрудничество между двумя исполнителями, каждый из которых был якобы целиком поглощен представлением перед другим своего собственного особого исполнения, возможно проанализировать как некий тип тайного сговора или «понимания» без изменения базовой системы отсчета. Однако при исследовании конкретных социальных образований монографическим методом сотрудническая деятельность некоторых участников, судя по всему, слишком важна, чтобы рассматривать ее как простую вариацию прежней задачи. Независимо от того, выступают члены команды с похожими индивидуальными представлениями или с непохожими, но если эти исполнения вместе составляют одно целое, то возникает качественно новое командное впечатление, которое удобно толковать как самостоятельный факт, как факт третьего уровня, расположенного между уровнем индивидуального исполнения и уровнем общего, суммарного взаимодействия всех участников. Можно даже сказать, что если специальный интерес исследователя сосредоточен на изучении управления впечатлениями, изучении возможностей, возникающих в процессе внушения какого-то впечатления, и изучении методик реализации этих возможностей, тогда команда и командное исполнение, вероятнее всего, будут наилучшим выбором в качестве основной точки отсчета[5]. Отправляясь от нее, можно будет в рамках этих понятий освоить и такие ситуации, где взаимодейст-

[5] Использование «команды» (в противоположность «исполнителю») как базового понятия заимствовано у фон Ноймана, который проанализировал бридж как игру между двумя игроками, каждый из которых в некоторых отношениях имеет две разные индивидуальности, чтобы вести игру (см.: *Neumann J. von, Morgenstern O.* The theory of games and economic behavior. Princeton University Press, 1947. P. 53).

вуют только два лица, описав подобные ситуации как взаимодействие двух команд, в котором каждая команда состоит только из одного члена. (Рассуждая логически, возможно даже утверждать, что предполагаемая аудитория, способная получить самое полное впечатление от особого случая социальной обстановки, где кроме нее нет других присутствующих — это аудитория, созерцающая командное представление, в котором команда не имеет ни одного члена.)

Понятие команды позволяет нам размышлять о любых исполнениях, которые даются одним или более чем одним исполнителем, а также охватывает еще один особый случай. Ранее говорилось, что исполнитель может быть захвачен и обманут своей собственной игрой и в этот момент верить, что насаждаемое им впечатление о реальности — это единственная и подлинная реальность. В таких случаях исполнитель становится своей собственной аудиторией, становится исполнителем и зрителем одного и того же спектакля. Предположительно он внутренне принимает или внедряет в свой мир нормы, которые пытается поддерживать в присутствии других, так что совесть требует от него играть как это принято в данном обществе. Вероятно, индивиду в качестве исполнителя придется скрывать от самого себя в качестве собственной аудитории определенные дискредитирующие факты, которые он неизбежно узнает о своем исполнении. В обиходных понятиях это значит, что в исполнении обязательно найдутся вещи, о которых он знает или только что узнал, но в которых он не пожелает признаться самому себе. В жизни постоянно случается этот замысловатый маневр самообмана. Психоаналитики располагают на этот счет прекрасными полевыми данными под рубриками «вытеснение» и «расщепление сознания»[6].

[6] Индивидуалистическое мышление склонно трактовать такие процессы как самообман и неискренность в качестве неких характерологических слабостей, рожденных в глубочайших тайниках личности данного индивида. Возможно, было бы лучше начинать анализ подобных процессов извне и потом углубляться во внутренний мир индивида, чем действовать в обратном порядке. Можно принять, что исходным пунктом для всего, что должно придти позднее, служит индивидуальный исполнитель, утверждающий некое определение ситуации перед аудиторией. Индивид автоматически становится неискренним, когда, сохраняя верность обязательству поддерживать рабочий консенсус, он участвует в разных рутинах или исполняет данную партию перед разными аудиториями. Самооб-

Возможно в этом кроется источник феномена, который когда-то был назван «самодистанцированием», а именно процесса, в ходе которого человек начинает чувствовать отчуждение от самого себя[7].

Когда исполнитель ведет свою частную деятельность в соответствии с коллективными моральными нормами, он может ассоциировать эти нормы с какой-то референтной группой, тем самым создавая для своей деятельности некую отсутствующую в момент ее осуществления аудиторию. Такая возможность побуждает нас рассмотреть еще одну. Индивид может частным образом придерживаться норм поведения, в которые он лично не верит, сохраняя эти нормы лишь из-за живого чувства соприсутствия невидимой аудитории, которая накажет за отклонения от этих норм. Другими словами, индивид может или стать своей собственной аудиторией, или вообразить аудиторию присутствующей. (Во всем этом нельзя упускать из виду аналитическое различие между понятием команды и понятием индивидуального исполнителя.) Сказанное наводит на мысль, что и команда может ставить представление для аудитории, во плоти не присутствующей. Так, в некоторых психиатрических больницах Америки невостребованным умершим пациентам могут быть устроены похороны на больничной земле по относительно полному обряду. И без сомнения, это помогает сохранить минимальные нормы цивилизованных отношений в обстановке, где убогие условия и общее безразличие общества действительно способны угрожать этим нормам. Во всяком случае, когда родственники не являются, больничный священник, больничный устроитель похорон и один-два других служителя сами могут разыграть все похоронные роли и продемонстрировать цивилизованное отношение к смерти исключительно перед лицом мертвого пациента, при полном отсутствии публики.

Очевидно, что в силу самого факта принадлежности к команде между людьми, членами одной команды, возни-

---

ман можно рассматривать как некий результат вынужденного совмещения в одном и том же человеке двух различных ролей: исполнителя и оценивающей аудитории.

[7] *Mannheim K.* Essays on the sociology of culture. L.: Routledge & Kegan Paul. 1956. P. 209.

кает некая важная взаимосвязь. Можно выделить два основных компонента этой взаимосвязи.

Во-первых, надо считаться с тем, что даже в разгар командного исполнения любой член команды способен подвести общий спектакль или навредить ему своим неподходящим поведением. Поэтому каждый участник команды вынужден полагаться на доброжелательное поведение своих соратников, а они, в свою очередь, вынуждены полагаться на него. Тогда волей-неволей устанавливается взаимозависимость, соединяющая друг с другом членов команды. Если они, как это часто случается, имеют разные формальные статусы и ранги в какой-то социальной организации, то взаимозависимость, порождаемая членством в одной команде, по всей вероятности, перечеркнет сложившиеся структурные или социальные разделения в этой организации и тем обеспечит ей новый источник сплочения. Там, где служебные и родословные статусы способствуют установлению внутренних перегородок в организации, исполнительские команды могут действовать в обратном направлении, объединяя разделенное.

Во-вторых, очевиден вывод, что если члены одной команды вынуждены сотрудничать в утверждении данного определения ситуации перед своей аудиторией, они едва ли смогут поддерживать соответствующее конкретное впечатление друг перед другом. Сообщники в деле поддержания какой-то конкретной видимости, они вынуждены определять друг друга как «посвященных», как лиц, перед кем невозможно сохранить данный передний план действия. В таком случае, сочленов команды (прямо пропорционально частоте, с какой они действуют как одна команда, и количеству скрываемых элементов представления, попавших в зону их совместной посвященности) начинают связывать законы того, что можно бы назвать панибратством или фамильярностью. Среди участников команды права на панибратство (которое может выступать своеобразным видом интимности в отношениях, но без теплоты) не требуют каких-то органичных, медленно развивающихся с течением совместно проводимого времени личных чувств, а скорее предполагают некие формальные отношения, которые автоматически устанавливаются и распространяются, как только человек занимает место в команде.

Предполагая, что почти наверняка участников команды будут связывать друг с другом узы взаимной зависимости и взаимного панибратства, нельзя смешивать тип подобным образом сформированной группы с другими типами групп, такими, как неформальная группа или клика. Участник команды — это некто, от чьего драматургического сотрудничества при вынашивании коллективного определения ситуации зависят какие-то люди. Если даже он ставит себя вне рамок неформальных санкций и настаивает на отказе от данного спектакля или на придании ему какого-то особого поворота, он тем не менее остается частью команды. Фактически, такой участник именно потому и является частью команды, что он способен причинить другим подобные неприятности. Так например, выскочка-обособленец на фабрике, ломающий норму производительности труда, трактуется все-таки как член команды, даже если его производственная активность мешает другим рабочим создавать у окружающих определенное представление о том, что такое тяжелая каждодневная работа. Выскочку могут старательно обходить в качестве объекта дружбы, но его не могут игнорировать в качестве угрозы командному определению ситуации. Подобно этому, на вечеринке вызывающе развязную и доступную девицу, другие присутствующие там девушки могут избегать, но в известных отношениях она остается частью их команды и не может не угрожать определению ситуации, которое они коллективно поддерживают: девушка — труднодоступный сексуальный приз, ценная награда. Поэтому, хотя участники команды часто оказываются лицами, которые в порядке самозащиты неформально соглашаются направлять свои усилия в определенное русло и, поступая так, образуют неформальную группу, но это неформальное соглашение не является критерием для определения понятия команды.

Члены неформальной клики (если использовать этот термин для обозначения какого-то малого числа лиц, соединившихся для приумножения в своем кругу неофициальных удовольствий) также могут составлять команду, ибо очень вероятно, что им придется сотрудничать в деликатном сокрытии своей исключительности от некоторых нечленов клики, и в то же время снобистски выставлять эту исключительность перед другими. Существует, однако, важное различие между понятиями «команда» и «клика».

В больших социальных образованиях, индивидов одного статусного уровня связывает факт, что они должны сотрудничать в поддержании определения ситуации по отношению к тем, кто выше и кто ниже их. Отсюда множество людей, возможно, очень разных по существенным характеристикам, и, потому желающих сохранить социальную дистанцию между собой, вдруг обнаруживают себя в отношениях вынужденного панибратства, характерного для сокомандников, занятых постановкой общего спектакля. Из-за этого малые клики нередко формируются не для того, чтобы продвигать интересы людей, вместе с которыми данный индивид ставит жизненный спектакль, а скорее чтобы оберегать его от нежелательного отождествления с этими людьми. Следовательно, клики зачастую функционируют, чтобы защитить индивида не от лиц других социальных рангов, но от лиц его собственного ранга. И хотя все члены одной клики могут иметь одинаковый статусный уровень, решающим, видимо, остается тот факт, что не все лица одного статуса допускаются в клику[8].

Следует добавить последнее замечание о том, чем не является команда. Люди могут формально или неформально соединяться в группы действия, чтобы продвигать одинаковые или коллективные цели любыми доступными им средствами. Поскольку они сотрудничают в поддержании данного впечатления, используя этот прием как средство достижения своих целей, постольку они составляют то, что было названо в данном исследовании командой. Но надо полностью уяснить себе, что существует много иных средств кроме средств драматургического сотрудничества, которыми действующая группа способна достигать своих целей. Эти иные средства, такие, как власть принуждения или переговоров, могут быть усилены или ослаблены стратегией манипуляции впечатлениями, но использование силы принуждения или словесного торга обеспечивает какому-то кругу людей источник формирования группы, не связанный с фактом, что в определенных случаях таким об-

[8] Разумеется, существует много оснований, на которых формируются клики. Эдвард Гресс считал, что клики могут преодолевать обычные возрастные и этнические границы, чтобы сводить вместе людей, которые не кажутся друг другу конкурентами в своей деятельности (*Gress E.* Informal relations and the social organization of work in an industrial office / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociolody. University of Chicago, 1949).

разом сформированная группа, вполне возможно, будет действовать (в драматургическом смысле) как команда. (Аналогично, индивид, занимающий позицию человека власти или лидера, может увеличивать или уменьшать силу своего воздействия на других степенью убедительности и соответствия его внешности и манеры поведения образу лидера, но этим не утверждается, будто драматургические качества его действия необходимо или даже обычно составляют главную опору его социального положения.)

Если понятие команды применять в качестве базовой точки отсчета, то уместно заново проследить прежние шаги в рассуждениях и заново определить всю систему терминов так, чтобы основной аналитической единицей в ней была команда, а не индивидуальный исполнитель.

Уже говорилось, что цель исполнителя — поддерживать конкретное, частное определение ситуации, представляя этим, так сказать, свою заявку на то, чем является для него реальность. Будучи командой из одного человека, без всяких соратников, которых надо информировать о своем решении, исполнитель способен быстро решить, какую из доступных ему позиций по данному вопросу занять, и затем горячо взяться за дело, словно бы его выбор был единственно возможным. Немаловажно, что этот выбор позиции может быть хорошо подогнан к собственной конкретной ситуации и интересам исполнителя.

Когда мы от одночленной команды обратимся к расширенной, изменится сам характер реальности, признаваемой командой. Вместо богатого определения ситуации, реальность может оказаться сведенной к тощей партийной линии, и скорее всего эта линия будет не одинаково близкой разным членам команды. С одной стороны, можно ждать иронических замечаний, которыми некоторые участники команды будут как бы шутя отрицать командную линию, на деле принимая ее всерьез. С другой стороны, появится новый фактор верности своей команде и своим соратникам по ней — обеспечение поддержки общекомандной линии.

По-видимому, всем понятно, что публичные разногласия среди членов команды не только лишают их способности к единству действий, но и осложняют определение реальности, поддерживаемое командой. Для защиты этого

представления о реальности от членов команды может потребоваться способность откладывать публичное принятие определенных личных точек зрения до выработки окончательной позиции команды. И если командная точка зрения однажды была принята, все члены команды обязаны следовать ей. (Здесь не рассматривается вопрос о дозволенной мере «советской самокритики» и о том, кем она дозволяется, перед этапом окончательного обнародования командной позиции.) Пример можно взять из практики государственной службы Великобритании:

В таких комитетах [при кабинете министров] государственные служащие участвуют в дискуссиях и свободно выражают свои взгляды, подчиняясь только одному правилу: не становиться в прямую оппозицию к своему собственному министру. Возможность обнародования такого открытого несогласия возникает очень редко и в принципе не должна возникать: в девяти случаях из десяти министр и государственный служащий, заседающий в комитете вместе с ним, предварительно согласовывают, какую линию отстаивать, а в десятом случае государственный служащий, несогласный со своим министром по конкретному вопросу, не будет допущен на заседание, где этот вопрос должен обсуждаться[9].

Другую иллюстрацию командного исполнения можно найти в исследовании структуры власти в малом городе Флойда Хантера:

Любого, кто занимается городской общественной работой самого разного масштаба, снова и снова поражает то, что иногда называют «принципом единодушия». Когда лидеры местной общины окончательно сформируют городскую политику, с их стороны появляются прямые требования строгого подчинения дисциплине мнений. Решения обычно принимаются неспешно. Для основательного обсуждения большинства проектов до ввода их в действие, как правило, имеется достаточно времени, особенно у руководителей верхнего звена. Для коммунальных проектов истина одна. Когда время дискуссий ушло и линия действий определена, тогда требуется единодушие. На инакомыслящих оказывается давление, и принятому проекту дают ход[10].

Открытое несогласие перед лицом наблюдающей аудитории производит, как говорится, впечатление фальши-

[9] *Dale H. E.* The higher civil service of Great Britain. Oxford: Oxford University Press, 1941. P. 141.

[10] *Hunter F.* Community power structure. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. P. 181, а также 118, 212.

вой ноты. Можно показать, что буквальных фальшивых нот избегают по совершенно тем же соображениям, что и фигуральных фальшивых нот: в обоих случаях речь идет о поддержании определения ситуации. Это поясняет отрывок из брошюры о рабочих проблемах профессионального аккомпаниатора:

> Чтобы певец и пианист смогли максимально приблизиться к идеальному исполнению, надо точно следовать замыслу композитора. Но иногда певец будет требовать от своего партнера чего-то явно противоречащего композиторским пометкам. Он захочет, например, акцента там, где его не должно быть; захочет firmata, где не нужно; захочет rallentando вместо tempo; пожелает петь forte, когда надо piano; может сентиментальничать, когда общее настроение должно быть nobilmente.
>
> Этот перечень, конечно, далеко не исчерпан. Певец с рукой на сердце и со слезами на глазах будет клясться, что он делает и всегда стремится делать в точности то, что написал композитор. Это создает очень затруднительное положение. Если певец поет одно, а пианист играет другое — результатом будет хаос. Дискуссии в данном случае могут оказаться напрасными. Но что же тогда делать аккомпаниатору?
>
> На публичном исполнении он *должен быть с певцом*, но после концерта помочь ему вытравить из головы память об этом исполнении...[11].

Однако единодушие — часто не единственное требование при командном определении ситуации. Видимо, всем нам свойственно некое ощущение, что наиболее реальные и твердо установленные вещи в жизни — это те явления, на описании которых люди сходятся не сговариваясь, независимо друг от друга. Опыт подсказывает, что если два участника одного события решат быть как можно более честными в пересказе о нем, то их свидетельства окажутся достаточно сходными, хотя бы они и не советовались друг с другом перед своими представлениями общего для них события. Наверно само намерение говорить правду, предположительно, делает такие предварительные консультации необязательными. Напротив, если два человека захотят солгать или предложить искаженную версию события, в котором оба принимали участие, то им будет необходимо не только заранее посоветоваться друг с другом, чтобы, так сказать, «придать истории честный вид», но и

---

[11] *Moore G.* The unashamed accompanist. L.: Methuen, 1943.

скрыть факт использования благоприятной возможности для такого предварительного совещания. Другими словами, при инсценировании определения ситуации, для некоторых членов команды может возникнуть необходимость единодушия в выборе общих элементов ситуации и сокрытия того факта, что этот выбор не был взаимно независимым. (Между прочим, если члены команды заняты еще и в спектакле самоуважения, разыгрываемого друг перед другом, то для каждого из них может возникнуть необходимость самостоятельно понять и принять командную линию и при этом не допустить себя до признания, что в выборе их позиции независимость отсутствовала. Но подобные проблемы несколько уводят нас от командного исполнения как основной точки отсчета.)

Следует заметить, если участник команды обязан дождаться определенной официальной информации, прежде чем занять свою позицию, то и эта официальная информация должна быть предоставлена ему в доступной форме, чтобы он смог сыграть свою партию в команде и почувствовать себя частью ее. Об этом писал например, Честер Холком в комментарии к тому, как некоторые китайские торговцы устанавливают цены на свои товары соответственно внешнему виду покупателя:

Один частный результат этого изучения покупателя проявляется в таком факте. Когда какой-то человек входит в магазин в Китае и, осмотрев несколько образцов товара, спрашивает цену одного из них, то продавец (если ему точно не известно обращался ли покупатель с этим вопросом к другим продавцам) не ответит ему, пока не опросит каждого другого продавца, называл ли тот джентльмену цену интересующего его товара. Если же, как случается очень редко, этой важной предосторожностью пренебрегают, то суммы, называемые разными продавцами, почти всегда сильно расходятся, тем самым показывая, что у продавцов нет согласия в их оценках данного покупателя[12].

Утаивать от участника команды информацию о направлении действий его команды — это все равно что утаивать от него его характер, ибо не зная, какой линии поведения придерживаться, он может оказаться неспособным утвердить себя перед аудиторией. Так, если хирург собирается оперировать пациента, направленного к нему другим док-

[12] *Holcombe Ch.* The real Chinaman. N.Y.: Dodd, Mead, 1895. P. 293.

тором, обычная вежливость обязывает хирурга по возможности сообщить этому доктору о дате операции и, если рекомендатель на ней не появится, телефонировать ему о ее результате. Будучи «информированным» таким образом, рекомендующий врач может более успешно, чем в противном случае, представить себя родственникам больного в качестве полноценного участника медицинского действа[13].

В развитие сказанного хотелось бы добавить еще один общий факт о поддержании командной линии во время исполнения. Когда участник команды совершает ошибку в присутствии аудитории, другие члены команды часто вынуждены подавлять свой непосредственный порыв немедленно наказать или поучить нарушителя до тех пор, пока не уйдет публика. В конце концов, безотлагательные исправительные санкции часто будут только еще больше расстраивать взаимодействие и, как ранее говорилось, могут раскрыть аудитории его секреты, которые должны быть предназначены только для участников команды. Так, в авторитарных организациях, где команда начальников поддерживает спектакль своей постоянной правоты и выступления единым фронтом, часто действует строгое правило, что ни один начальник не должен показывать враждебности или неуважения к любому другому начальствующему лицу в присутствии кого-либо из команды подчиненных. Армейские офицеры демонстрируют согласие перед рядовыми, родители перед детьми[14], управляющие перед рабочими, медсестры перед пациентами[15] и т. п. Конечно, когда подчиненные отсутствуют, критика становится возможной и проявляется в открытой и самой яростной форме. Например, в исследовании учительской профессии Хоуарда Беккера учителя высказали мнение, что если они обя-

[13] *Solomon D.* Career contingencies of Chicago phisicians / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1952. P. 75.

[14] В семье интересна та драматургическая завязка, что половая и родословная солидарность каждого супруга, сталкиваясь с супружеской солидарностью как таковой, затрудняет для мужа и жены выполнение уговора «поддерживать авторитет друг друга» перед детьми или подчеркнуто показывать кому-то из родни свое намерение либо «держаться от него на дистанции», либо перейти на самые близкие отношения. Как упоминалось ранее, такие сталкивающиеся линии при формировании группового членства предотвращают окончательные структурные разрывы.

[15] *Taxel H.* Authority structure in a Mental Hospital Ward / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago. 1953. P. 53—54.

заны поддерживать впечатление профессиональной компетентности и авторитет самого института учительства, тогда у них должна быть уверенность, что, когда разгневанные родители придут в школу с жалобами, директор поддержит позицию своего персонала, по крайней мере, до момента ухода этих родителей[16]. Точно так же учителя убеждены в том, что и рядовые коллеги не должны проявлять несогласия с ними или противоречить им в присутствии учащихся. «Только позвольте другой учительнице насмешливо поднять бровь, как они [дети] тотчас это заметят и уж не забудут, и их уважение к вам сразу пропадет»[17]. Известно, что медицинская профессия тоже имеет строгие правила этикета, по которым консультант в присутствии больного и его лечащего врача должен остерегаться, чтобы не сказать ничего такого, что поколебало бы то впечатление компетентности, которое этот врач старается укрепить в своем пациенте. По Э. Хьюзу, «профессиональный этикет — это органичный ритуал, складывающийся неформально, чтобы держать перед клиентами общий фронт профессии»[18]. Этот род солидарности в присутствии людей зависимых встречается, конечно, и тогда, когда исполнители действуют в присутствии начальников. Например, при исследовании полиции установлено, что два полисмена из одной патрульной команды, которые были свидетелями незаконных и полузаконных деяний друг друга и каждый из которых имеет отличную возможность разоблачить перед судьей образ напарника как стража закона, обычно проявляют героическую солидарность и упорно отстаивают росказни друг друга, независимо от того, какую мерзость они этим покрывают, или насколько малы шансы, что кто-нибудь им поверит[19].

Очевидно, что если исполнители заинтересованы в поддержании какой-то линии действия, они будут выбирать в качестве участников команды тех, в ком могут быть уверены как в адекватных исполнителях. Так, детей в доме

---

[16] *Becker H. S.* The teacher in the authority system of the public school // Journal of Educational Sociology. Vol. 27. P. 134.

[17] Ibid. P. 139.

[18] *Hughes E. C.* Institutions // New outline of the principles of sociology / Ed. by A. M. Lee. N.Y.: Barnes & Noble, 1946. P. 273.

[19] *Westley W.* The police / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1952. P. 187—196.

часто исключают из исполнений, даваемых для почетных гостей, так как нельзя быть до конца уверенным в «хорошем поведении» детей, то есть в том, что они воздержатся от выходок, несовместимых с оберегаемым впечатлением о доме[20]. Так же опасны для представления те, о ком известно, что они быстро пьянеют и тогда становятся болтливыми или «трудно выносимыми» для окружающих, и те, кто отказывается «входить в общий дух» компании и помогать крепить впечатление, в поддержании которого гости тактично едины, угождая хозяину.

Как уже отмечалось, во многих постановках взаимодействия некоторые из его участников сотрудничают как команда или зависимы от этого сотрудничества в деле сохранения конкретного определения ситуации. Далее, при изучении конкретных социальных учреждений, часто обнаруживается, что в каком-то существенном смысле все оставшиеся вне такой команды участники взаимодействия в своих ответных выступлениях на командный спектакль, разыгрываемый перед ними, сами тоже образуют команду. Поскольку каждая команда будет до конца играть свой номер для другой, то в данном случае можно говорить о драматическом взаимодействии, а не о драматическом действии, и рассматривать это взаимодействие не как мешанину стольких голосов, сколько имеется участников, но скорее как разновидность диалога и взаимной игры между двумя командами. Мне неизвестна какая-нибудь общая причина, почему взаимодействие в естественной обстановке обычно принимает форму двухкомандной взаимоигры или сводимо к этой форме вместо вовлечения в игру большего числа участников, но эмпирически дело, по-видимому, обстоит именно так. И потому в больших социальных организациях, где существует несколько различных статусных градаций, при достаточной продолжительности любого конкретного взаимодействия обычно следует ожидать, что участники разных статусов временно разобьются на

[20] Поскольку детей признают «статистами», постольку за ними признают и известное право на бестактные поступки без необходимости для аудитории слишком серьезно воспринимать иногда очень выразительный смысл этих поступков. Однако считают их статистами или нет, дети занимают в семье положение, позволяющее им раскрывать важные семейные секреты.

две командоподобные группировки. Например, лейтенант в армейском гарнизоне в одной ситуации будет чувствовать себя в союзе со всеми офицерами против всех рядовых военнослужащих, а в другой — в союзе с младшими офицерами, вместе с ними разыгрывая спектакль перед присутствующими старшими офицерами. Существуют, конечно, и такие разновидности определенных взаимодействий, для которых двухкомандная модель явно не подходит. К примеру, важные элементы арбитражных слушаний укладываются, по-видимому, в трехкомандную модель, а некоторые конкурентные и сугубо «социальные» ситуации требуют применения многокомандной модели. Каково бы ни было число команд, есть смысл анализировать взаимодействие, исходя из сотрудничества всех участников в поддержании рабочего согласия.

Если толковать взаимодействие как диалог между двумя командами, то иногда будет удобно называть одну команду исполнителями, а другую — наблюдателями или аудиторией, на время пренебрегая тем, что эта аудитория тоже будет находиться в этот момент в процессе представления своего командного исполнения. В некоторых случаях, вроде того, когда две одночленные команды взаимодействуют в каком-то публичном учреждении или в доме общего друга, можно произвольно выбирать, какую команду из одного человека назвать исполнителем, а какую — аудиторией. Однако во многих важных ситуациях социальная обстановка, в которой проходит взаимодействие, устроена и управляема только одной из команд, и более интимно используется в спектакле этой команды, чем в спектакле, разыгранном в ответ другой командой. Покупатель в магазине, клиент в учреждении, группа гостей в чужом доме — все эти лица нечто исполняют и поддерживают представительский передний план, общий фронт исполнения, но обстановка, в которой они это делают, не доступна их непосредственному контролю, поскольку она является неотъемлемой частью представительства присутствующих там хозяев. В подобных случаях удобно называть команду, которая контролирует обстановку, исполнительской командой, а другую команду — аудиторией. По таким же соображениям иногда удобно именовать исполнителем команду, которая вкладывает во взаимодействие

больше усилий, или играет в нем более драматическую роль, или задает темп и направление, каким обе команды будут следовать в их взаимном диалоге.

Очевидно, что для успеха команды в насаждении желаемого впечатления в умах публики должна существовать известная гарантия, что ни одному индивиду не удастся соединить в своем лице и команду, и аудиторию. Так, например, если владелец маленького магазина женской готовой одежды продает платье, говоря своей покупательнице, что оно уценено по причине легкого загрязнения, или окончания сезона, или оно последнее в партии и т. д., при этом скрывая от нее, что в действительности оно уценено, так как иначе его не продашь, или из-за плохого цвета и фасона, и если он, чтобы впечатлить клиентку, рассказывает ей о салоне для покупателей в Нью-Йорке, которого у него нет, или о мастерице индивидуальной подгонки платья, которая на самом деле простая продавщица, то этот владелец должен быть уверен, что когда понадобится нанять на временную работу в субботу дополнительную продавщицу, он не наймет соседку одной из своих бывших и потенциальных покупательниц[21].

Понятно, что контролирование обстановки дает какое-то преимущество во время взаимодействия. В узком смысле этот контроль позволяет команде вводить стратегические приемы для определения объема информации, который аудитория способна воспринять. Так, если врачи собираются оградить раковых больных от знания истинного диагноза их болезни, то будет полезно разбросать этих пациентов по всей больнице, чтобы они не смогли по специализации своей палаты узнать о характере своего заболевания. (Между прочим, больничный персонал из-за этой постановочной стратегии, возможно, будет вынужден тратить больше времени на хождение по коридорам и на переноску оборудования.) Аналогично, мастер-парикмахер, который регулирует поток клиентов с помощью книги самозаписей, доступной публике, может выкроить себе перерыв на кофе, вписав на нужное время фиктивную фами-

---

[21] Эти иллюстрации взяты из неопубликованной работы Джорджа Розенбаума: *Rosenbaum G.* An analysis of personalization in neighborhood apparel retailing / Unpublished M.A. thesis. Department of Sociology. University of Chicago. 1953 P 86—87.

лию, чтобы потенциальный клиент увидел необходимость найти для себя другое время посещения мастера. Еще один интересный случай использования обстановки и театрального реквизита в жизни описан в статье об американских женских студенческих землячествах, в которой рассказывается, как «сестры» такого землячества, устраивая чаепитие для возможных будущих членов его, умеют отличать лиц с хорошими перспективами на прием от бесперспективных, не создавая впечатления, что с гостями обращаются по-разному:

«Трудно запомнить 967 девушек, даже и с рекомендациями, за несколько минут во время первой встречи с ними в конвейерной суете приема, — рассуждала Кэрол. — Поэтому мы придумали трюк, чтобы разделять хорошие и дурные характеры. У нас в ходу три подноса для визитных карточек кандидаток: один — для девушек с золотым характером, второй — для тех, с кем надо встретиться снова, третий — для забракованных».

«Активу, который беседует с кандидаткой на вечере встречи, положено незаметно сопроводить ее к соответствующему подносу, когда она готова оставить свою карточку, — продолжала Кэрол. — Кандидатки никогда не понимают, что мы делаем!»[22].

Другую иллюстрацию возьмем из практического искусства управления отелем. Если кто-нибудь из персонала отеля имеет подозрения относительно намерений или характера пары постояльцев, коридорному может быть подан секретный сигнал «спустить собачку».

Это просто рабочий прием, который облегчает служащим надзор за подозрительными особами.

Разместив пару в номере, коридорный, закрывая за собой дверь, нажимает крошечную кнопку на внутренней стороне дверной ручки. Это поворачивает маленький кулачок внутри замка и вызывает появление темной смотровой щелки в его круглой центральной части снаружи. Щель достаточно незаметна для постояльцев, но горничные, дежурные, официанты и коридорные — все обучены следить за постояльцами... и сообщать о любых громких разговорах или необычных происшествиях, связанных с ним[23].

---

[22] *Beck J.* What's wrong with sorority rushing? // Chicago Tribune Magazine. 1954. 10 January. P. 20—21.

[23] *Collans D., Sterling S.* I was a house detective. N.Y.: Dutton, 1954. P. 56. Многоточие в тексте авторское.

В общем, контролирование обстановки может дать контролирующей команде чувство безопасности. Вот как один исследователь говорит об отношении «врач—фармацевт»:

Магазин-аптека — дело серьезное. Врач часто приходит к фармацевту в магазин за лекарством, за информацией, за хорошим разговором. В этих разговорах человек за прилавком имеет приблизительно те же преимущества, что и стоящий во весь рост оратор над сидящей аудиторией[24].

Ощущение независимости медицинской практике фармацевта придает именно его магазин. Магазин, в некотором смысле, есть часть самого фармацевта. Как Нептуна изображают подымающимся из моря и в то же время волной и пеной этого моря, так и в этосе фармацевтики культивируют священный образ благородного фармацевта, сумевшего возвыситься над полками и прилавками с пузырьками и медоборудованием, хотя одновременно все это является частью его сущности[25].

Хорошую литературную иллюстрацию последствий лишения контроля над обстановкой дает отрывок из «Процесса» Франца Кафки, где Йозеф К. встречается с представителями власти в своем пансионе:

Когда он оделся окончательно, Виллем, идя за ним по пятам, провел его через пустую гостиную в следующую комнату, куда уже широко распахнули двери. К. знал точно, что в этой комнате недавно поселилась некая фройлян Бюрстнер, машинистка; она очень рано уходила на работу, поздно возвращалась домой, и К. только обменивался с ней обычными приветствиями. Теперь ее ночной столик был выдвинут для допроса на середину комнаты, и за ним сидел инспектор. Он скрестил ноги и закинул одну руку на спинку стула»...

— Йозеф К.? — спросил инспектор, должно быть, только для того, чтобы обратить на себя рассеянный взгляд К.

К. наклонил голову.

— Должно быть вас очень удивили события сегодняшнего утра? — спросил инспектор и обеими руками пододвинул к себе немногие вещи, лежавшие на столике, — свечу со спичками, книжку, подушечку для булавок, как будто эти предметы были ему необходимы при опросе.

— Конечно, — сказал К., и его охватило приятное чувство: наконец перед ним разумный человек, с которым можно поговорить о своих делах. — Конечно, я удивлен, но, впрочем, и не очень удивлен.

---

[24] *Weinlein A.*. Pharmacy, as a profession in Wisconsin / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1943. P. 105.

[25] Ibid. P. 105—106.

— Не очень? — переспросил инспектор и, передвинув свечу на середину столика, начал расставлять вокруг нее остальные вещи.

— Возможно, что вы не так меня поняли, — заторопился К. — Я только хотел сказать...— Тут он осекся и стал искать, куда бы ему сесть. — Мне можно сесть? — спросил он.

— Это не полагается, — ответил инспектор[26].

Разумеется, за привилегию давать представление на сценической площадке собственного дома надо платить: человек имеет хорошую возможность передавать информацию о себе сценическими средствами, но не имеет возможности скрыть те факты, которые передаются декорациями, обстановкой действия. Тогда следует ожидать, что потенциальный исполнитель, возможно, в каких-то случаях будет избегать своей собственной сцены и ее контролирующих воздействий, чтобы предотвратить неприкрашенное исполнение, и это может подразумевать нечто большее, чем, например, простая отсрочка званого вечера из-за того, что еще не прибыла новая мебель. Так, известно, что в одной трущобной зоне Лондона

...матери чаще, чем в каком-либо другом месте, предпочитают рожать в больнице. Главная причина этого предпочтения, по-видимому, в боязни расходов на домашние роды, так как придется покупать кое-какие необходимые вещи, например, полотенца и купальные ванночки, да еще каждая вещь должна отвечать требованиям приглашенной акушерки. Это означает также присутствие в доме чужой женщины, что в свою очередь подразумевает необходимость специальной его уборки[27].

Когда изучают командное исполнение, то часто выясняется, что некто в нем облечен правом направлять и контролировать ход драматического действия. Пример — «конюший» в дворцовых церемониях. Иногда индивид, который церемониально контролирует спектакль и в некотором смысле выступает его распорядителем, играет и одну из важных специфических ролей в исполнении, коим он дирижирует. Поясним это взглядом романиста на служебные функции свадебной церемонии:

---

[26] *Kafka F.* The trial. N.Y.: Knopf, 1948. P. 14—15. [Кафка Ф. Процесс // *Кафка Ф.* Америка. Процесс. Из дневников. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 250—251.]

[27] *Spinley B.M.* The deprived and the privileged. L.: Routledge & Kegan Paul, 1953. P. 45.

Священник оставил дверь приоткрытой, чтобы они [Роберт, жених, и Лайонел, шафер] могли услышать реплики и войти без промедления. Они стояли за дверью как тайные соглядатаи. Лайонел потрогал свой карман, нащупал круглый ободок кольца и легонько пожал локоть Роберта. Когда ключевое слово было произнесено, Лайонел распахнул дверь и, по сигналу, выдвинул Роберта вперед.

Церемония прошла без заминок, направляемая твердой и опытной рукой священника, который сильно понижал голос, давая указания, и выразительно хмурил брови, поправляя исполнителей. Гости не заметили трудностей Роберта при надевании кольца на палец невесты, но зато заметили, что ее отец плакал чересчур обильно, а мать не плакала совсем. Но все это были мелочи, очень скоро забытые[28].

В общем, члены команды отличаются друг от друга способами и степенью, в какой им позволено направлять исполнение. Кстати, можно заметить, что структурные сходства явно разнородных рутинных церемоний находят достаточно хорошее отражение в сходстве умов, повсюду наблюдаемом у всяческих распорядителей и режиссеров. Будь то похороны, свадьба, партия в бридж, однодневная распродажа, повешение или пикник, распорядитель склонен рассматривать исполнение с точки зрения того, идет ли оно «гладко», «успешно», «без заминки» и все ли могущие помешать случайности были предусмотрены заранее.

Во многих исполнениях должны быть реализованы две важные функции, и если команда имеет распорядителя, на него часто и будет возложена специальная обязанность исполнения этих функций.

Во-первых, на распорядителя могут возложить обязанность корректировать любого члена команды, чье исполнение становится неподходящим к обстановке. В этих целях обычно используются исправительные процедуры успокоения и наказания. Как пример можно взять роль бейсбольного судьи в поддержании определенного образа реальности для болельщиков-фанатов.

Все судьи настаивают, чтобы игроки контролировали себя и воздерживались от жестов, выражающих презрение к их решениям[29].

---

[28] *Miller W.* The sleep of reason. L.: Secker, 1956.
[29] *Pinelli B.* Mr Ump. Philadelphia: Westminster Press, 1953. P. 141.

Я знал, что безопасный клапан для облегчения ужасного напряжения необходим, и как игрок сам наверняка бы спускал свою долю излишнего пара. Даже как судья я мог сочувствовать игрокам. Но именно как судья я был обязан решать, насколько далеко в нарушениях можно позволить зайти тому или иному игроку, не прерывая игру и не позволяя оскорблять, атаковать или высмеивать себя и тем унижать саму игру. Улаживание споров и успокоение людей на поле было столь же важным делом как и правильность решений — и более трудным!

Самое легкое для любого судьи — это удалить игрока с поля. Часто гораздо труднее сохранить его в игре — так понять и предупредить его недовольство, чтобы оно не перешло в какую-нибудь скверную потасовку[30].

Я не терплю клоунады на поле и не советую терпеть любому другому судье. Комедианты уместны на сцене или на телевидении, но не в бейсболе. Шарж или бурлеск в игре могут лишь превратить ее в дешевку, а также дать повод презирать судью за попустительство подобным сценам. Вот почему забавников и умников-критиканов вы увидите в роли гонимых, как только они начнут откалывать свои стандартные номера[31].

Нередко, конечно, режиссер-распорядитель не столько гасит неуместный аффект, сколько поощряет уместные проявления настоящей эмоциональной вовлеченности. «Зажигательное зрелище» — вот фраза, иногда употребляемая для обозначения последней задачи в ротарианских кругах*.

Во-вторых, на режиссера-распорядителя иногда возлагается специальная обязанность распределения партий в исполнении и личных передних планов, применяемых в каждой партии, ибо всякую организацию человеческой деятельности можно рассматривать как организацию некой сценической площадки с известным количеством характерных ролей, которые надо раздать перспективным исполнителям, и как совокупность знаковых средств или церемониальных принадлежностей, которые надо разместить с наибольшей пользой для исполнения в целом.

Очевидно, что если распорядитель действия исправляет последствия неподходящих появлений на сцене и распределяет большие или меньшие привилегии исполните

---

[30] *Pinelli B.* Mr Ump. Philadelphia: Westminster Press, 1953. P. 131.

[31] Ibid. P. 139.

* То есть среди членов местных организаций международного клуба деловых людей и профессионалов, основанного в 1905 г., — Rotary Club. (*Прим. пер.*)

лей, тогда другие члены команды (предположительно, заинтересованные в успехе спектакля, который они ставят друг для друга, так же как и в успехе спектакля, который они коллективно ставят для аудитории) будут иметь по отношению к такому режиссеру установку, какой у них нет в отношении других участников их команды. Далее, если аудитория понимает, что исполнение имеет распорядителя, то ее члены, вероятно, будут считать его более ответственным за успех данного представления, чем других исполнителей. По-видимому, распорядитель должен отзываться на это бремя ответственности, предъявляя исполнителям такие драматургические требования, каких они не сумели бы предъявить себе сами. Это может усиливать общую отчужденность от него, зародившуюся у исполнителей раньше. Поэтому распорядитель, начиная как член команды, может мало-помалу ощутить себя в тисках маргинальной роли между аудиторией и исполнителями, наполовину в обоих лагерях и наполовину вне их, — своего рода посредником между ними, но без защиты, которую обычно имеют посредники. Фабричный мастер может служить точным примером такого положения[32].

Когда исследуется некая рутина, которая требует для своего представления другим команду из нескольких исполнителей, то иногда обнаруживается, что один из членов команды сделан звездой, ведущим, или центром внимания. Крайний пример такой расстановки исполнителей можно увидеть в традиционной придворной жизни, где всякое помещение, заполненное придворными и посетителями, будет организовано в виде какой-то живой картины, в которой из любой точки взгляд с неизбежностью обратится к королю как к центру внимания. Королевская звезда представления может быть и одетой более зрелищно, и сидеть выше, чем другие присутствующие. Еще более впечатляющую централизацию внимания можно увидеть в танцевальных узорах больших мюзиклов, в которых сорок или пятьдесят танцоров увиваются вокруг примы.

---

[32] См., напр.: *Wray D. E.* Marginal men of industry: The foreman // American Journal of Sociology. Vol. 54. P. 298—301; *Roethlisberger F.* The foreman: Master and victim of double talk // Harvard Business Review. Vol. 23. P. 285—294. Роль посредника будет рассмотрена ниже.

Причудливость представлений при королевских появлениях на публике не должна помешать нам разглядеть прозаическую полезность идеи «двора»: в действительности дворы обычно можно найти вне дворцов, пример — рестораны голливудских производственных студий. Хотя, видимо, в абстрактном смысле и верно, что люди в живом общении классово «эндогамны», проявляя склонность ограничивать неформальные связи кругом людей своего собственного статуса, все же при более близком изучении социального класса можно обнаружить, что он составлен из отдельных социальных кружков, и каждый кружок включает один и только один комплект исполнителей разного положения. И часто такой кружок будет формироваться вокруг одной доминантной фигуры, которая постоянно держится на сцене в центре внимания и не терпит рядом других подобных фигур. Ивлин Во затрагивает эту тему при обсуждении характера британского высшего класса:

> Возвратимся лет на 25 назад ко времени, когда у нас была еще довольно четкая аристократическая структура и страна была поделена на сферы влияния между наследственными магнатами. По моим воспоминаниям, тогдашние гранды избегали общения друг с другом, если только они не были в близком родстве. Они встречались по государственным делам и на скачках. Они не жаловали частым посещением дома друг друга. В герцогском замке вы могли встретить кого угодно: выздоравливающих после болезни знакомых, бедных кузин, экспертов-консультантов, лизоблюдов, жигало и откровенных вымогателей. Одного вы бы наверняка там не нашли — других герцогов. Английское общество казалось мне каким-то сложным объединением племен, каждое племя со своим вождем и старейшинами, со своими знахарями и храбрецами, со своим собственным диалектом и божеством, каждое с сильной ксенофобией[33].

Неформальная общественная жизнь персонала наших университетов и других интеллектуальных бюрократий, по-видимому, распадается на кружки по тому же образцу: клики и фракции, составляющие мелкие партии административной политики, образуют «дворы» компанейской жизни, где местные герои могут безопасно крепить впечатление величия своей группки, своей компетентности и своей глубины.

---

[33] *Waugh E.* An open letter // Noblesse oblige / Ed. by N. Mitford. L.: Hamish Hamilton, 1956. P. 78.

В общем, можно сказать, что все лица, помогающие представлять командное исполнение другим, различаются мерой данной каждому из них драматической власти и тем, что одна командная рутина отличается от другой по объему и качеству этой власти, отпущенной их участникам.

Концепции драматического и директивно-распорядительного влияния как контрастных типов влияния в процессе исполнения, можно применить, mutatis mutandis*, к взаимодействию как целому, чтобы по возможности выявить, которая из двух команд какого из двух названных типов влияния имеет больше, и какие исполнители (рассматривая всех участников обеих команд вместе) являются ведущими в этих двух разновидности власти.

Бывает, конечно, что исполнитель или команда обладают властью сразу двух указанных типов, но это никоим образом не общее правило. Например, во время прощания с телом в похоронном заведении вся социальная обстановка и все участники, включая как команду друзей и родственников покойного, так и команду похоронного заведения, обычно располагаются так, чтобы выражать чувства собравшихся к усопшему и привязанность к нему: он оказывается центром спектакля и драматически доминантным участником в нем. Но так как друзья и родственники покойного неопытны и подавлены скорбью, а звезде спектакля суждено выступать как бы в роли кого-то пребывающего в глубоком сне, то направлять спектакль будет сам владелец похоронного бюро, хотя он может все время держаться в тени, где-то поблизости или даже в другом помещении заведения готовиться к следующему церемониалу.

Надо ясно понять, что драматическая и директивная разновидности власти — всего лишь драматургические термины и что исполнители, обладающие такой властью, могут не иметь других типов власти и авторитета. Общеизвестно, что исполнители, которые по титулу занимают позиции лидеров, часто просто подставные фигуры, выбранные или в результате компромисса, или для нейтрализации потенциально опасного партнера, или для стратегического прикрытия настоящей власти за ее показным фаса-

---

* С соответствующими поправками *(лат.)*.

дом, то есть реальной власти за фасадной властью. И потому, в частности, когда неопытным или временным назначенцам дают формальную должностную власть над опытными подчиненными, нередко обнаруживается, что формально облеченному властью лицу по сути дают отступное в виде драматически выигрышной доминантной партии, в то время как эти бывалые подчиненные сами направляют данный спектакль[34]. Так, в первую мировую войну в британской пехоте опытные сержанты из рабочего класса справлялись с такой тонкой задачей как незаметное подстрекательство своих новых лейтенантов выступить в драматически выразительной роли во главе взвода и быстренько умереть в героической позе, как и подобает выпускникам британских частных школ. Сами сержанты знали свое скромное место в тылу взвода и старались жить, чтобы и дальше учить других лейтенантов.

Драматическое и директивное влияние в командном исполнении были выделены как два измерения, по которым различаются места в команде. Немного изменив точку зрения, можно увидеть и третье.

Вообще, люди, участвующие в деятельности, протекающей внутри какого-то социального учреждения, становятся членами одной команды, когда они сотрудничают, чтобы совместно представить другим свою деятельность в определенном свете. Но принимая на себя роль исполнителя в команде, человек не перестает отдавать часть своих усилий недраматургическим интересам, то есть самому содержанию деятельности, приемлемую театрализацию которой предлагает данное исполнение. В таком случае можно ожидать, что индивиды, работающие на определенную команду, будут различаться между собой тем, как они распределяют свое время между чистой деятельностью и чистым представительством. На одном полюсе сосредоточатся индивиды, которые редко появляются перед публикой и мало интересуются видимостью. На другом полюсе соберутся исполнители, как иногда говорят, «чисто церемониальных ролей», заинтересованные в создаваемой ими видимости и очень мало в чем-либо еще. Например, и президент, и руководитель исследовательского отдела какого-

[34] *Riesman D., Denny R., Glazer N.* The lonely crowd. New Haven: Yale University Press, 1950. P. 363—367.

нибудь общенационального профсоюза могут проводить все свое рабочее время в главном помещении штаб-квартиры союза как следует одетые и в меру красноречивые, чтобы придать своему союзу респектабельный фасад, представительский передний план. Но президент к тому же принимает много важных решений, тогда как руководитель исследовательского отдела мало что делает кроме представления себя во плоти как части президентской свиты. Официальные лица воспринимают такие чисто церемониальные роли как часть «украшения витрины»[35]. Подобное разделение труда можно найти и в семейном укладе, где должно быть выставлено напоказ нечто большее, чем качество исполнения задач. Знакомая многим концепция показного потребления* рисует, как мужья в современном обществе занимаются приобретением социоэкономического статуса, а жены — демонстрацией плодов этого приобретательства. Несколько раньше такую специализированную функцию еще очевиднее исполнял лакей:

Но главная ценность лакея заключалась в одной важной услуге дому, а именно, в эффективности, с какой он рекламировал уровень богатства своего хозяина. Конечно, на эту цель работали все слуги, поскольку их присутствие в доме демонстрировало способность хозяина оплачивать и содержать их даже за ничтожный или непроизводительный труд. Но не все были равно эффективны в этом отношении. Люди с необыкновенными способностями и специальной подготовкой, требовавшие поэтому высокого вознаграждения, приносили больше чести своим работодателям, чем оплачиваемые по низким ставкам. Слуги, чьи обязанности связаны с необходимостью быть на виду, успешнее представляли богатство своего хозяина, чем постоянно работавшие вне поля зрения окружающих. Наиболее эффектными и эффективными в этом отношении среди представительской прислуги были ливрейные слуги — от кучера до мальчика-посыльного. Рутинные обязанности этих слуг делали их в высшей степени наглядными. Более того, сама ливрея как форма одежды подчеркивала их отстраненность от производительного труда.

[35] *Wilensky H. L.* The staff «Expert»: A study of the intelligence function in American Trade Unions / Unpublished Ph.D dissertation. Departament of Sociology. University of Chicago, 1953. Ch. 4. Я признателен м-ру Виленски за многие вдохновляющие идеи.

* Имеется в виду концепция американского социолога начала XX в. Торстейна Веблена, изложенная в его книге «The theory of laisure class» [*Веблен Т.* Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.] *(Прим. ред.).*

Эта эффективность достигала максимума в фигуре лакея, чьи повседневные рутинные обязанности выставляли его на вид чаще и систематичнее других ливрейных слуг. Вследствие этого, лакей был одним из необходимейших элементов жизненной витрины своего хозяина[36].

К этому можно добавить, что индивид с чисто церемониальной ролью не нуждается в драматически доминантной роли.

После всего сказанного, команду можно определить как некий круг индивидов, чье тесное сотрудничество требуется в случаях, когда необходимо поддержать данное запланированное определение ситуации. Команда — это группировка, но группировка не в контексте отношений социальной структуры или социальной организации, а скорее в контексте взаимодействия или ряда взаимодействий, в которых удерживается нужное определение ситуации.

Как уже отмечалось и будет еще не раз подтверждено, если исполнение вынуждено быть эффективным, то очень вероятно, что степень и характер сотрудничества, которое делает это возможным, будут скрывать и держать от всех в секрете. В таком случае команда имеет в себе нечто от секретного общества. Публика, конечно, может понимать, что всех членов команды связывают обязательства, которые не разделяет с ними ни один человек из публики. Так, например, когда клиенты приходят в какое-то заведение по обслуживанию населения, они ясно сознают, что все его работники отличаются от них в силу этой официальной роли служащего. Однако индивиды, числящиеся в штате заведения, становятся членами команды не просто в силу своего штатного статуса, а благодаря сотрудничеству, которое они поддерживают, чтобы отстоять данное определение ситуации. Во многих случаях может не предприниматься никаких попыток скрывать кто именно состоит в штате, но эти же штатные работники образуют секретное общество, команду, когда они охраняют секреты своего сотрудничества в деле поддержания конкретного определения ситуации. Команды могут создаваться индивидами в помощь группе, членами которой они являются, но, помогая себе и своей группе вышеописанными драматургиче-

[36] *Hecht J. J.* The domestic servant class in eighteen-century England. L.: Routledge & Kegan Paul, 1956. P. 53—54.

скими приемами, они действуют именно как команда, а не группа. Поэтому команда, в использованном здесь значении — это своеобразное секретное общество, о членах которого его нечленам может быть известно, что те составляют какое-то общество, даже избранное, но то общество, о котором известно, какие люди его составляют, — совсем не то общество, которое они же образуют, действуя как команда.

Поскольку все так или иначе участвуют в командах, у всех должно быть нечто от греховно-сладкого чувства вины, свойственного конспираторам. И поскольку каждая команда занимается поддержанием стабильности каких-то определений ситуации, скрывая или смягчая для этого определенные факты, то можно ожидать, что отдельный исполнитель в качестве такого конспиратора постарается действовать незаметно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЗОНЫ И ЗОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Зону исполнения можно определить как любое место, в котором восприятие исполнения так или иначе ограничено. Разумеется, зоны разнятся по силе степени имеющихся ограничений и по средствам коммуникации*, в отношении которых существуют эти ограничения. Так, толстые панели из стекла, вроде употребляемых в радиовещательных студиях, в состоянии изолировать зону действия от слухового восприятия, но не от визуального, тогда как рабочий кабинет, отгороженный звукопроницаемыми перегородками из фиброкартона, ограничивает восприятие противоположным образом.

В англо-американском обществе (относительно «кабинетном» по характеру действия), исполнение обычно происходит в ограниченном пространстве, к чему часто добавляются и ограничения по времени. Конкретные впечатления и понимания, насаждаемые данным исполнением, обычно наполняют собой весь отведенный этому исполнению зонально-временной интервал, так что любой человек в этом пространственно-временном коллекторе сможет наблюдать исполнение и руководствоваться определением ситуации, которое вынашивается этим исполнением[1].

Часто в исполнении имеется только один центр зрительного внимания в контексте отношений исполнителя и аудитории, как, например, при произнесении политиче-

---

* То есть любым каналам общения и передачи информации, включая органы чувств (*Прим. пер.*).

[1] Термином «поведенческая обстановка» Г. Райт и Р. Баркер в докладе о методологии научного исследования очень ясно показывают, что любые ожидания относительно поведения обязательно ассоциируются с определенными местами. См.: *Wright H. F., Barker R. G.* Methods in psychological ecology. Topeka (Kansas): Ray's Printing Service, 1950.

ской речи в зале или во время беседы пациента с доктором во врачебном кабинете. Однако многие исполнения состоят из нескольких самостоятельных узлов или гнезд вербального взаимодействия. Так, вечер с коктейлями обычно создает несколько разговорных подгрупп, которые постоянно изменяются по размеру и составу членов. Аналогично, спектакль на сценической площадке торгового заведения, как правило, имеет несколько центров вербального взаимодействия, образованных парами «продавец — покупатель».

Если конкретное исполнение принять за точку отсчета, то иногда для обозначения места, где дается представление, удобно использовать термин «зона переднего плана», или «фронтовая зона действия». Постоянное знаковое снаряжение в таком месте уже соотносилось с той частью представительского переднего плана действия, которая названа «обстановкой». Интересно, что некоторые аспекты исполнения, похоже, разыгрываются применительно не к аудитории, а к зоне переднего плана.

Исполнение индивида в зоне переднего плана можно рассматривать как усилие создать впечатление, будто его деятельность в этой зоне воплощает и поддерживает определенные социальные нормы и стандарты. Эти нормы делятся, видимо, на две обширные группы. Одна группа норм касается форм вербального обращения исполнителя к аудитории или жестовых взаимообменов, заменяющих устную речь. Эти нормы иногда называют ***правилами вежливости*** в беседе. Другая группа норм относится к соблюдению исполнителем определенных ограничений в поведении, когда он находится в зоне видимости или слышимости, доступной для аудитории, но необязательно говорит с ней. Для этой второй группы норм я буду использовать термин ***«приличия»***, хотя придется добавить некоторые доводы и оговорки, чтобы оправдать такое словоупотребление.

Требования приличий в зоне действия (или требования, не связанные с обхождением с другими в ходе беседы), удобно снова разбить на две подгруппы: требования моральные и требования инструментальные. ***Моральные требования*** суть цели в себе и предположительно относятся к правилам, касающимся запретов на вмешательство в чу-

жие дела и назойливое приставание к другим, правил сексуального достоинства, уважения к священным местам и т. д. *Инструментальные требования* не являются целями в себе и относятся к таким обязанностям, какие мог бы предъявлять работодатель к своим наемным работникам: забота о сохранности имущества, поддержание качественного уровня исполняемых работ и т. д. Может показаться, что термин «приличия» следует относить только к моральным нормам и что для охвата инструментальных норм надо использовать другой термин. Но изучая порядок, поддерживаемый в данной зоне, довольно просто установить, что эти два вида требований, моральных и инструментальных, по-видимому, во многом одинаково воздействуют на индивида, который должен отвечать на них, и что для оправдания большинства норм, которых следует придерживаться, выдвигаются как моральные, так и прагматические соображения (или рационализации). Если норма поддержана санкциями и какой-либо санкционирующей инстанцией, то часто исполнителю почти безразлично, оправдывают ли данную норму преимущественно моральными или инструментальными соображениями, и требуют ли от него или нет внутреннего усвоения этой нормы.

Можно отметить, что та часть личного переднего плана, которая была названа в первой главе «манерами», будет важна в связи с вербальными правилами вежливости, а часть, названная «внешним видом», — в связи с правилами приличия. Заметим также, что хотя благопристойно-приличное поведение может принять форму нарочитой демонстрации уважения к месту и обстановке действия, сама эта демонстрация может, конечно, быть мотивирована желанием снискать благосклонность аудитории, избежать санкций и т. д. Наконец, отметим, что требования приличия экологически более вездесущи, чем требования разговорной вежливости. Аудитория способна непрерывно следить за соблюдением приличий по всей зоне переднего плана, но при этом, возможно, никто из исполнителей не обязан или только очень немногие будут обязаны постоянно говорить с аудиторией и, следовательно, проявлять правила вежливой речи. Исполнители могут приостановить произвольное самовыражение в разговоре, но не могут остановить непроизвольное самовыражение, находясь в окружении публики.

При изучении различных социальных образований важно охарактеризовать преобладающие нормы приличия. Это трудно сделать, так как информанты и сами изучающие склонны принимать многие из этих норм как нечто само собой разумеющееся, не понимая своего поведения, пока не случится какой-нибудь сбой, или разразится кризис, или сложатся особые обстоятельства. Известно, например, что разные деловые учреждения имеют разные стандарты отношения к неформальной болтовне среди клерков, но только при изучении учреждений с заметным числом работников из иностранных беженцев, становится вдруг понятным, что допущение неофициальных разговоров на рабочем месте вовсе не означает, что их можно вести на иностранном языке[2].

Людей приучили думать, будто правила приличия в таких священных учреждениях, как церкви, сильно отличаются от правил, действующих в обыкновенных заведениях. Но из этого совсем не следует, что нормы в местах, где проходят священнодействия, многочисленнее и строже норм в рабочих учреждениях. В церкви женщине дозволено сидеть, мечтать и даже дремать. Однако от нее же как продавщицы в магазине готового платья может потребоваться все время стоять, быть внимательной, воздерживаться от употребления жвачки, постоянно сохранять на лице улыбку, даже если она ни с кем не разговаривает, и носить одежду, в которой ей не по себе.

Одна из внешних форм приличия, известная в общественных учреждениях, — это, что называется, умение «изображать работу». Во многих учреждениях все понимают, что работникам надо не только выполнять определенный объем работы за определенное время, но и быть готовым, когда понадобится, создавать впечатление усердной работы в данный момент. Вот пример из жизни корабельной верфи:

Было удивительно наблюдать, как все кругом преображалось, когда проносился слух, что в корабельном корпусе или в цеху появился мастер или что где-то рядом начальник из управления компании. Бригадиры и звеньевые бросались к своим рабочим и

---

[2] *Gross E.* Informal relations and the social organization of work in an industrial office / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago. 1949. P. 186.

всячески понукали их проявлять активность. «Не дайте ему застать вас сидящими!» — таково было универсальное наставление, и там где не было работы, люди деловито гнули и резали какую-нибудь трубу, без нужды подтягивали уже твердо закрепленный на месте болт. Это была формальная дань, неизменно приносимая каждому обходу работ боссом, и ее условности были столь же знакомы обеим сторонам, как и условности, сопровождающие армейскую инспекцию с пятизвездным генералом во главе. Пренебрежение любой мелочью этого фальшивого и пустого шоу было бы истолковано как знак неслыханного неуважения к заведенному порядку[3].

Аналогичную картину можно увидеть в больничной психиатрической палате:

В первый же день работы в палатах другие служители очень откровенно советовали исследователю в роли новичка «не попадаться» на битье пациента, казаться занятым, когда старшая надзирательница делает свои обходы, и не заговаривать с нею, пока та сама не обратится к нему. Было заметно, что некоторые служители следят за ее приближением и предупреждают других работников, чтобы ни одного из них не застали с поличным при совершении неблаговидных действий. Многие служители специально приберегали работу, чтобы потом делать ее в присутствии надзирательницы, показывать свою занятость и не получать дополнительных заданий. В поведении большинства служителей такие маневры не так очевидны, их применение зависит в основном от индивидуальности служителя, от надзирателя и от ситуации в палате. Однако некоторые изменения в поведении наблюдаются почти у всего младшего персонала, когда присутствует какое-то официальное лицо, вроде надзирателя. Открытого пренебрежения правилами и инструкциями обычно не бывает...[4].

От рассмотрения искусства «изображать работу» только шаг до разбора иных нормативов рабочей активности, видимость которых должна поддерживаться — таких, как темп, личный интерес к данной работе, бережливость, аккуратность и т. д.[5] От разбора рабочих нормативов вообще лишь шаг до разбора других главных составляющих

[3] *Archibald K.* Wartime shipyard. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1947. P. 159.

[4] *Willoughby R.H.* The attendant in the State Mental Hospital / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. P. 43.

[5] Анализ некоторых главных рабочих нормативов можно найти в книге Э. Гросса (*Gross E.* Op. cit.), из которой взяты вышеописанные примеры нормативов.

в соблюдении внешних приличий (прагматических и моральных) на рабочих местах: манеры одеваться, терпимого уровня производимого шума, частоты осуждаемых отвлечений от работы, допустимых поблажек, манеры выражения чувств и т. д.

Необходимость изображать работу, наряду с другими элементами соблюдения внешних приличий на рабочих местах, обычно рассматривают исключительно как особую повинность людей низкого общественного положения. Драматургический подход, однако, требует от нас вместе с проблемой изображения работы видеть и проблему инсценирования противоположного явления — «изображения ничегонеделания». Так, из воспоминаний о жизни в начале XIX в. в среде бедного английского дворянства можно узнать, что:

Люди были крайне щепетильны в вопросе нанесения визитов — здесь сразу вспоминается сцена визита в романе «Мельница на Флоссе»*. Визиты надо было делать регулярно, с правильными промежутками, так что даже дни, в которые их следовало отдавать или возвращать, почти всегда были известны. Визит был церемониалом, содержавшим изрядную долю чопорности и притворства. Никто, например, не должен был позволять застать себя врасплох за какой-либо работой. В благородных семьях поддерживалась фикция, будто леди из этого дома никогда не делают ничего серьезного или полезного после обеда. Вторую половину дня полагалось посвящать или прогулкам, или визитам, или необременительно изысканному домашнему времяпрепровождению. Поэтому если девушки на момент чужого посещения занимались любой полезной работой — они спешно запихивали свидетельства ее под софу и притворялись читающими книгу, или рисующими, или увлеченными вязанием, а то и легким, блестящим разговором. Зачем они шли на это трудоемкое притворство — не имею ни малейшего понятия, так как все знали, что каждая девушка в округе всегда в деле: чинит, кроит, сметывает, расклинивает, отделывает, перелицовывает и всячески ухитряется, чтобы сводить концы с концами. А как вы думаете, могли бы дочери рядового стряпчего отважиться показаться на людях в воскресенье, если б они не были достаточно умелыми, чтобы изобретать вещи для самих себя? Каждый сосед, конечно же, знал это, а почему девушки не хотели признаваться в этом сразу, теперь уже нельзя понять. Возмож-

* Классический роман английской писательницы XIX в. Джордж Элиот (Мэри Анн Эванс) (*Прим. пер.*).

но, у них теплилась своего рода гипотеза, или слабая надежда, или страстная мечта, будто репутация неземных ледиподобных созданий могла бы помочь им вырваться в большой свет из круга балов в провинциальном графстве[6].

Само собой понятно, что хотя людей, вынужденных изображать работу, и людей, вынужденных изображать безделье, жизнь, вероятно, ведет разными путями, но при этом все они должны приспосабливаться к одинаковым сценическим требованиям.

Ранее говорилось, что когда чья-то деятельность протекает в присутствии других лиц, обычно некоторые элементы этой деятельности выразительно подчеркиваются, а другие, которые могут испортить желаемое впечатление, скрываются. Ясно, что выигрышные, ударные факты исполнители предпочитают показывать в зоне переднего плана. Точно так же должно быть ясно, что может существовать и другая зона — «зона заднего плана» или «закулисная зона», где появляются и признаются скрываемые от публики факты.

Зону заднего плана или закулисье можно определить как связанное с данным исполнением место, в котором осознанные противоречия с насаждаемым впечатлением принимаются как должное. Существует, конечно, много функциональных характеристик таких мест. Именно здесь может быть тщательно отработана способность любого исполнения выражать что-то помимо своего прямого смысла. В этой зоне открыто фабрикуются иллюзии и рассчитываются впечатления. Здесь в компактном виде хранится необходимый реквизит и аксессуары личного переднего плана для всего репертуара действий и характеров исполнителей[7]. Именно в закулисье градации церемониального снаряжения (вроде различных марок спиртных напитков или

[6] *Besant W. (Sir)*. Fifty years ago // The Graphic Jubilee Number. 1887. Цит. по: *Laver J.* Victorian vista. L.: Hulton Press, 1954.

[7] Как указывает А. Метро, даже практика культов вуду требует таких условий: «Каждый случай одержимости имеет свою театральную сторону, проявляемую в изменениях внешности, в смене личин. Помещения святилища не так уж непохожи на закулисные уголки театра, где одержимые находят для себя необходимые аксессуары. В отличие от истериков, раскрывающих свои страдания и желания через определенные симптомы как личное средство выражения, ритуальные одержимые должны подчиняться классическому образу мифического персонажа» (*Métraux A.* Dramatic elements in ritual possesion // Diogenes. Vol. 11. P. 24).

стилей одежды) могут быть настолько затушеваны, что публика не сумеет уловить разницу между фактическим обращением с нею и тем обращением, какое полагалось бы ей по чину. В этой зоне тайно завладевают такими инструментами общения, как телефон, чтобы пользоваться ими «приватно». Костюмы и другие атрибуты личного переднего плана здесь изучаются, приводятся в порядок и подгоняются к характеру ожидаемой публики. В этом месте команда может репетировать свое исполнение, проверяя воздействие потенциально оскорбительных выражений в отсутствие аудитории, без риска получить от нее отпор. Здесь слабых участников команды, невыразительных и неумелых, без помех натаскивают или совсем отстраняют от участия в исполнении. За кулисами исполнитель может расслабиться, перестать выдерживать безукоризненный представительский вид, откровенно высказаться о своих планах и выйти из образа. Симона де Бовуар рисует весьма живую картину этого закулисного поведения женщин в ситуациях, где отсутствует мужская аудитория:

> Что придает ценность подобным взаимоотношениям, так это содержащиеся в них правда поведения, безыскусность. Перед мужчиной женщина всегда в состоянии презентации; она лжет, делает вид, что, как и противоположный пол, она не принимает себя всерьез, она лжет, когда посредством мимики, наряда, определенных слов создает вымышленный образ; разыгрывается спектакль, он требует постоянного напряжения; и рядом с мужем, и рядом с любовником любая женщина думает приблизительно так: «Я не похожа на себя»; мир мужчин жесток, там острые углы, пронзительные звуки, резкий свет, жесткие контакты. Каждая женщина, когда она в кругу своих подруг, как бы сбрасывает с себя все показное; она чистит оружие, готовится к бою, но пока она не в бою; она продумывает свой наряд, макияж, готовит свои хитрости; она расслабилась, ходит в домашних туфлях, в халате, она за кулисами и только готовится выйти на сцену; ей нравится эта мягкая, приятная атмосфера расслабленности...
>
> Для некоторых женщин вот такая беззаботная близость, полная искреннего тепла, ценнее, чем серьезная высокопарность отношений с мужчиной[8].

Как правило, зона заднего плана располагается в глубине того места, где происходит данное исполнение, и от-

[8] *Beauvoir S. de.* The second sex. L.: Cape, 1953. [*Бовуар С. де.* Второй пол. М.: АО Издательская группа «Прогресс»; СПб.: Алетейя, 1997. С. 614—616].

деляется от него какой-нибудь перегородкой и охраняемым проходом. Имея в распоряжении такие смежные зоны переднего и заднего планов, исполнитель, находясь на самом виду, может получать помощь из-за кулис, когда представление в самом разгаре, и может мгновенно прерывать свое исполнение для короткого отдыха и расслабления. В общем, зона заднего плана — это в первую очередь такое место, в котором исполнитель может безусловно рассчитывать на то, что ни один член аудитории туда не вторгнется.

Поскольку жизненно важные секреты спектакля явно находятся за кулисами и поскольку там же исполнители позволяют себе временно выходить из роли, естественно ожидать, что проход из зоны переднего плана в зону заднего плана будет закрытым для людей из публики или что вся закулисная зона будет скрыта от них. Такая практика управления впечатлениями публики широко распространена и требует дальнейшего обсуждения.

Очевидно, контроль закулисья играет существенную роль в процессе «рабочего контроля», которым люди пытаются самортизировать давление обступающих их со всех сторон детерминистских жизненных необходимостей. Если фабричный рабочий хочет преуспеть в создании видимости напряженного труда весь день, тогда он должен иметь безопасное место, чтобы прятать приспособление, которое позволяет ему выполнять дневную норму меньше чем за полный рабочий день[9]. Если друзьям и близким покойного нужна иллюзия, будто мертвый как живой пребывает в глубоком и спокойном сне, тогда владелец похоронного заведения должен иметь возможность не допускать родственников в рабочую комнату, где трупы подсушивают, набивают и подкрашивают, готовя их для последнего представления[10]. Если персонал психиатрической лечебницы

[9] *Collins O., Dalton M., Roy D.* Restriction of output and social cleavage in industry // Applied Anthropology (Human Organization). Vol. 4. P. 1—14, 9.

[10] Г-н Хабенштейн сообщил в семинаре, что в нескольких штатах владелец похоронного бюро имеет законное право не допускать родственников покойного в рабочую комнату, где обрабатывается тело. Предполагается, что видеть все то, что необходимо проделать с мертвым телом, чтобы оно выглядело привлекательным, было бы слишком сильным потрясением для непрофессионалов и особенно для близких усопшего. Г-н Хабенштейн полагает также, что близкие, возможно, и сами желают держаться подальше от этого места из боязни последствий собственного болезненного любопытства.

собирается оставить хорошее впечатление у тех, кто навещает своих больных родственников, тогда важно уберечь гостей от знакомства с палатами, особенно с палатами хроников, ограничив кругозор посторонних специальными помещениями для посетителей, в которых практично завести хорошую мебель, создать приятную обстановку и представлять всех больных перед их близкими хорошо одетыми, умытыми, управляемыми и с относительно пристойным поведением. По тем же соображениям многие профессионалы в сфере услуг просят клиента оставить вещь, нуждающуюся в той или иной починке, и уйти, чтобы специалист мог работать не на глазах профанов. Когда клиент возвращается за своим автомобилем, часами, брюками или радиоприемником, вещь представляют ему в хорошем рабочем состоянии, которое, между прочим, скрывает количество и виды затраченного на это труда, число первоначально сделанных ошибок до установления окончательного диагноза и другие детали, которые клиенту, возможно, не мешало бы знать, прежде чем судить о справедливости запрошенной с него платы.

Работники сферы услуг так широко и как нечто само собой разумеющееся применяют право не пускать свою аудиторию в закулисную зону, что случаи, когда эта обычная стратегия не применима, привлекают больше внимания, чем случаи ее использования. К примеру, в этом отношении многочисленные проблемы имеет американский управляющий автозаправочной станцией[11]. Если требуется ремонт, клиенты часто отказываются оставлять свой автомобиль на всю ночь или на весь день в доверительном распоряжении заведения, как они поступили бы, если б отдавали автомобиль в гараж. Далее, когда механик занимается ремонтом и наладкой, клиенты часто полагают, что имеют право наблюдать, как он делает свою работу. Следовательно, если приходится предъявлять счет за мнимую услугу, она должна быть исполнена на глазах того самого человека, который должен быть этим обманут. Клиенты же, фактически, не только не считаются с правом персонала автозаправки на их собственную закулисную зону,

[11] Нижеследующие суждения взяты из одного исследования двухсот менеджеров малых предприятий, проведенного «Social Research, Inc.».

но и часто понимают всю станцию как своего рода открытый город для настоящих мужчин, место, где человек подвергается риску запачкать свою одежду и потому имеет право требовать всех закулисных удовольствий. Мужчины-автомобилисты будут разгуливать по территории, лихо заламывать шляпы, плеваться, ругаться и просить бесплатных услуг или бесплатного совета по маршруту. Они будут запросто вваливаться во все помещения, чтобы воспользоваться туалетом, инструментами, телефоном станции или поискать в кладовой детали для собственных надобностей[12]. Чтобы обойти сигналы светофора, автомобилисты будут напрямую ездить через подъездную дорожку станции, забывая о правах собственности ее хозяина.

Шетланд-отель дает еще один пример тех проблем, с какими встречаются работники, когда они недостаточно контролируют свое закулисье. В кухне отеля, где готовили еду для постояльцев и где ели и проводили весь день его работники, крестьянская культура арендаторов вновь торжествовала. Не помешает описать некоторые черты этой культуры.

В кухне преобладало арендаторское понимание отношений хозяина и работников. Во взаимном обращении использовались просто имена, хотя мальчику-посудомою было всего четырнадцать лет, а хозяину больше тридцати. Чета хозяев и весь персонал ели вместе, относительно на равных участвуя в разговорах и сплетнях за едой. Когда хозяева устраивали на кухне неофициальные вечеринки

[12] Управляющий гаражом для спортивных автомобилей рассказал мне такую сценку, случившуюся между ним и клиентом, который самовольно вошел в кладовую, выбрал прокладку и стал показывать ее управляющему, находясь с внутренней стороны прилавка:

Клиент: «Сколько?»

Управляющий: «Сэр, как Вы сюда попали, и что было бы, если б Вы зашли за стойку банка, взяли горсть монет и принесли их кассиру?»

Клиент: «Но это не банк».

Управляющий: «А прокладки — мои монеты. Так, что Вы хотели, сэр?»

Клиент: «Ну, если Вы так ставите вопрос, ладно. Это ваше право. Я хочу прокладку для “Anglia 51“».

Управляющий: «Та, что у Вас в руках — для модели 54».

Хотя пересказ управляющего, возможно, неточно воспроизвел слова и действия, которыми участники обменялись в действительности, он передает нам нечто глубоко верное относительно сложившейся ситуации и его переживаний в ней.

для друзей и дальних родственников, в них участвовали и служащие отеля. Такая форма отношений близости и равенства между управляющими и наемными работниками не имела ничего общего с тем внешним видом, который оба эти элемента персонала принимали в присутствии постояльцев, поскольку она была несовместима с понятиями гостей о необходимой социальной дистанции, разделяющей важное должностное лицо, с кем они общались как с равными, когда заказывали номер, и всякими там носильщиками и горничными, которые доставляли багаж наверх, каждую ночь полировали обувь гостей и выливали их ночные горшки.

Точно так же для своих на кухне были в ходу островные способы приготовления и приема пищи. Мясо, когда оно было, чаще всего варили. Часто употребляемую рыбу тоже предпочитали варить или есть соленой. Картофель, неизбежное блюдо в большой обед днем, почти всегда варили в мундире и ели по-островному: каждый едок брал картофелину рукой из общей миски, стоящей в центре стола, затем накалывал ее вилкой и счищал кожуру ножом, складывая очистки аккуратной кучкой перед собой, чтобы после еды сгрести их тем же ножом в помои. Стол накрывали клеенкой. Почти каждая еда начиналась с миски супа, эти же миски, вместо тарелок, обычно использовались и для последующих блюд. (Это было практично, так как большая часть пищи была вареной.) Вилки и ножи при еде нередко держали по-крестьянски в кулаке, а чай подавали в простых чашках без всяких блюдечек.

Хотя островная диета во многих отношениях казалась вполне удовлетворительной, а островные застольные манеры могли соблюдаться с сугубой деликатностью и осмотрительностью (и часто были деликатными объективно), вся эта система принятия пищи, как хорошо понимали островитяне, не просто отличалась от образца, свойственного британскому среднему классу, но и в чем-то нарушала его. Возможно, это различие образцов застольного поведения становилось наиболее очевидным в случаях, когда пищу, подаваемую гостям, ели и на кухне. (Это случалось не так уж редко и не становилось еще более обыкновенным только потому, что персонал часто предпочитал

островную пищу той, что готовилась для постояльцев.) В таких трапезах на кухне городскую пищу разделывали и сервировали по-островному, почти не обращая внимания на оформление индивидуальных порций и красоту нарезки и больше заботясь о доступности для всех какого-то общего источника пищи. Часто подавались остатки мяса или раскрошенные куски пирогов — пища того же качества, что появлялась и в столовой для постояльцев, но только в чуть измененном виде, хотя все-таки не окончательно обезображенном стандартами островной кухни. И если пудинг изготовляли из черствого хлеба и пирожное не было достаточно хорошо для гостей, то это съедалось на кухне.

Крестьянские манеры одеваться и сидеть за столом тоже проявлялись на кухне отеля. Так, сам управляющий нередко следовал местному обычаю и не снимал за столом кепи; посудомои использовали угольную бадью как мишень для метких плевков издали; и женщины из персонала отдыхали в сидячем положении, задрав ноги отнюдь не как леди.

Помимо этих культурно обусловленных отличий были и другие источники диссонансов между обычаями, царившими на кухне и в гостиной отеля, ибо некоторые стандарты обслуживания, демонстрируемые в гостевых зонах, не полностью выдерживались на кухне. В посудомоечном отсеке кухонной зоны иногда делали желе из остатков супа, чтобы все-таки как-то их использовать. Над кухонной плитой прямо над парующим чайником сушились мокрые носки — обычная практика на острове. Чай, когда гости просили свеженастоенного, заваривался в чайнике, устланном на дне чайными листьями недельной давности. Свежую сельдь чистили, раздирая рыбину и затем выскребая внутренности газетой. Брусочки масла, размякшие, потерявшие вид и частично использованные во время совместной трапезы в гостиничной столовой, полагалось повторно формовать, чтобы они выглядели свежими, и снова отсылать к столу. Дорогие сладкие блюда, слишком роскошные для употребления кухонной прислугой, с азартом пробовали пальцами прежде чем подать гостям. В час пик обеденного времени, только что использованные бокалы иногда про-

сто опорожняли и протирали вместо мытья, таким образом быстрее возвращая их в оборот[13].

При таком разнообразии пунктов, по которым деятельность на кухне противоречила впечатлениям, старательно создаваемым в гостевой зоне отеля, можно понять, почему двери, ведущие из кухни в другие части отеля, всегда были уязвимым местом в организации труда. Горничные-официантки хотели бы держать двери всегда открытыми, чтобы им было легче проносить подносы туда и обратно, видеть, готовы ли клиенты получить заказ, и вообще как можно дольше не терять из виду и изучать людей, с которыми они начали работать. Поскольку горничные не раз исполняли перед гостями роль служанок, они полагали, что не слишком много теряют, позволяя клиентам наблюдать себя в собственной среде через открытые двери кухни. Хозяева, напротив, желали держать их закрытыми, чтобы роль полноценных членов среднего класса, навязанная им постояльцами, не подрывалась разоблачениями их кухонных привычек. Вряд ли проходил день без того, чтобы эти двери то со стуком и злостью захлопывались, то со злостью же распахивались настежь. Самозакрывающиеся (со свободно подвешенными створками) двери, используемые в современных ресторанах, частично решили бы эту сценическую проблему. Маленькое стеклянное окошечко в дверях в роли глазка, позволяющего заглядывать в зал, — сценическое приспособление, часто используемое во многих небольших помещениях делового назначения, — также могло бы помочь в подобных случаях.

Другой интересный пример закулисных затруднений можно отыскать в практике радио- и телевизионного вещания. В этой сфере к закулисной зоне принято относить все места, на которые в данный момент не наведена камера, или все места, не досягаемые для микрофона «прямого» эфира. Поэтому диктор в одной руке, вытянутой перед

[13] Эти примеры расхождения между действительностью и видимостью в соблюдении стандартов обслуживания отнюдь не следует считать какой-то крайностью. Пристальное наблюдение закулисной стороны ведения домашнего хозяйства в любой семье из среднего класса в западных городах, вероятно, вскрыло бы не меньшие расхождения между реальностью и видимостью. Везде, где присутствует известная степень коммерциализации, часто их еще больше.

камерой, может держать рекламный продукт спонсора передачи, а другой рукой, благо лицо его вне кадра, дергать себя за нос, гримасничая перед товарищами по команде. Среди профессионалов ходит много назидательных историй о людях, которые, думая что они находятся за кадром, в действительности были в эфире, и как это их закулисное поведение подрывало определение ситуации, поддерживаемое в эфире. Да и по чисто техническим причинам может случиться, например, что стены, которые операторам надо сделать невидимыми на заднем плане, вдруг предательски попадут в кадр при резком переключении света или повороте камеры. Поэтому создатели телепередач, вынуждены жить и работать, учитывая возможность таких сценических случайностей.

В чем-то схожи с указанными случаями и трудности, связанные с устройством закулисной зоны в некоторых современных архитектурных проектах жилых домов. Дело в том, что для зрительного ощущения изолированности домашнего помещения достаточно тонких стенных перегородок, но тогда все проявления жизнедеятельности (обычно не скрываемые и скрываемые, закулисные) становятся доступными для слуха в соседних помещениях. В подобных случаях британские исследователи используют термин «общая стена» и описывают последствия постройки такого типа следующим образом:

Жильцы опознают многие «соседские» шумы, начиная типичным гамом на праздновании дня рождения и кончая звуками ежедневной рутинной жизнедеятельности. Из шумов информанты упоминают звучащее радио, детские крики по ночам, кашель, стук сбрасываемых перед сном туфель, топот детей, бегающих вверх и вниз по лестнице или по полу спальни, бренчание фортепьяно, громкий смех или разговор. Интимные звуки из супружеской спальни соседей могут восприниматься или как шокирующие: «Вам слышно даже как они пользуются горшком — вот до чего все плохо! Это ужасно»; или как беспокоящие: «Я слышал, как они скандалили в постели. Один из супругов хотел читать, а другой хотел спать. Слышать шумы, лежа в кровати, — это мешает, так что я развернул мою кровать в другую сторону...» «Я люблю читать в постели, а слух у меня чуткий, так что меня их разговоры беспокоят»; или как запретные для посторонних: «Иногда слышишь очень интимные секреты, например, когда муж говорит жене, что у нее холодные

ноги. Поневоле подумаешь, что и *самому* надо говорить о своих личных тайнах шепотом» и «А это очень стеснительно, как если бы вас заставили ходить ночью на цыпочках в собственной спальне[14].

В таких случаях малознакомые соседи оказываются в стеснительном положении, когда каждый из них подозревает, что другой знает о нем слишком много.

Последний пример сложностей закулисного поведения можно взять из жизни высокопоставленных лиц. Они могут стать настолько священными персонами, что единственно уместным и допустимым для них будет появление со свитой в центре какой-нибудь церемонии. Появление перед другими в любом ином контексте может восприниматься как недостойное их положения, поскольку существует мнение, что такие неофициальные появления способны подорвать приписываемые этим лицам магические качества. Следовательно, надо оградить от публики все места, где высокопоставленное лицо расслабляется, и если такие места занимают обширную территорию, наподобие резиденции китайского императора в XIX в., либо если существует неопределенность относительно того, где именно появится высокая персона, то трудности предотвращения посторонних вторжений становятся значительными. Так, королева Виктория ввела правило, что когда она каталась по дворцовому парку в своей коляске, запряженной пони, любой встречный при ее приближении должен был отвернуться или изменить направление своего движения. Поэтому важные государственные мужи бывали вынуждены иногда жертвовать собственным достоинством и прыгать за куст, когда неожиданно появлялась королева[15].

Хотя некоторые из приведенных трудностей поведения в закулисной зоне безусловно являются особыми случаями, при изучении социальных учреждений, по-видимому, не встретишь ни одного, в котором не было бы проблем закулисного контроля.

Рабочая зона и зона отдыха — лишь две области применения закулисного контроля. Еще одна такая область по традиции полностью находится под контролем исполните-

---

[14] *Kuper L.* Blueprint for living together // *Kuper L. et al.* Living in towns. L.: The Cresset Press, 1953. P. 14—15.

[15] *Ponsonby F.* Recollections of three reigns. L.: Eyre & Spottiswoode, 1951.

лей — это места отправления биологических потребностей. В западном обществе акт дефекации воспринимается как действие, несовместимое с нормами физический и нравственной чистоплотности, присущими многим видам человеческого самовыражения. К тому же это действие по причине неизбежных манипуляций с одеждой требует от индивида нарушения внешнего вида и тем «выводит его из игры», то есть вынуждает сбросить с лица экспрессивную маску, которой он обычно пользуется при взаимодействии лицом-к-лицу. Одновременно для него становится затруднительным воссоздание своего личного переднего плана, необходимого для повторного неожиданного вхождения во взаимодействие. Возможно, в этом одна из причин, почему двери туалетов в нашем обществе оборудованы разнообразными замками. Точно так же, одно из объяснений привычки располагать спальню как можно дальше от наиболее активно используемой части дома состоит в том, что спящий в кровати человек как и в туалете «демобилизован» (выражаясь метафорически) и какое-то время после пробуждения может оказаться неспособным привести себя в нужное для взаимодействия состояние или придать общительное выражение лицу. Полезность такого уединенного расположения спален увеличивается тем, что в них чаще всего сосредоточена сексуальная активность человека — форма взаимодействия, которая тоже не оставляет ее исполнителям возможности сразу же войти в другие виды взаимодействия.

Один из наиболее интересных случаев для наблюдений за процессом управления впечатлениями — это момент, когда исполнитель покидает закулисную зону и выходит к аудитории, или когда он возвращается обратно, ибо в эти мгновения можно увидеть удивительное зрелище надевания и снимания характерной маски. Дж. Оруэлл дает нам яркий пример этого, рассказывая о поведении официантов с закулисной точки зрения мойщиков посуды:

Очень поучительно наблюдать официанта, входящего в зал ресторана при отеле. Как только он минует двери — с ним происходит внезапное преображение. Меняется постановка плечей, любая злость, спешка, раздражение пропадают вмиг. Он плывет над ковром с торжественным видом священнослужителя. Я вспоминаю нашего помощника метрдотеля, темпераментного ита-

льянца, задержавшегося около двери в зал, чтобы наорать на ученика, разбившего бутылку вина. Потрясая над головой кулаком, он вопил (к счастью двери были более или менее звуконепроницаемыми):

«Tu me fais* — И ты называешь себя официантом, ублюдок? Ты официант?! Да ты не годишься скрести полы в борделе, откуда твоя мамаша. Maquereau**!»

Не находя слов, он повернулся к двери и, когда открывал ее, выпалил последнее оскорбление в том же роде, каким грешил сквайр Вестерн в «Томе Джонсе»***.

Затем он вышел в зал и поплыл с блюдом в руке, грациозный как лебедь. Десятью секундами позже он почтительно раскланивался с клиентом. И вы просто не могли не подумать, глядя на его поклоны и улыбку, ту благожелательную улыбку вышколенного официанта, что клиенту должно быть стыдно позволять обслуживать себя такому аристократу[16].

Другой иллюстрацией снабжает нас еще один английский «включенный наблюдатель» Моника Диккенс, намеренно пошедшая на социальное понижение:

Упомянутая горничная (я узнала, что ее звали Адди) и две официантки вели себя как люди играющие в пьесе. Они величаво входили на кухню, как бы удаляясь со сцены за кулисы, с еще высоко поднятыми подносами и натянутым на лица выражением надменности, расслаблялись на момент в бешеной суете получения новых блюд и опять выплывали с лицами, готовыми к следующему выходу на большую сцену. Повар и я оставались кем-то вроде рабочих сцены среди строительного мусора: на миг словно узрев отблеск иного мира, мы почти что слышали аплодисменты невидимой публики[17].

Упадок института домашней прислуги вызвал быстрые изменения, похожие на описанные Оруэллом, в поведении домашней хозяйки из средних классов. Давая обед для друзей, она вынуждена справляться с грязной кухонной работой таким образом, чтобы быть в состоянии то и дело переключаться с роли прислуги на роль хозяйки, меняя род деятельности, манеры и настроение при входе и выходе из столовой. Руководства по этикету помогают сориен-

---

* Ты достал меня *(фр.)*.

** Недоносок *(фр.)*.

*** Знаменитый роман английского писателя XVIII в. Генри Фильдинга (*Прим. пер.*).

[16] *Orwell G.* Down and out in Paris and London. L.: Secker & Warburg, 1951. P. 68—69.

[17] *Dickens M.* One pair of hands. L.: Michael Joseph, Mermaid Books, 1952. P. 13.

тироваться в том, как облегчить такие переключения. Например, в случае если хозяйке надо удалиться в закулисную зону на продолжительное время (положим — для приготовления постелей), то чтобы сохранить видимость всеобщей беззаботности руководство советует отправить хозяина с гостями на небольшую прогулку в сад.

Граница, разделяющая переднюю и заднюю зоны действия, встречается в нашем обществе на каждом шагу. Как полагается, во всех домах (кроме домов людей из низшего класса) семейная ванная и спальня — это такие места, доступ в которые посторонней публике может быть закрыт. Вымытые, одетые и приукрашенные в этих комнатах тела могут быть представлены друзьям в других помещениях. И конечно же, для приготовления пищи кухня является тем же, чем ванная и спальня — для человеческого тела. Фактически, именно наличие таких специфических помещений отличает условия жизни людей из среднего класса от условий жизни низшего класса. Но в нашем обществе для всех классов характерна тенденция отчетливо разделять парадные (передние) и задние комнаты, даже по их внешнему виду. Передние комнаты, как правило, относительно хорошо обставлены, отремонтированы и прибраны. Задние обычно содержатся в довольно неприглядном виде. Соответственно, социально полноправные взрослые ходят через парадную дверь, а социально неполноправные (прислуга, посыльные, дети) пользуются черным входом.

Хотя все более или менее знакомы с общей сценической планировкой внутри своего дома и вокруг него, люди, как правило, мало знают о связанных с ним дополнительных сценических возможностях. Американские мальчишки от восьми до четырнадцати лет и другая непочтительная публика чрезвычайно ценят подворотни, закоулки и проходные дворы в ближайшей округе и пользуются ими. Они очень живо воспринимают любое подобное открытие, но это чувство уходит, когда они становятся старше. Уборщики и уборщицы по необходимости тоже имеют отчетливое представление о небольших дверях, через которые можно выйти на задворки деловых зданий, и очень хорошо знают их грузовую транспортную систему для скрытой от посторонних глаз доставки к месту работы моющего и чистящего оборудования, другого столь же громоздкого сцениче-

ского реквизита, а также самих себя. В магазинах имеются аналогичные подсобные помещения: там задней зоной служит пространство «позади прилавка» и кладовая.

Очевидно, что при данных ценностях конкретного общества закулисный характер определенных мест запечатлевается в них материально и по отношению к смежным областям эти места тоже неизбежно оказываются закулисными — зонами заднего плана. Нередко эти зоны действия выделяются с помощью искусства декораторов, отводящих темные цвета и голые кирпичные стены служебным частям зданий и белую штукатурку зонам переднего плана, фасадам. Этому разделению прибавляет стабильности установка капитального оборудования на постоянном месте. Работодатели совершенствуют подобную гармонию, перемещая лиц с непривлекательной внешностью на задний план рабочей сцены, а лиц, «производящих хорошее впечатление» на передний план. Резервы мало впечатляющего, незаметного другим труда можно использовать не только для деятельности, которую надо скрывать от аудитории, но и для деятельности, которую скрывать можно, но не нужно. На одном из семинаров Эверет Хьюз сообщил факт[18], что наемные работники-негры могут легче добиться почетного положения на американских предприятиях, если они работают уединенно, вдалеке от главных зон производственных операций, как это бывает, например, в фармацевтике. (Все это подразумевает своеобразную «экологическую» сортировку персонала, что хорошо известно, но мало изучено.) В подобных случаях обычно следует ожидать, что работающие за сценой будут стремиться к достижению высоких технических стандартов исполнения, тогда как работающие на виду, в зоне переднего плана будут ориентироваться на принятые стандарты выразительности исполнения.

Декоративные и постоянные элементы убранства в месте, где обычно протекает какое-то конкретное представление, а также определенные исполнители, обычно бывающие там, придают этому месту особый дух. Даже когда традиционное исполнение там в данный момент не идет, место продолжает хранить какие-то свойства зоны перед-

[18] На семинаре в Чикагском университете.

него плана. Так, собор и школьный класс сохраняют что-то от их настроя, даже когда в них присутствуют лишь ремонтные рабочие, и хотя эти люди могут вести себя не очень почтительно, делая свою работу, сама эта их непочтительность не бесформенна, а частично структурирована и определенно сориентирована тем, что в известном смысле они обязаны чувствовать, но не чувствуют. Точно так же какое-то место может получить широкое признание как временное убежище, где не обязательно соблюдать определенные нормы поведения, и получить его только потому, что место это прочно отождествляется с образом задней зоны. Иллюстрациями этому могут послужить охотничьи домики и раздевалки в спортивных общественных заведениях. Летние курорты тоже, по-видимому, культивируют известную снисходительность в отношении внешнего вида людей, позволяя им, в остальном связанным условностями, публично появляться на улицах в костюмах, которые они в обычных обстоятельствах не надели бы в присутствии посторонних. Как своеобразные убежища возникают и воровские «малины» или даже преступные сообщества, где никому не надо притворяться «законопослушным». Интересный пример такого явления когда-то существовал в Париже:

В XVII в., чтобы стать полноправным «арготьером», надо было не только выпрашивать милостыню подобно любому простому бродяге, но и владеть мастерством карманника и вора. Этим искусствам обучали в местах привычных встреч самых последних отбросов общества, и места эти были известны под названием «Дворов чудес». Если верить автору начала XVII в., подобные дома, или скорее притоны, назывались так потому, что «жулики... и прочие проходимцы, которые весь день пробыли калеками, увечными, раздутыми водянкой, разукрашенными всеми видами телесных хворей, возвращаются домой ночью, неся под мышками говяжий филей, кусок телятины или баранью ногу, не забыв к тому же привесить к поясу бутылку вина, и, вошед во двор, они отбрасывают прочь свои костыли, вновь обретают здоровый вид и, в подражание древним вакханалиям, пускаются в пляс со своими трофеями в руках, пока содержатель притона готовит им ужин. Так может ли быть большее чудо, чем увиденное в этом дворе чудес, где безногие ходят, а горбатые распрямляются»[19].

---

[19] *LaCroix P.* Manners, custom and dress during the Middle Ages and during the Renaissance period. L.: Chapman & Hall, 1876. P. 471.

В таких задворочных зонах сам факт, что здесь никому не надо пускать пыль в глаза и строить из себя важную персону, задает тон всему взаимодействию, располагая находящихся там людей действовать так, как будто они накоротке друг с другом во всех делах.

Однако, хотя и существует тенденция идентифицировать зону, регулярно используемую в данном исполнении, с его передней либо с его закулисной зоной, все же найдется немало и таких зон, которые в одно время и в одном смысле функционируют в качестве зоны переднего плана, а в другое время и в другом смысле — в качестве закулисной зоны. Так, личный кабинет некоего руководящего лица определенно представляет собой переднюю зону, где его статус в организации усиленно подчеркивается качеством отделки и меблировки его кабинета. И все-таки это еще и место, где он может снять свой пиджак, распустить галстук, держать под рукой бутылочку спиртного и по-дружески интимно или даже шумно принимать коллег-руководителей своего ранга[20]. По сходным причинам деловая организация, использующая пышную представительскую шапку для официальных бумаг во внешней переписке с лицами, не входящими в фирму, во внутренней переписке вполне может следовать таким советам:

Качество бумаги для корреспонденции внутри учреждения больше обусловлено соображениями экономии, чем этикета. Дешевая бумага, цветная бумага, обороты — все идет в дело, когда «оно целиком семейное»[21].

И все-таки тот же источник доброжелательных советов ставит известные пределы такому закулисному определению ситуации:

В принципе также может быть не запрещено и даже признано практичным использование разного рода бумаг с личным

[20] Факт, что маленький личный кабинет легче превратить в закулисную зону, оставшись в нем единственным человеком, составляет одну из причин, почему стенографисты иногда предпочитают работать в таком личном кабинете, противопоставляемом большому административному помещению. На открытой площадке человек почти наверняка всегда будет на виду у кого-то, перед кем надо поддерживать впечатление своего трудолюбия. В небольшом кабинете всякое притворство в работе и украшательство в поведении можно сразу сбросить как маску, когда выйдет босс. См.: *Rencke R.* The status characteristics of jobs in a factory / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. P. 53.

[21] Esquire Etiquette. Philadelphia: Lippincott, 1953. P. 65.

штампом, обычно предназначаемых для рукописных заметок внутри учреждения. На этот счет существует лишь одно предостережение: подчиненные не должны по собственному почину заказывать такие именные бланки (блокноты и т. п.), как бы ни было это удобно. Подобно ковру на полу и табличке с фамилией на двери, именные блокноты служат в некоторых учреждениях статусным символом[22].

По тому же принципу двойного функционирования зон, однажды воскресным утром целое семейство может использовать для сокрытия ленивой небрежности в одежде и отсутствия гражданского пыла стену вокруг своих домашних владений, распространив на весь дом тот дух неформальной расслабленности, который обычно ограничен кухней и спальнями. Днем, после полудня в кварталах средних американцев линия между детской площадкой и домом может быть определена мамами как линия кулис, за которой позволительно разгуливать в поношенных джинсах, мокасинах, с минимумом макияжа, с сигаретой в зубах толкать перед собой детские коляски и вести откровенно бабские разговоры. А в рабочих кварталах Парижа ранним утром женщины чувствуют себя в праве распространить закулисную зону на весь круг ближайших магазинов, и потому спускаются вниз за молоком и свежим хлебом в шлепанцах, в купальном халате, в ночной сетке для волос и без всякого макияжа. В крупных американских городах случается видеть, как модели, одетые в платье, в котором их будут фотографировать, торопливо и осторожно проскакивают самые известные улицы, почти не обращая внимания на окружающих поклонников. Со шляпной коробкой в руке, с сеткой для сохранения прически на голове, фотомодели обычно ведут себя таким образом не для того, чтобы создать определенный эффект, но постараться избежать неприятностей и возможных приключений по пути к декорациям, на фоне которых начнется их настоящее, запечатлеваемое на фото исполнение для «обобщенного другого». И, конечно же, зона, которая целиком устраивалась как передняя зона для регулярного исполнения какого-то конкретного рутинного номера, часто может функционировать как задняя зона до и после каждого исполнения, ибо в эти моменты там возможны

[22] Esquire Etiquette. Philadelphia: Lippincott, 1953. P. 65.

ремонт, подновление и перестановка постоянных элементов декораций или же проведение генеральных репетиций исполнителями. Чтобы увидеть это, достаточно только заглянуть в ресторан, магазин, чужой дом за несколько минут до их открытия перед публикой. Поэтому вообще следует помнить, что, говоря о передней и задней зонах для какого-то поведения, мы рассуждаем с точки зрения конкретного исполнения и имеем в виду служебную функцию, которую в этот раз выполняет данное место для данного исполнения.

Ранее было сказано, что между лицами, сотрудничающими в постановке одного и того же командного исполнения, обычно устанавливаются достаточно фамильярные отношения. Но фамильярность проявляется в основном только при отсутствии аудитории, ибо этот стиль отношений может передавать такие впечатления о членах команды, которые окажутся несовместимыми с впечатлениями, внушаемыми данной аудитории во время исполнения. Поскольку закулисные зоны, как правило, недоступны членам аудитории, то можно ожидать, что именно здесь взаимная фамильярность будет определять тон социального общения. И по сходным соображениям можно ожидать, что в передней зоне будет преобладать официально-формальный тон общения.

В западном обществе заметна тенденция использовать два языка поведения: один неформальный, или закулисный, язык и другой язык для случаев реального исполнения действия перед другими. Закулисный язык складывается из взаимных обращений просто по именам, трудных совместных поисков решений, богохульств, откровенных замечаний сексуального характера, бесконечного ворчания, курения, небрежного стиля одежды, «кисельной» осанки при сидении и стоянии, употребления диалектной или ненормативной лексики, невнятного бормотания и крика, наигранной агрессивности и «ребячливости», бесцеремонной невнимательности к другому в незначительных, но потенциально символических действиях — таких маленьких физических самопроявлениях, как хмыканье, насвистывание, жевание, покусывание губ, рыгание и пускание газов. Язык поведения в передней зоне можно определить как отсутствие (и в известном смысле противоположность) всего это-

го. Иначе говоря, поведение в закулисной зоне можно описать как поведение, допускающее мелкие поступки, которые легко могут быть восприняты как символические проявления особой короткости и бесцеремонности отношения к другим присутствующим и к самой этой зоне как месту пребывания, а поведение в передней зоне действия, то есть на сцене перед публикой, как поведение, запрещающее такие потенциально оскорбительные поступки. Попутно можно отметить, что закулисное поведение имеет характер, который психологи назвали бы «регрессивным». Но, конечно, остается вопрос: то ли само закулисье дает индивидам благоприятную возможность регрессировать, то ли регрессия, в клиническом смысле, является видом закулисного поведения, вызванного социально неодобряемыми мотивами при неподобающих обстоятельствах.

Приняв закулисный стиль поведения, индивиды способны превратить в закулисье любую зону. Так во многих общественных учреждениях исполнители нередко присваивают себе какую-то часть передней зоны и, приняв там фамильярную манеру общения, символически отсекают ее от этой зоны. Например, в некоторых ресторанах Америки, особенно в так называемых забегаловках, персонал устраивает свои встречи в специальной кабинке подальше от двери и поближе к кухне и ведет себя там, по меньшей мере в некоторых отношениях, как будто находится за кулисами. Точно так же, во время ночных полетов при полупустом салоне, исполнив свои первоочередные обязанности, стюардессы могут расположиться на самых задних сидениях, «отключить моторы», закурить по сигарете и сотворить там кружок взаимного внеслужебного расслабления, иногда даже приняв в него кого-нибудь из ближайших пассажиров.

Не стоит ожидать, что в конкретных ситуациях обязательно будут проявляться чистые образцы неформального либо формального поведения, хотя обычно заметно тяготение к одному из этих типов при определении различных ситуаций. В реальности нет чистых случаев, потому что члены команды обычно участвуют сразу в нескольких жизненных спектаклях и в одном из них будут в какой-то мере исполнителями, в другом — аудиторией, а ясно различимые исполнители и аудитория в одном спектакле мо-

гут выступить в другом до некоторой степени единой командой, хотя бы и слабой. Таким образом, в конкретной ситуации скорее всего будет преобладать тот или иной стиль, хотя насчет действительного сочетания или баланса двух основных стилей поведения всегда останутся сомнения и чувство неудовлетворенности.

Хотелось бы особо выделить тот факт, что деятельность в конкретной ситуации — это всегда компромисс между формальным и неформальным стилями поведения. В связи с этим следует остановиться на трех общепринятых ограничениях относительно проявлений закулисной неформальности в поведении. Во-первых, пока аудитория отсутствует каждый член команды, вероятно, захочет подкрепить впечатление, что ему можно доверить секреты команды и что он наверняка справится со своей партией в присутствии аудитории. Каждый член команды обычно хочет, чтобы публика думала о нем как о сильной личности, достойной уважения, что же касается соратников по команде, то он, вероятнее всего, предпочтет, чтобы они думали о нем просто как о верном, хорошо дисциплинированном исполнителе. Во-вторых, за кулисами часто возникают моменты, когда исполнители должны поддерживать моральный дух друг друга и укреплять общее настроение, что спектакль, который предстоит исполнить, пройдет хорошо, или что спектакль, который уже сыгран, в действительности прошел не так уж плохо. В-третьих, если команда состоит из представителей разных социальных категорий, таких, как возрастные, этнические группы и т. д., то некоторые оставленные на усмотрение участников команды ограничения на межличностное сближение возобладают над свободой закулисной деятельности. Без сомнения, важнейшее из таких разделений — это разделение по полу, ибо, как кажется, нет общества, в котором представители двух полов, сколь бы тесно они ни общались, не создавали бы друг перед другом хоть какой-то видимости, учитывающей различие полов. Американская исследовательница, Кетрин Арчибальд, писала о подобных отношениях на верфях Западного побережья следующее:

В обыкновенных взаимоотношениях с женщинами-рабочими большинство мужчин были вежливыми и даже галантными. По мере того как женщины проникали в корпуса строящихся

судов и в самые глухие уголки верфи, мужчины вполне дружелюбно убирали со стен свои картинные галереи нагих тел и прямой порнографии и прятали их во тьму инструментальных ящиков. Из уважения к присутствию «леди» манеры улучшались, лица чаще выбривались и разговорный язык смягчался. Табу на неподходящие для женских ушей изречения в пределах предполагаемой слышимости соблюдалось до того строго, что это было даже удивительным, особенно потому что сами женщины нередко озвучивали доказательства своего знакомства с запретными словами и хладнокровного их восприятия. И все-таки я часто наблюдала мужчин, которые хотели было использовать сильные выражения, и по достаточно уважительной причине, но, внезапно осознав присутствие женской аудитории, краснели от смущения, теряли голос и бормотали невнятицу. В женско-мужской рабочей компании за обедом и в случайной болтовне в моменты отдыха, во всем относящемся к фамильярно-приятельским социальным контактам, даже среди незнакомых на этих верфях, мужчины сохраняли почти в полной неприкосновенности образцы поведения, которые они практиковали дома: уважение к порядочной жене и хорошей матери, осмотрительное дружелюбие в отношениях с сестрой и даже покровительственные чувства к неопытной дочери[23].

У лорда Честерфилда были сходные наблюдения о совершенно другом обществе:

В смешанных компаниях среди равных (ибо в смешанных компаниях все люди в определенной степени равны) дозволяется бóльшая легкость и свобода отношений, но и они тоже имеют свои пределы в границах bienséance*. Некоторая взаимная социальная уважительность необходима. Можно с большой осторожностью и скромностью попробовать предложить собственный предмет разговора, однако, de ne jamais parler de cordes dans la maison d'un pendu**. В своих словах, жестах, позах вы имеете большую степень свободы, хотя вовсе не неограниченную. Вы можете держать руки в карманах, нюхать табак, сидеть, стоять, или временами прохаживаться, как вам понравится, но полагаю, вы не сочтете очень bienséant засвистеть, надеть шляпу в помещении, развязать ваши подвязки или расстегнуть пряжки, лечь на диван, или развалиться и заснуть в легком кресле. Есть такие проявления небрежности и свободы, которые можно позволить себе только в совершенном одиночестве. Они оскорбительны для вышестоящих, противны для равных, жестоки и вызывающи для нижестоящих[24].

---

[23] *Archibald K.* Op. cit. P. 16—17.
* Благопристойности *(фр.)*.
** ...В доме повешенного никогда не говорят о веревке *(фр.)*.
[24] Letters of Lord Chesterfield to his son. Everyman series. L.: Dent, 1929.

Данные сексологических обследований, проведенных под руководством А. Кинси, о силе запретов на наготу в общении мужа и жены, особенно в старшем поколении американского рабочего класса, документально свидетельствуют о том же[25]. Скромность, конечно, не единственная действующая здесь сила. Так, две представительницы женского населения Шетландских островов заявили, что они всегда будут носить ночные халаты в супружеской спальне после их вскоре ожидаемых свадеб, — и вовсе не из скромности, а потому что их фигуры слишком далеко отходили от образца, который они считали современным городским идеалом. Они смогли указать лишь одну или двух девушек из своих подруг, кому, по их мнению, такая стыдливость была не нужна. Надо думать, что внезапное снижение веса могло бы уменьшить и их собственную скромность.

Утверждения, что за кулисами исполнители действуют в относительно неформальной, фамильярной, расслабленной манере и что они собраны и находятся на страже, когда дают представление на виду, не надо понимать так, что все приятные межличностные жизнепроявления — тонкая обходительность, теплота, щедрость и удовольствие от общения с другими — всегда закреплены за поведением за кулисами, а подозрительность, чванство и демонстрация власти связаны с деятельностью в зоне переднего плана. Напротив, часто кажется, что весь энтузиазм и живую заинтересованность, имеющиеся в нашем распоряжении, мы прибберегаем для тех, перед кем ставим какой-то спектакль, и что вернейший признак существования закулисной солидарности — это чувство безопасной возможности дать волю потенциально заразительному настроению угрюмой молчаливой раздражительности.

Интересно отметить, что хотя каждая команда в состоянии оценить сомнительные «неисполняемые» публично элементы собственного закулисного поведения, она не сумеет так же легко сделать то же самое в отношении других команд, с которыми взаимодействует. Когда ученики на перемене выбегают из класса, чтобы отдохнуть от слиш-

---

[25] *Kinsey A. C., Pomeroy W. B., Martin C. E.* Sexual behavior in the human male. Philadelphia: Saunders, 1948. P. 366—367.

ком правильного поведения во взаимной бесцеремонности и толкотне, они часто не понимают, что их учителя удаляются в «учительскую» по аналогичным причинам, чтобы всласть поругаться и покурить на большой перемене, когда торжествует закулисное поведение. Из психиатрии известно, конечно, что команда, состоящая только из одного участника, может крайне мрачно смотреть на себя и что некоторые психотерапевты берутся облегчать чувство вины таких людей и зарабатывать себе на жизнь, утешая их рассказами о жизни других таких же страдальцев. За этими осознанными понятиями о себе и иллюзиями о других кроется один из источников динамики и провалов социальной мобильности, будь то мобильность вверх, вниз или в сторону. Пытаясь убежать из двуликого мира с разным поведением в передней и задней зонах, люди могут почувствовать, что и в новой позиции, которую они стремятся занять, они все равно останутся отраженными персонажами, чьи роли запроектированы индивидами, уже находящимися в этой позиции, и что самостоятельными исполнителями им не быть. Когда они достигают желанной позиции, то обнаруживают в своей новой ситуации непредвиденные сходства со старой: обе требуют представления аудитории какого-то переднего плана и обе вовлекают действующих лиц в не совсем чистоплотное, склочное дело постановки некоего спектакля.

Иногда думают, что грубая фамильярность — это просто культурная характеристика, скажем, трудящихся классов и что люди высокого социального положения не ведут себя таким образом. Различия, конечно, есть, но суть их состоит в том, что лица высокого ранга обычно действуют в малочисленных командах и тратя большую часть своего дня на словесно выражаемые исполнения, тогда как люди из рабочих классов чаще бывают членами многочисленных команд и проводят большую часть своего дня на заднем плане или в исполнениях не вербального характера. Поэтому, чем выше место человека в статусной пирамиде, тем меньше число лиц, с кем он может поддерживать фамильярные отношения, тем меньше времени он проводит за сценой и тем вероятнее, что ему понадобятся сугубая вежливость и соблюдение приличий. Но, когда позволяют время и подходящая компания, почитаемые священными

и неприкосновенными исполнители обычно ведут себя «попростому», и этого от них даже ждут. Однако по разным соображениям количественного и стратегического характера мы, похоже, с легкостью готовы признать, что простые работяги предпочитают закулисную, вульгарную манеру поведения, но неохотно признаем, что лорды тоже пользуются ею. Интересный предельный случай такой ситуации встречается в деятельности глав государства, которые вообще не имеют равных себе по статусу сочленов команды. Иногда, когда требуются моменты расслабления и отдыха, эти одиночки могут использовать круг ближайших друзей, которых они производят в неофициальные почетные члены своей команды. Это одна из разновидностей функции «подручного», компаньона. Как показано у Ф. Понсонби в его описании посещения в 1904 г. королем Эдуардом датского двора, придворные конюшие часто исполняют такую «роль»:

Обед состоял из нескольких блюд и множества вин и обычно продолжался часа полтора. Потом все рука об руку, вереницей шли в гостиную и прогуливались по ней с датским королем и всем королевским семейством. В восемь мы удалялись в свои комнаты покурить, но, поскольку нас сопровождала датская свита, разговор сводился к вежливым расспросам об обычаях двух стран. В девять мы возвращались в гостиную, где проводили время за карточной игрой, обычно в «мушку», без ставок, каждый за себя.

В десять нас милосердно отпускали и позволяли разойтись по своим комнатам. Эти вечера были серьезным испытанием для каждого, но наш король вел себя как ангел, играя по маленькой в вист, который тогда совсем вышел из моды. Спустя неделю, однако, он решил играть в бридж, но только после отхода ко сну короля Дании. Мы тянули обычную рутину до десяти часов, а потом в королевские апартаменты приходил князь Демидов из русской дипломатической миссии и играл в бридж с королем, Сеймуром Фортескью и мною по весьма высоким ставкам. Так продолжалось до конца визита, и, конечно, для всех было большим удовольствием расслабиться после унылой натянутости общения с датским двором[26].

Следует сделать последнее замечание о закулисных взаимоотношениях. Утверждая, что лица, сотрудничающие в представлении какого-то исполнения перед другими, в

[26] *Ponsonby F.* Op. cit. P. 269.

отсутствие аудитории могут проявлять фамильярность в отношениях друг с другом, нельзя исключать того, что кто-то может до того свыкнуться с собственной деятельностью в передней зоне (и со своим «представительским» характером), что, возможно, перед ним возникнет необходимость управлять своей релаксацией как своего рода исполнением. Человек может чувствовать себя обязанным, когда он попадает за кулисы выходить из показного характера непременно в панибратски-фамильярной манере, и это может стать еще бо́льшим позерством, чем то исполнение, от тягот которого предполагалось расслабиться таким образом.

Ранее в этой главе говорилось о полезности контроля над закулисной зоной и о драматургических затруднениях, которые возникают, когда этот контроль нельзя осуществить. Теперь на очереди проблема контроля за доступом к передней зоне, но для ее анализа необходимо несколько расширить исходную систему понятий.

Выше были рассмотрены два вида разграниченных зон: передние зоны, где свершается или может совершаться конкретное исполнение; и задние зоны, где происходит действие, связанное с этим исполнением, но несовместимое с насаждаемой им видимостью. Кажется разумным добавить третью, остаточную, зону, а именно, все прочие места, отличные от двух уже определенных видов. Такую зону можно назвать «внешней». Понятие внешней зоны, которая не является для данного конкретного исполнения ни передней, ни задней, согласуется с обычными здравыми представлениями о социальных учреждениях, ибо в большинстве зданий легко выделить внутренние помещения, которые регулярно или временно используются в качестве задних либо передних зон исполнения, а наружные стены здания отделяют оба эти типа помещений от внешнего мира. Тех людей, которые оказываются вне стен данного учреждения, можно называть «посторонними».

Хотя понятие о «внешнем» очевидно, но если обращаться с ним неосторожно, оно способно вводить в заблуждение, ибо при переходе от рассмотрения передней или задней зоны поведения к рассмотрению внешней зоны, нередко происходит незаметное перемещение точки отсчета с одного исполнения на другое. Если в качестве точки отсче-

та взять протекающее в данный отрезок времени конкретное исполнение, то находящиеся вне этого исполнения будут лицами, для которых исполнители фактически или потенциально ставят некий спектакль, но спектакль (как мы увидим), отличный от того, что уже идет, или во всем очень похожий на него. Когда посторонние в разгар какого-то конкретного исполнения неожиданно вторгаются в его переднюю или заднюю зону, последствия их несвоевременного появления и присутствия часто лучше всего изучать не с точки зрения его воздействия на идущее исполнение, но скорее с точки зрения влияния на другое исполнение, — а именно на то, которое исполнители или аудитория в нормальных (без внезапных вторжений) обстоятельствах представили бы перед посторонними в подходящее время и в подходящем месте, когда бы эти посторонние были ожидаемой аудиторией.

Необходимы также и другие предосторожности при пользовании понятиями. Стена, что отделяет переднюю и заднюю зоны действия от внешней зоны, очевидно, должна играть какую-то функцию в исполнении, инсценируемом и представляемом в этих зонах, но внешние декорации данного строения должны частично рассматриваться как один из аспектов другого спектакля, и иногда их вклад в этот второй спектакль может оказаться более важным. Вот что пишут, например, о домах в английской деревне:

Тип материала занавесок на окнах большинства деревенских домов варьировал прямо пропорционально тому, насколько то или иное окно было доступно постороннему взору снаружи. «Самые дорогие» занавески находились там, где их можно было видеть лучше всего, и они далеко превосходили по качеству занавески на окнах, скрытых от публики. Кроме того, было общепринятым использовать материал с рисунком только на одной стороне таким образом, чтобы его лицевая сторона была развернута наружу. Подобное использование самых «модных» и самых дорогих тканей с тем, чтобы наиболее выгодно их показать, есть типичный прием приобретения престижа[27].

В первой главе настоящего исследования говорилось, что исполнители склонны создавать определенное впечатление, или не противоречить сложившемуся о них впечат-

[27] *Williams W. M.* The sociology of an English village. L.: Routledge & Kegan Paul. 1956. P. 112.

лению, что роль, которую они играют в это время, есть самая важная их роль, и что качества, заявленные ими или приписанные им, — самые существенные и характерные их атрибуты. Когда же люди видят некий не предназначавшийся для них спектакль, они могут разочароваться в нем, а заодно и в спектакле, который был предназначен специально для них. Исполнитель со своей стороны тоже может прийти в замешательство, как пишет об этом Кеннет Берк:

Мы все, в наших разрозненных реакциях, уподобляемся человеку, который — тиран в своем учреждении и тряпка в семье, или музыканту, который самоуверен в искусстве и самоуничижается в личных отношениях. Такая бессвязность реакций причиняет некоторые затруднения, когда мы пытаемся соединить эти разные психические обрывки (например, если мужчине — тирану в учреждении и слабаку в собственном доме — вдруг пришлось бы принять на работу свою жену или детей, он нашел бы свои прежние бессвязные приемы негодными и, возможно, испытал бы настоящие замешательство и мучения при выборе линии поведения)[28].

Такие проблемы могут стать особенно острыми, когда один из спектаклей данного индивида зависит от многосложной сценической обстановки. Отсюда понятный тон разочарования у Германа Мелвилла в рассказе о том, как капитан военного корабля «в упор не видел» его, когда они встречались на борту, но был чрезвычайно любезен с ним, когда, уже после окончания службы Мелвилла, они случайно встретились в Вашингтоне на званом вечере:

И хотя на борту фрегата коммодор никогда и никак не обращался ко мне лично (равно как и я к нему), однако *здесь*, на светском приеме у министра, мы оба стали чрезвычайно болтливыми. К тому же я не мог не заметить, что среди толпы незнакомых сановников и магнатов со всех концов Америки мой именитый друг не выглядел так величественно, как в полном одиночестве на юте «Неверсинка», опираясь на латунные поручни. Подобно многим другим джентльменам, он лучше всего смотрелся и пользовался наибольшим уважением в обстановке родного дома, фрегата[29].

Для исполнителя естественное решение анализируемой проблемы — это разделять свои аудитории таким образом,

[28] *Burke K.* Permanence and change. N.Y.: New Republic, Inc., 1953. P. 309 (footnote).
[29] *Melville H.* White Jacket. Oxford University Press, 1966.

чтобы люди, которые видят его в одной из ролей, не видели бы его и в другой. Так, некоторые франко-канадские священники настроены против слишком строгих запретов, регламентирующих их частную жизнь, и не позволяющих, например, запросто поплавать и позагорать на пляже с друзьями, но при этом они понимают, что все же лучше купаться не со своими прихожанами, поскольку неизбежная на пляже фамильярность несовместима с поддержанием известной дистанции между ними и священнослужителем и уважением к сану, необходимыми в приходской жизни. Контролирование передней зоны — одна из мер разделения аудитории. Неспособность сохранять этот контроль ставит исполнителя в положение неизвестности относительно того, какой характер он должен будет изображать в следующий момент, и затрудняет ему достижение драматургического успеха в любой из его ролей. Трудно симпатизировать фармацевту, который ведет себя с клиенткой, имеющей на руках рецепт, как обыкновенный торговец или как деревенский скотовод, хотя в следующий миг он демонстрирует позу возвышенного, бескорыстного, профессионально безупречного медика случайному человеку, который хочет купить трехцветную марку или шоколадный пломбир[30].

Вполне понятно также, что если для исполнителя полезно исключать из своей аудитории лиц, которые имеют возможность видеть его в другом и несовместимом с данным представлении, то не менее полезно для него исключать и тех, перед кем он в прошлом выступал в спектакле, несовместимом с ныне идущим. Лица, которые переживают очень сильные сдвиги вверх или вниз по шкале вертикальной социальной мобильности, осуществляют такое исключение самым решительным образом, стараясь покинуть место своего происхождения. И насколько удобно разыгрывать разные рутинные партии перед разными лицами, настолько же удобно разделять аудитории, перед которыми исполнитель выступает в одной и той же роли, ибо это единственный путь, каким можно дать почувствовать каждой аудитории, что хотя это же рутинное представление дается несомненно и в других аудиториях, но ни одна из

[30] *Weinlein A.* Pharmacy as a profession in Wisconsin / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1943. P. 147—148.

них не является в такой же мере желанной и вдохновляющей для такого представления. В этом случае опять важно контролирование передней зоны.

Подходящим планированием исполнений можно не только держать свои аудитории в изоляции друг от друга (появляясь перед ними в разных передних зонах или в разное время в одной и той же зоне), но и выкраивать немногие моменты между исполнениями для того, чтобы психологически и физически успевать выходить из одного личного переднего плана, одновременно переключаясь на другой. Иногда, однако, возникают проблемы в тех общественных учреждениях, где одни и те же либо разные члены одной команды должны одновременно иметь дело с разными аудиториями. Если эти различные аудитории находятся в зоне слышимости друг для друга, будет весьма трудно поддерживать впечатление, будто каждая из них получает от исполнителя специальные и уникальные услуги. Так, если хозяйка желает почтить каждого из своих гостей теплым личным приветствием или прощанием (то есть фактически, особенным, персональным исполнением), тогда она должна будет устроиться так, чтобы проделывать все это в помещении, отделенном от других гостей. Аналогично, в случаях, когда похоронной фирме требуется провести в одно время две церемонии, придется для участвующих в них двух аудиторий разработать такой маршрут через заведение, чтобы их пути не пересекались и тем не разрушали у близких покойного чувство, что в церемониальном зале сохраняется некая интимность домашней обстановки. Точно так же в мебельных салонах продавец, который «заводит» покупателя, переключая его внимание с одного гарнитура на другой с более высокой ценой, должен соблюдать осторожность, чтобы тот не услышал второго продавца, раскручивающего другого клиента, сопровождая его от еще более дешевого гарнитура к тому, от которого первый продавец пытается отвлечь своего покупателя, ибо в такие моменты может случиться, что мебель слегка порицаемую одним продавцом, второй продавец неумеренно превозносит[31]. Конечно, если две аудитории разделяются стеной, то исполнитель может поддерживать нуж-

[31] *Conant L.* The Borax House // The American Mercucy. Vol. 17. P. 172.

ные ему впечатления, стремительно перебегая из одной зоны в другую. Этот сценический прием, возможный при наличии двух кабинетов, становится все более популярным среди американских дантистов и других врачей.

Когда аудитория изолирована недостаточно и постороннему случается попасть на представление, ему не предназначавшееся, в управлении впечатлениями возникают трудные проблемы. Можно упомянуть две доступные методики их решения. Первая предполагает, что всем уже включенным в аудиторию лицам внезапно может быть пожалован, а ими принят, временный закулисный статус, и они по молчаливому сговору с исполнителем вместе с ним резко переходят на игру, которая рассчитана на наблюдение ее незваным гостем. Так, муж и жена в разгар их каждодневной перебранки, при неожиданном вторжении не очень близкого знакомого, скорее всего отложат свои интимные скандалы и разыграют между собой сцену взаимоотношений, почти таких же сдержанных и дружественных, как и отношения, обычно представляемые при любом постороннем. Взаимоотношения, а также разговоры, в которых не могут участвовать все три стороны, будут на время отложены. В общем, если новоприбывшего надо обхаживать в манере, к какой он привык, исполнитель должен уметь переключаться с исполнения, которое он только что давал, на то, которое пришелец воспримет как должное. Редко удается сделать это достаточно гладко с сохранением у новоприбывшего иллюзии, будто на скорую руку поставленный спектакль — это натуральный спектакль данного исполнителя. И даже если все удалось, аудитория, присутствовавшая на спектакле до появления такого неожиданного участника, вероятно, почувствует, что принимала за существеннейшую часть исполнительского *Я* то, что не так уж существенно.

Выше показано, как можно справиться с вторжением постороннего, переключив всех присутствующих на определение ситуации, в которое сможет вписаться незваный гость. Вторая методика решения этой проблемы — ясно и радушно принять вторженца как человека, кому с самого начала полагалось быть в данной зоне. Тем самым более или менее продолжается тот же спектакль, но со включением новоприбывшего. Так, например, когда человек на-

носит неожиданный визит своим друзьям и попадает на устроенную ими вечеринку, его обычно громко приветствуют и радушно усаживают за стол. Если бы не было этого восторженного приема, то неприятное открытие, что его не пригласили, могло бы подорвать видимость дружелюбия и приязни, существующую в других случаях между новоприбывшим и хозяевами.

Однако на практике ни одна из этих методик не является достаточно эффективной. Обычно, когда посторонние вторгаются в переднюю зону, исполнители начинают исполнение, которое они ставят для этих людей где-то в другом месте или в другое время, и такая внезапная готовность действовать по-новому вносит, по меньшей мере на мгновение, замешательство в линию того действия, в которое эти исполнители уже вовлечены. Исполнители какое-то время будут колебаться между двумя реально возможными перспективами поведения, и пока не последуют и не будут восприняты соответствующие сигналы — члены данной команды остаются без всякого указания, какой общей линии поведения им следовать. Почти наверняка результатом этого будет некоторое замешательство. При таких обстоятельствах понятно, почему с незваным гостем могут обойтись не по вышеописанным щадящим рецептам, а скорее так, словно бы его там вовсе не было, или уж совсем бесцеремонно — выставят его из зоны действия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ РОЛИ

Любая команда имеет одну общую цель — поддерживать определение ситуации, порождаемое ее исполнением. Это неизбежно влечет за собой выпячивание одних фактов и затушевывание других. При непрочности и одновременно необходимости связного выражения действительности, инсценируемой командным представлением, в нем обычно найдутся факты, которые, если во время исполнения привлекать к ним внимание, будут ставить под сомнение, подрывать или уничтожать впечатление, создаваемое этим представлением. Можно сказать, что такие факты порождают «разрушительную информацию». И потому основная проблема для многих подобных представлений — это проблема информационного контроля: публика не должна получать разрушительной информации о ситуации, которая определена для нее. Другими словами, команда должна уметь хранить и скрывать от всех свои секреты.

Прежде чем продолжить, надо остановиться на некоторых соображениях о типах секретов, ибо разоблачение разных типов командных секретов может по-разному угрожать представлению. В основу типологизации секретов положены: функция, которую выполняет данный секрет, и отношение этого секрета к восприятию другими его обладателя. Предполагается, что любой конкретный секрет может принадлежать больше чем к одному такому типу.

Во-первых, существует то, что иногда называют ***темными*** секретами. Их составляют факты о команде, которые она знает и скрывает и которые несовместимы с тем ее образом, какой она пытается утвердить перед своей публикой. Темные секреты — это, без сомнения, секреты с двойным дном: первое составляют те важные факты, которые скрывают, а второе — сам факт, что эти важные

факты не были признаны открыто. Темные секреты частично рассматривались в первой главе в разделе о ложных представлениях.

Во-вторых, существуют секреты, которые можно назвать ***стратегическими***. Они относятся к намерениям и потенциальным возможностям команды, которые она скрывает от своей аудитории, чтобы помешать ей эффективно адаптироваться к планируемому командой ходу событий. Стратегические секреты используются деловыми и армейскими кругами при планировании будущих действий против оппозиции. Пока команда не претендует быть командой, вообще не имеющей стратегических секретов, у нее нет нужды превращать свои стратегические секреты в темные. Однако следует заметить, что даже в том случае, когда стратегические секреты команды не темные, их разоблачение все же вредит командному представлению, ибо внезапно и неожиданно для нее оказывается бесполезным и глупым поддерживать осторожность, скрытность и продуманную двусмысленность действия, которые требовались до краха секретности. Можно добавить, что только стратегические секреты тяготеют к такого рода секретам, которые команда при осуществлении действия, основанного на тайных приготовлениях, в конце концов бывает вынуждена раскрывать, тогда как темные секреты она, вероятно, попытается скрыть навсегда. К тому же, информацию часто придерживают не потому, что знают о ее стратегической важности, а потому, что смутно подозревают, что когда-нибудь она может приобрести такую важность.

В-третьих, существуют так называемые ***внутренние*** секреты — те, обладание которыми составляет отличительный знак члена группы и помогает группе ощущать свою обособленность и отличность от «непосвященных»[1]. Внутренние секреты придают объективное интеллектуальное содержание субъективно ощущаемой социальной дистанции. Почти вся информация в общественных учреждениях частично исполняет эту функцию обособления и может рассматриваться как закрытая для всех посторонних.

Внутренние секреты могут почти не иметь стратегического значения и быть не слишком темными. В таком слу-

[1] Ср. обсуждение Д. Рисманом фигуры «внутреннего оракула»: *Riesman D.* The lonely crowd. Yale, 1950. P. 199—209.

чае они могут быть разоблачены или случайно раскрыты без радикального нарушения хода командного представления: исполнителям нужно лишь перенести свои игры с секретами на другой предмет. Разумеется, взятые вместе или по отдельности стратегические и темные секреты с тем же успехом могут быть и внутренними секретами, и по этой причине в действительности стратегический и темный характер секретов нередко преувеличивается. Достаточно интересна ситуация, когда при рассмотрении важных стратегических секретов лидеры социальной группы встречаются с такой дилеммой: с одной стороны, члены группы, не посвященные в определенный секрет, будут чувствовать себя отверженными и оскорбленными, когда этот секрет, наконец, выйдет наружу; с другой стороны, чем больше посвященных в тайну, тем больше вероятность намеренного или нечаянного разоблачения.

Знание того, что одна команда может владеть секретами другой, дает нам еще два типа секретов. Первый позволительно назвать ***доверенными*** секретами. Обладатель подобных секретов обязан хранить их, потому что они принадлежат команде, с которой он связан. Если индивид, кому доверена тайна, хочет оставаться тем, кем он претендует быть, он должен хранить ее, даже если эта тайна не о нем самом. Так, например, когда адвокат раскрывает неблаговидные поступки своих клиентов, под угрозой оказывается сразу два совершенно разных представления: демонстрация невиновности клиента перед судом и демонстрация адвокатской надежности и верности клиенту. Можно также отметить, что командные стратегические секреты, будь они темные или нет, по всей вероятности станут доверенными секретами отдельных членов команды, ибо каждый ее член наверное постарается представить себя соратникам всецело преданным их общей команде.

Второй тип информации о секретах другого можно назвать ***свободными*** секретами. Свободный секрет — это чей-то секрет, известный еще кому-то, и который этот кто-то мог бы раскрыть, не вредя разыгрываемому им образу самого себя. Действующее лицо может узнавать свободные секреты благодаря разоблачению, нечаянному раскрытию, неосмотрительным признаниям, посреднической передаче и т. д. Вообще же следует учитывать, что свободные или

доверенные секреты одной команды могут быть темными или стратегическими секретами другой, и потому команда, чьими жизненными секретами владеют другие, будет пытаться навязать обладателям ее секретов трактовку таких секретов как доверенных и несвободных.

В этой главе рассматриваются лица, имеющие возможность узнавать секреты команды, а также основания и опасности, угрожающие такому их привилегированному положению. Но предварительно надо ясно понять, что в секретах не содержится вся разрушительная информация и что контроль информации подразумевает нечто большее чем сохранение секретов. К примеру, в отношении почти каждого исполнения, видимо, найдутся факты, несовместимые с впечатлением, желательным этому исполнению, но никем не собранные и не организованные в пригодную для пользования форму. Допустим, некая профсоюзная газета имеет так мало читателей, что редактор, обеспокоенный угрозой потерять работу, может не разрешать профессионального обследования читательской аудитории, тем самым добиваясь положения, чтобы ни он сам и никто другой не имели доказательств подозреваемой неэффективности его работы[2]. Это пример скрытых, латентных секретов, и обычные проблемы сохранения секретов существенно отличаются от проблем удержания таких подспудных секретов в том же латентном, не проявленном состоянии. Другой пример разрушительной информации, не представляющей собой секрета, дает непроизвольная жестикуляция, заранее ее приоткрывающая. Она вводит информацию (некое определение ситуации), которая несовместима с запланированными притязаниями исполнителей, но эти нечаянные жесты как события не составляют секретов ни для кого. Стремление избегать таких неудобных эмоционально-выразительных событий тоже представляет собой разновидность информационного контроля, но она не является предметом обсуждения в данной главе.

Приняв за точку отсчета конкретное исполнение, мы различили в нем (по функциям участников) три ключевые роли: тех, кто исполняет; тех, для кого исполняют; посто-

---

[2] См.: *Wilensky H.* The staff expert: A study of the intelligence function in American Trade Unions / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. Ch. 7.

ронних, кто и не занят в спектакле, и не следит за ним. Эти ключевые роли можно также различать на основании доступной для занятых в исполнении людей информации. Как правило, исполнители сознают производимое ими впечатление, а также располагают разрушительной информацией о спектакле. Публика знает только то, что ей дозволено понимать в нем, ибо она ограничена информацией, добываемой неофициально, пристальным наблюдением. В главных чертах ей известно определение ситуации, поддерживаемое этим спектаклем, но она не имеет разрушительной информации о нем. Посторонние же не знают ни секретов данного представления, ни вида вынашиваемой им реальности. Наконец, обозначенные три ключевые роли можно описать на основании доступных данному участнику зон спектакля: исполнители выступают и в видимой (передней) и в закулисной зонах представления; публике доступна только передняя зона; посторонние исключены из обеих зон. При таком подходе можно предположить, что на протяжении спектакля существует определенная взаимосвязь между исполняемой функцией, наличной информацией и доступными зонами, и потому, зная зоны, куда был вхож каждый индивид, вероятно, можно установить и то, какую роль он играл и какой информацией о представлении располагал.

В действительности, однако, согласованность между функцией, имеющейся информацией и доступными зонами редко бывает полной. В конкретном исполнении нередко возникают дополнительные выгодные позиции, которые усложняют это простое соотношение между исполняемой функцией, доступной информацией и занимаемым в спектакле местом. Некоторые из этих особо выигрышных позиций используются так часто и их значение становится столь понятным, что к ним можно относиться как к ролям, хотя, по сравнению с тремя ключевыми ролями, их, возможно, лучше называть ***противоречивыми ролями***. Приведем несколько очевидных примеров таких ролей.

Возможно, самый наглядный случай составляют те противоречивые роли, которые вводят человека в устоявшуюся социальную среду в ложном обличье. Можно упомянуть некоторые их разновидности.

Во-первых, ***роль информатора***. Информатор — это некто претендующий быть членом команды исполнителей, кому позволено входить за кулисы и получать разрушительную информацию, и кто потом открыто или тайно выдает секреты спектакля публике. Хорошо известны политические, военные, промышленные и преступные варианты этой роли. Если оказывается, что такой индивид сперва искренне присоединился к команде, не имея заранее обдуманного плана раскрывать ее секреты, то иногда его называют изменником, предателем или отступником, особенно если это такого рода человек, кому уже следовало бы полностью сформировать характер добропорядочного члена команды. Индивида, который с самого начала намеревался информировать о команде и присоединился к ней только для этой цели, порой называют шпионом. Не раз отмечено, что информаторы (будь то изменники или шпионы) часто оказываются в очень удобном положении, чтобы вести двойную игру, торгуя секретами всех своих покупателей чужих секретов. Разумеется, информаторов можно классифицировать и по-другому: например, по Хансу Шпееру, одни из них — профессионалы, другие — любители; одни занимают высокое положение в обществе, другие — низкое; одни работают за деньги, другие — из убеждения[3].

Во-вторых, ***роль подсадного*** (подсадной утки). Подсадной — это тот, кто действует так, словно бы он был обычным человеком из публики, но в действительности состоит в союзе с исполнителями. Обычно подсадной либо демонстрирует публике наглядную модель того типа реакции, какую хотят получить от нее исполнители, либо обеспечивает нужный в данный момент для развития исполнения отклик аудитории. Словечки «подсадка» и «клака», принятые в индустрии развлечений, перешли теперь в общее употребление. Наше восприятие этой роли без сомнения восходит к практике ярмарок, и нижеследующие словарные определения, ясно говорят о происхождении данного понятия:

Истукан — индивид (нередко местный простак), нанятый владельцем «липового» игорного заведения имитировать везе-

[3] *Speier H.* Social order and the risks of war. Glencoe: The Free Press, 1952. P. 264.

ние и получать заманчиво крупные выигрыши, чтобы вовлечь в игру людей из толпы. Когда неподдельные игроки-«лохи» (местные жители, играющие на свои живые деньги) уже попались, «истуканы» исчезают и передают свои «выигрыши» особому человеку, держащемуся в сторонке и не имеющему видимой связи с данным игорным заведением[4].

Подставной, манила — служащий цирка, который в психологически нужный момент, когда цирковой зазывала заканчивает свой рекламный треп, первым бросается к кассе, торгующей билетами «дутого» представления. Он и его подставные помощники покупают билеты и проходят внутрь помещения, чтобы толпа горожан перед балаганом не медлила последовать их примеру[5].

Не надо думать, что «подсадных» можно найти только в малопочтенных представлениях (даже если мы имеем дело исключительно с не очень уважаемыми людьми, которые, возможно, играют эту роль систематически и без всяких иллюзий о себе). К примеру, в разговорах при самых обычных неформальных встречах гостей жена обычно изображает интерес, когда ее муж рассказывает какой-нибудь анекдот, и даже помогает ему подходящими намеками и догадками, хотя в действительности она слышала этот анекдот много раз и прекрасно знает, что старания мужа создать впечатление первого его исполнения — это только спектакль. Следовательно, подсадной — тот, кто притворяется рядовым простодушным членом зрительской аудитории и использует свое тайное знание пружин представления в интересах исполняющей команды.

Рассмотрим теперь тип другого притворщика в составе публики, но на этот раз такого, который использует свою незримую посвященность в интересах аудитории, а не исполнителей. Представителем этого типа является человек, которого нанимают для проверки поддерживаемых исполнителями норм, с целью убедиться, что в определенных отношениях созидаемые видимости не слишком далеко оторвутся от реальности. Такой человек официально или неофициально действует как ангел-хранитель ничего не подозревающей публики, разыгрывая роль более восприимчивого и этически чуткого члена аудитории, чем обыкновенные зрители.

---

[4] *Maurer D.* Carnival cant // American Speech. Vol. 6. P. 336.
[5] *White P. W.* A circus list // American Speech. Vol. 1. P. 283.

Иногда эти хранители публики действуют открыто, предварительно предупреждая исполнителей о намерении проверить их предстоящее исполнение. Таким образом, при первом же появлении перед публикой исполнители могут получить ясное предупреждение, что все сделанное и сказанное ими будет использовано для их оценки, подобно тому, как при аресте предупреждают, что все сказанное обвиняемым может быть использовано против него в суде в качестве доказательства. Участвующий наблюдатель, который с самого начала объявил свои цели, предоставляет наблюдаемым им исполнителям сходные благоприятные возможности для ориентации в ситуации.

Нередко, однако, агент, покровитель публики, уходит в подполье и, действуя как обыкновенный наивный человек из этой публики, готовит исполнителям гибельную ловушку. В повседневной торговле таких агентов, действующих без предупреждения, иногда называют ***сыщиками***, «шпиками» и, очень понятно, недолюбливают. Может случиться, что продавец был несдержанным с покупателем, который в действительности является агентом компании, проверяющим истинное обращение продавцов с покупателями. Всякий бакалейщик может столкнуться с неприятным открытием, что покупатели, которым он продал товар по незаконной цене, — на самом деле эксперты по ценам и имеют соответствующие полномочия. С той же проблемой встречаются и железнодорожники.

Когда-то проводник в поезде мог требовать безоговорочного почитания от пассажиров. Теперь «шпик»-контролер в состоянии «поставить его на место», если он не снимает свою фуражку при входе в вагон, где сидят женщины, или не проявляет той подобострастной услужливости, которой, способствуя классовому самомнению, распространению образцов поведения из мира европейских отелей и повышению конкурентноспособности с другими видами транспорта, требуют от каждого проводника[6].

Аналогично, уличная женщина может обнаружить, что иногда поощрение от аудитории потенциальных клиентов, получаемое ею на первом этапе ее рутинных заигрываний, исходит от «надувалы», который в действительности «бык»[7]

[6] *Cottrel W. F.* The railroader. Stanford: Stanford University Press, 1940. P. 87.

[7] *Murtagh J. M., Harris S.* Cast the first stone. N.Y.: Pocket Books, Cardinal Edition, 1958. P. 100, 225—230.

(полицейский в штатском), и эта всегда существующая возможность заставляет ее в какой-то мере остерегаться незнакомой публики, тем самым портя свою игру излишней сдержанностью.

Между прочим, следует тщательно различать настоящих сыщиков и самозваных, часто называемых «стукачами» или «умниками», не обладающих истинным знанием закулисных операций (хотя они претендуют на это) и не уполномоченных законом или обычаем представлять интересы публики.

Сегодня агенты, проверяющие стандарты исполнения и самих исполнителей (делается ли это в открытую или без предупреждения), являются привычной составной частью структуры услуг и, особенно, частью системы социального контроля, практикуемого правительственными организациями от имени потребителя и налогоплательщика. Но часто такого рода работу производят и в более широком социальном пространстве. Нам хорошо знакомы геральдические и номенклатурно-протокольные учреждения, призванные охранять общественное положение титулованной знати и высших правительственных чиновников от тех, кто неправомерно претендует на их статусы.

Среди публики имеется еще один своеобразный персонаж. Это человек, который занимает неприметное, скромное место в аудитории и покидает соответствующую зону действия вместе с публикой, но потом сразу бежит к своему нанимателю, сопернику команды, за исполнением которой он следил, и сообщает об увиденном. Обычно это наемный сотрудник, профессионально следящий за ценами и ассортиментом конкурентов: человек г-на *N* в фирме г-на *M* и человек г-на *M* у *N*, разведчик направлений моды, иностранец на национальных авиашоу и т. п. Такой сотрудник — это лицо, технически имеющее право видеть данный спектакль, но обязанное соблюдать некий декорум и чаще всего благоразумно предпочитающее держаться на заднем плане, ибо он смотрит спектакль с заведомо критической позиции, как бы с изнанки, а такое восприятие одновременно и жизненно важнее и скучнее, чем восприятие абсолютно законного зрителя.

Еще одна противоречивая роль — ***роль посредника*** или челнока. Посредник узнает секреты каждой стороны и у

каждой же стороны создает соответствующее истине, не обманывающее впечатление, что он будет хранить ее тайны, но при этом он склонен внушать каждой ложное впечатление, будто к ней он относится лучше, чем к другой. Порой, как в случае с арбитром в некоторых трудовых спорах, посредник может служить инструментом, используя который, две объективно враждебные команды в состоянии прийти к взаимовыгодному соглашению. Иногда, как в случае с театральным агентом, функция посредника — давать каждой стороне тенденциозную версию образа другой стороны, что рассчитано на возможность возникновения более близких взаимоотношений между ними. В случае брачного агента или свата посредник служит для передачи от одной стороны к другой пробных предложений, которые при открытом и прямом предъявлении могли бы вызвать смущение и чувство неловкости у обеих сторон как при их принятии, так и при отказе.

Когда посредник действует фактически в присутствии двух команд, членом которых он является, мы становимся свидетелями удивительного зрелища, напоминающего игру в теннис с самим собой. Этот случай лишний раз убеждает, что естественной единицей анализа при предложенном подходе является не индивид, а скорее уж команда и ее члены. В качестве индивидуальной, деятельность посредника кажется причудливой, несостоятельной и даже неблагородной, поскольку она меняется при переходе от одного набора видимостей и лояльностей к другому. Рассмотренное же в качестве составной части двух команд непостоянство в деятельности посредника становится совершенно понятным. Посредника можно понять просто как двойную подсадку.

Хорошую иллюстрацию роли посредника дают исследования Ф. Ротлисбергера о функциях мастера на производстве. Он должен не только принимать на себя обязанности руководителя-режиссера, ставящего спектакль непосредственно на производстве от имени аудитории управляющих, но и переводить то, что он сам знает и что видит рабочая публика, в словесную форму, приемлемую для его совести и для этой публики[8]. Другим примером роли по-

[8] *Roethlisberger F.* The foreman: Master and victim of double talk // Harvard Business Review. Vol. 23. P. 285—294.

средника служит председатель формально проводимых собраний. После того как он призвал собравшуюся группу к порядку и представил ей приглашенного оратора, он скорее всего станет наглядным образцом поведения для других слушателей, преувеличенными оценками и выражением заинтересованности показывая чего от них ждут и прозрачно намекая им, как надо встречать конкретное высказывание: серьезно, со смехом или с одобрительным смешком. Ораторы вообще склонны принимать приглашения на публичные выступления с условием, что председатель собрания «о них позаботится», и тот заботится, насаждая модель поведения слушателя и старательно убеждая аудиторию в реальной значимости речи оратора. Председательское исполнение удается отчасти потому, что слушатели имеют по отношению к нему негласное обязательство — подтверждать любое определение ситуации, которое им предлагается на собрании, иначе говоря, обязательство следовать избираемой председателем линии данного спектакля-слушания. Драматургическая задача обеспечения того, чтобы оратор выглядел благожелательно оцененным, а слушатели — по-настоящему увлеченными, конечно нелегка, и часто отбивает у председателя желание вдумываться в то, что он якобы слушает.

По-видимому, роль посредника особенно значима в неформальном дружеском взаимодействии, лишний раз подтверждая полезность «двухкомандного» подхода к анализу этой роли. Когда в кружке собеседников один человек своими действиями или речью завладевает вниманием всех других присутствующих, он этим определяет ситуацию и, возможно, определяет в таком направлении, которое нелегко принять его аудитории. Кто-то из присутствующих, вероятно, будет испытывать повышенное (в сравнении с другими) чувство ответственности за свое поведение и все происходящее в коллективе, так что от такого лица скорее всего можно ожидать попытки перевести расхождения между оратором и слушателями в более приемлемую для всех перспективу, чем та, что намечалась первоначальным выступлением. В следующий миг, когда слово возьмет кто-то еще, в роли посредника может оказаться другой человек. И по существу поток неформальной беседы удобно рассматривать как формирование и переформирование

команд, а также как выдвижение и обновление посредников.

Выше были предложены описания некоторых противоречивых ролей: информатора, подсадного, сыщика-контролера, сотрудника-разведчика и посредника. В каждом их этих случаев мы обнаруживаем неожиданное, неочевидное соотношение между притворной ролью, владением информацией и доступом к разным зонам представления. В каждом случае мы имеем дело с кем-то, кто способен реально участвовать во взаимодействии между исполнителями и публикой. Но есть еще одна противоречивая роль — ***роль недействующего лица, статиста.*** Играющие эту роль присутствуют во время взаимодействия, но ни в каких отношениях не принимают на себя ни роли исполнителя, ни роли человека из публики, а также не притворяются (как информаторы, подсадные и сыщики) теми, кем они не являются[9].

По-видимому, слуга — классический тип статиста в западном обществе. От этого лица ожидают присутствия на передней линии событий, пока хозяин разыгрывает спектакль гостеприимства перед почтенными посетителями. Хотя в каком-то смысле слуга — часть команды хозяина (как это уже обосновано выше), в других отношениях он определяется и исполнителями, и публикой как тот, кого нет, как пустое место. В некоторых группах за слугой закрепляется право свободного входа за кулисы, в скрытые зоны жизненного представления на основании предположения, что слуге ни к чему хранить любое полученное впечатление. Миссис Троллоп приводит интересные примеры этого:

Я и вправду часто имела хорошую возможность наблюдать привычное безразличие хозяев к присутствию своих рабов. Хозяева говорили о них, условиях их жизни, их способностях и поведении так, словно бы те были глухими. Однажды мне случилось видеть молодую даму, которая, когда ее посадили за столом между мужчиной и женщиной, по скромности теснилась на краешке стула женщины-соседки, чтобы избежать неприличного соприкосновения с локтем «мужчины». В другой раз я наблюда-

[9] Более полное описание этой роли см.: *Goffman E.* Communication conduct in an island community / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. Ch. 16.

ла, как эта же самая молодая дама с полным хладнокровием шнуровала свой корсет в присутствии негра-лакея. Один джентльмен из Виргинии рассказывал мне, что когда он женился, его приучили спать с женой в одной комнате с прислугой-негритянкой. Я полюбопытствовала, зачем было нужно это ночное присутствие посторонней. «Бог мой! — отвечал он. — А если б ночью я захотел стакан воды, как мне быть?»[10].

Это, конечно, крайний пример. Хотя и существует тенденция обращаться к слугам только с «необходимыми распоряжениями», все же их присутствие в зоне действия обычно налагает некоторые ограничения на поведение тех, кто присутствует в ней полноправно, и, по всей видимости, особенно значительные, когда социальная дистанция между слугой и обслуживаемым невелика. В случае других «слугоподобных» ролей в западном обществе (вроде лифтера и таксиста) наблюдается заметная неопределенность для обеих сторон в этом типе взаимоотношений относительно того, какого рода «интим» позволителен в присутствии данного статиста.

Кроме людей, исполняющих роли слуг и подобные им, существуют и другие типичные категории лиц, с которыми в их присутствии обходятся так, словно бы их вовсе не было. Обычными объектами такого обхождения оказываются очень молодые, очень старые и больные люди. В современную эпоху эту категорию статистов пополняет растущее множество технического персонала: стенографисток, операторов радио и телевещания, фотографов, сотрудников секретной полиции и т. д., которые исполняют разные технические роли в важнейших церемониях разыгрываемого действия, но не отражены в его сценарии.

Может показаться, что роль статиста обязательно несет с собой некую подчиненность и приниженность, но не надо недооценивать степень, в какой человек, кому предназначают или кто принимает такую роль, может использовать ее в качестве средства самозащиты. Возможны ситуации, когда подчиненные открывают, что единственно доступный им способ справиться с начальником — это вести себя так, как если бы он не присутствовал. Так, на Шетландских островах при посещении британским школьным док-

---

[10] *Trollope Mrs.* Domestic manners of the Americans. 2 Vols. L.: Whittaker; Treacher, 1832. Vol. 1—2. P. 56—57.

тором пациентов среди бедных хуторян, жители нередко справлялись с трудностями налаживания нужных отношений с доктором, изо всех сил стараясь обходится с ним так, как будто его здесь не было. Можно еще заметить, что сама команда иногда обращается с присутствующим индивидом как с отсутствующим не потому, что это естественная или единственно осуществимая линия поведения, а потому что это ощутимый способ выражения враждебности к человеку, который повел себя бестактно. В таких ситуациях важно показать изгою, что его игнорируют, а в каких действиях это выражается, не имеет особого значения.

Итак, мы рассмотрели несколько категорий лиц, которые, не будучи в прямом смысле ни исполнителями, ни людьми из публики, ни посторонними, тем не менее имеют такой доступ к информации и зонам действия, какого от них трудно было бы ожидать. Существуют еще четыре столь же противоречивые роли, в основном, касающиеся таких лиц, которые не присутствуют во время представления, однако, имеют о нем информацию.

Прежде всего, это важная роль, которую можно назвать ***специалист по услугам***. Ее исполняют индивиды, специализирующиеся в постановке, корректировке и поддержании спектакля, который их клиенты отстаивают перед другими людьми. Одни из таких специалистов — архитекторы и продавцы мебели — трудятся над созданием обстановки действия; другие — дантисты, парикмахеры и дерматологи — работают над персональным внешним видом клиента; третьи — штатные экономисты, бухгалтеры, юристы и исследователи — формируют фактологическую часть публичного вербального поведения клиента, то есть его командную линию аргументации или интеллектуальную позицию.

Конкретные исследования обычно обнаруживают, что специалисты по услугам вряд ли способны успешно заниматься нуждами отдельного исполнителя, не получая столько же (или даже больше) разрушительной информации о некоторых сторонах индивидуального исполнения, сколько ее имеет сам индивид. Специалисты по услугам похожи на членов команды тем, что они тоже узнают секреты спектакля и научаются видеть его закулисные составляющие.

Но в отличие от членов команды такой специалист не разделяет вместе с ними риск, вину или удовлетворенность от исполнения перед публикой спектакля, в котором он участвовал своим трудом. И еще специалист отличается от истинных членов команды тем, что когда он узнает секреты других, эти другие не узнают соответствующих секретов о нем самом. Именно в этом контексте можно понять, почему профессиональная этика часто обязывает специалиста соблюдать «тактичность и осмотрительность», то есть не разоблачать спектакля, в чьи секреты он посвящен благодаря своим профессиональным обязанностям. Так, например, психотерапевты, столь широко, хотя и опосредовано, участвующие в домашних конфликтах нашего времени, обязаны хранить молчание об узнанном ими перед всеми, кроме начальства, контролирующего их деятельность.

Когда специалист имеет более высокий общий социальный статус чем люди, которым он оказывает услуги, его общая социальная оценка таких клиентов обычно вынуждена опираться на конкретные сведения, которые он узнает о них. В некоторых ситуациях это становится существенным фактором поддержания status quo. Так, в американских городах банкиры «верхнего-среднего» класса начинают понимать, что владельцы некоторых малых предприятий представляют подставные налоговые декларации, несовместимые с их реальными банковскими сделками, а другие бизнесмены публично демонстрируют показную уверенность в своей платежеспособности, в то же время втайне униженно выклянчивая ссуды где придется. Принадлежащие к среднему классу врачи, которые по долгу благотворительности должны лечить постыдные болезни в неприличных условиях, находятся в сходном положении, ибо они не обеспечивают человеку из низшего класса возможности защитить себя от слишком пристального внимания вышестоящих. Аналогично, домовладелец на опыте убеждается, что все его квартиросъемщики ведут себя так, как если бы они принадлежали к категории людей, всегда вовремя платящих за квартиру, тогда как для некоторых съемщиков это поведение — всего лишь игра. (Лица, не являющиеся специалистами по услугам, нередко тоже обладают трезвым видением происходящего. Во многих орга-

низациях, к примеру, от какого-нибудь чиновника-распорядителя требуют наблюдения за спектаклем хлопотливого подтверждения персоналом своей компетенции, хотя втайне он уже может иметь четкое и достаточно низкое мнение о некоторых из тех, кто работает под его началом.)

Конечно, бывает и так, что общий социальный статус клиента выше статуса специалистов, приглашаемых обслуживать его представительский передний план. В таких случаях возникает интересная дилемма статуса, когда, с одной стороны, мы имеем высокий статус и низкий уровень информационного контроля, а с другой — низкий статус и высокий уровень информационного контроля. При этом вполне возможно, что специалист станет сверхчувствительным к недостаткам спектакля, который ставят высокопоставленные клиенты, и позабудет о слабостях собственной постановки. В результате такие специалисты иногда развивают у себя характерное амбивалентное отношение, цинически воспринимая мир «высокопоставленных» по тем же самым причинам, по которым они косвенно ощущают интимную близость к нему. Так, уборщик, по самому характеру оказываемых им услуг, знает, какое спиртное пьют жильцы, какую пищу они едят, какие письма получают и какие счета оставляют неоплаченными, а также не скрывается ли за безупречной внешностью хозяйки квартиры менструальный период, и насколько чисто жильцы содержат свою кухню, ванную и другие подсобные помещения (закулисные зоны действия)[11]. Подобно этому, положение работника автозаправочной станции позволяет узнать, что человек, всем пускающий пыль в глаза новым кадилаком, в состоянии купить бензина только на доллар, или покупает товар по сниженным ценам, или ищет подработки на станции. Тот же автозаправщик знает также, что видимость истинно «мужского» владения техническими знаниями об автомобиле, которую любят изображать некоторые люди, лжива, ибо они не могут ни правильно определить неполадки в своем автомобиле (хотя претендуют на это), ни как надо подъехать к бензоколонке. Точно так же, продавцы платья скоро узнают, что некоторые покупатели нередко носят грязное белье, хотя по внешнему их

[11] См.: *Gold R.* The Chicago flat janitor / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1950. Особенно главу «Мусор».

виду этого никак нельзя ожидать, и что большинство покупателей, не смущаясь, судят об одежде по ее способности вводить других людей в заблуждение. Тот, кто продавал мужскую одежду, знает, что нарочито мрачная демонстрация мужчинами полного отсутствия интереса к тому, как они выглядят, — это нередко спектакль, и что суровые, молчаливые мужчины способны примерять костюм за костюмом, шляпу за шляпой, пока не увидят себя в зеркале точно такими, какими хотят казаться. Полицейских жизнь постепенно учит, чего от них на самом деле ждут и чего не хотят уважаемые бизнесмены, как и тому, что столпы общества не безупречны[12]. Горничные в отелях быстро убеждаются, что мужчины-постояльцы, которые пристают к ним наверху в номерах, проявляют себя не совсем так, как обещает обходительность их поведения внизу в холле[13]. Работники службы безопасности отелей (или «домовые детективы», как их чаще всего называют) могут обнаружить в корзине для бросовых бумаг два отвергнутых начала предсмертной записки самоубийцы:

Любимая!

Когда ты получишь это, я буду там, где ничто из того, что ты можешь сделать, не повредит мне...;

Любимая!

Ко времени, когда ты будешь читать это, ничто из сделанного тобой не сможет причинить мне боли...[14] —

и сделать отсюда вывод, что последние чувства безнадежно отчаявшегося человека так или иначе репетировались в поисках верного тона и точного выражения и во всяком случае не были окончательными. Другой пример дают нам специалисты с сомнительной репутацией, которые оказывают услуги в глухих и отдаленных кварталах города, так чтобы клиентов, прибегающих к их помощи, никто не увидел. По словам Хьюзов:

В беллетристике часто описывается сцена, когда некая порядочная дама, скрывающая свое лицо под вуалью, одна разыскивает в темных закоулках города гадалку или незаконно практи-

[12] *Westley W.* The police / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1952. P. 131.

[13] Авторское исследование «Шетланд-отеля»: *Goffman E.* Communication conduct in an island community / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology/ University of Chicago, 1953.

[14] *Collans D., Sterling S.* J was a house detective. N.Y.: Dutton, 1954. P. 156.

кующую акушерку. Анонимность определенных городских кварталов позволяет людям искать специальные услуги (как законные, но деликатного свойства, так и незаконные) у лиц, которых они не захотели бы видеть в своем собственном социальном кругу[15].

Разумеется, такие специалисты могут и анонимно посещать дом, как обычно делают крысоловы и дезинсекторы, которые предупреждают клиента, что прибудут к нему в вагончике, имеющем вид обыкновенного мебельного фургона. Любая гарантия анонимности держится, конечно, на очевидном убеждении, что клиент нуждается в ней и желает воспользоваться ею.

Вполне понятно, что специалист, чья работа требует знания закулисных моментов в представлениях других людей на жизненной сцене, будет смущать этих других. По ходу представления, которое служит нам точкой отсчета, можно заметить и другие последствия вмешательства специалиста. Довольно регулярно обнаруживается, что клиенты нанимают специалиста не с целью получить от него реальную помощь в спектакле, который они ставят для других, а чтобы подчеркнуть сам факт привлечения специалиста для услуг. Похоже, многие женщины ходят в салоны красоты больше для того, чтобы там над ними суетились и называли «мадам», а не просто потому, что им надо уложить волосы. Полагают, что в индуистской Индии приобретение соответствующих специальных услуг для ритуально важных целей имеет решающее значение при подтверждении человеком своего кастового положения[16]. В подобных случаях исполнитель может быть заинтересован в хорошем мнении о себе специалиста, а не в самом спектакле, который данная услуга позволит ему позднее разыграть. И потому нас не должна удивлять фигура «спец-специалиста», удовлетворяющего потребности, которые слишком постыдны для клиентов, чтобы они посмели обратиться к «обыкновенным» специалистам, перед кем им обычно нечего стыдиться. Так, представление добропорядочности, которое пациент разворачивает перед своим по-

[15] *Hughes E. C., Hughes H. M.* Where people meet. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1952. P. 171.

[16] Этим наблюдением и другими сведениями об Индии я обязан М. Мариотту.

стоянным врачом, иногда вынуждает такого клиента обращаться за сугубо интимными средствами, такими, как препараты для прерывания беременности, контрацептивами и лекарствами от венерических болезней, прямо к фармацевту[17]. Аналогично, в условиях Америки человек, запутавшийся в неблаговидных делах, из-за стыда перед белым юристом может пойти со своими тревогами к юристу-негру[18].

Вполне очевидно, что специалисты по услугам, как обладатели доверенных им секретов, занимают положение, позволяющее извлекать для себя выгоды из этого знания, получая разного рода уступки от исполнителя, чьими секретами они владеют. Закон, профессиональная этика и соображения разумного эгоизма часто останавливают применение грубых форм вымогательства, но вежливо выпрашиваемые маленькие подачки нередко ускользают от этих форм социального контроля. Возможно, тенденция связывать авансом юриста, бухгалтера, экономиста или иных специалистов по вербальному представительству человеческого действия и принимать в основной штат фирмы тех, кого держали на гонораре за спецуслуги, представляет собой одну из мер предосторожности: предполагается, что как только такой «вербальный» специалист становится частью организации, можно пустить в ход новые методы, чтобы обеспечить его надежность. Кроме того, прием такого специалиста в организацию и даже в команду создает высокую вероятность того, что он займется престижными, но далекими от главного делами, вроде выработки сбалансированной точки зрения или представления интересных теоретических данных профессиональной аудитории[19].

---

[17] *Weinlein A.* Pharmacy as a profession in Wisconsin / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1943. P. 106.

[18] *Hale W. H.* The career development of the Negro lawer / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1949. P. 72.

[19] От «вербального» специалиста, принятого в организацию, будут ждать собирания и представления данных в такой форме, которая обеспечивала бы максимальную поддержку притязаниям команды в это время. При этом факты как таковые обычно несущественны, просто каждую составную часть исполнения надо рассматривать вместе с другими, такими как: вероятные аргументы оппонентов; общая предрасположенность настроений публики, у которой команда, возможно, захочет искать поддержки; принципы, которые каждый заинтересованный в деле будет чувст-

К сказанному имеет смысл добавить несколько слов об одной разновидности роли специалиста — роли ***обучающего специалиста***. Люди, берущие на себя эту роль, решают сложную задачу обучения исполнителя тому, как производить желаемое впечатление, — решают, одновременно выступая в роли будущей публики и поясняя соразмерными наказаниями, последствия неправильного поведения. Родители и школьные учителя — вот наиболее очевидные примеры этой роли в западном обществе. Другой пример — это сержанты, которые муштруют военных кадетов.

Исполнители часто чувствуют себя неловко в присутствии преподавателя или тренера, у которых они когда-то давно учились и принимали их уроки как нечто-то само собой разумеющееся. Преподаватели имеют свойство пробуждать в исполнителе подавляемое воспоминание о своем прежнем живом образе, а именно, мысленное представление о ком-то неуклюжем и смущенном, переживающем мучительный процесс становления. Исполнитель может заставить себя забыть как глупо он когда-то выглядел, но не может заставить забыть это преподавателя. Как говорил Курт Рицлер о любом «вызывающем стыд» факте: «Если другие знают, то такой факт утвержден, и представление человека о себе выходит из-под его собственной власти помнить и забыть его в процессе создания своего образа»[20]. Возможно, вообще не существует совершенно удобной позиции, которую мы могли бы занять по отношению к лю-

---

вовать себя обязанным признавать, хотя бы на словах, и т. д. Достаточно интересно, что индивид, который помогает собирать и формулировать множество фактов, используемых в командном вербальном «шоу», может также участвовать в нем в ином качестве: лично представлять и доносить до аудитории этот передний план действия. Речь здесь идет о различии между писанием сценария церемонии для спектакля и исполнением церемонии в этом спектакле. В этом заключена некая потенциальная дилемма. Чем радикальнее удастся склонить специалиста отставить в сторону свои профессиональные стандарты и учитывать только интересы команды, нанявшей его, тем полезнее могут оказаться аргументы, которые специалист для нее сформулирует. Но чем прочнее и выше его репутация как независимого профессионала, заинтересованного лишь в сбалансированном представлении относящихся к делу фактов, тем успешнее, видимо, пройдет его появление перед публикой и представление ей своих результатов. Очень богатый источник сведений по этой тематике см.: *Wilensky H.* Op. cit.

[20] *Riezler K.* Comment on the social pathology of shame // American Journal of Sociology. Vol. 48. P. 458.

дям, видевшим нас с изнанки, за нашим сегодняшним фасадом, — к тем, «кто знал нас, когда...», — если одновременно это те люди, которые должны символизировать реакцию сегодняшней публики на нас и, следовательно, не могут восприниматься как старые соратники из одной команды.

Специалист по услугам был описан выше как тип человека, который, не будучи исполнителем в данном жизненном спектакле, все же имеет доступ в закулисные зоны действия и к разрушительной информации. Второй такой тип — это человек, играющий роль ***доверенного лица***, или ***конфидента***. Конфиденты суть лица, которым исполнитель «исповедуется в грехах», признается в своих ошибках, свободно и подробно обсуждая, в каком смысле впечатление в ходе самого представления было просто поверхностным впечатлением. Как правило, конфиденты находятся вне игры и участвуют в действии на заднем и переднем планах лишь косвенно. Именно такого рода людям отцы семейств, например, несут свои ежедневные рассказы о том, как им живется в учрежденческих хитросплетениях и интригах, в атмосфере невысказанных чувств и притворства. Или когда некто в поисках работы пишет письмо с просьбой, отказом или согласием, то доверенным лицом в этом случае будет человек, который просмотрит черновик с целью убедиться, что в письме взят верный тон. В случае, когда экс-дипломаты и экс-боксеры пишут свои мемуары, они молчаливо предполагают присутствие за сценой читающей публики, которая тем самым становится неким размытым конфидентом одного из светских спектаклей, хотя к тому времени этот спектакль безвозвратно ушел в прошлое.

В отличие от специалиста по услугам, лицо, которому доверяет другой человек, не извлекает выгоды из доверенных секретов. Он принимает чужую информацию, бескорыстно, как выражение дружбы, доверия и уважения, которые чувствует к нему информант. Однако в действительности клиенты часто пытаются превратить специалистов по услугам в своих конфидентов (возможно, надеясь обеспечить этим соблюдение такта и деликатности с их стороны), особенно, когда сама работа специалиста представляет собой искусство слушать и говорить, как в случае священников и психотерапевтов.

Остается рассмотреть третью роль того же рода. Подобно роли специалиста и конфидента, роль ***коллеги*** может подойти тем, кто, располагая некоторой информацией о чужом исполнении, сам при этом не присутствует.

Коллеги — это лица, которые, как и члены команды, представляют одну и ту же рутину одному и тому же типу публики, но в отличие от них не выступают сообща перед одной и той же конкретной аудиторией в одно время и в одном месте. Коллег объединяет, так сказать, общность судьбы. Вынужденные ставить представления одного и того же рода, они поневоле познают трудности и взгляды друг друга. Каковы бы ни были их исходные языки, со временем коллеги начинают говорить на одинаковом социальном языке. И хотя коллеги, соревнующиеся за расширение своих аудиторий, могут утаивать друг от друга некоторые стратегические секреты, определенные вещи они не в состоянии скрыть друг от друга так же хорошо, как скрывают от публики. Поскольку представительский передний план, выдерживаемый перед другими, не нужен среди своих, то между коллегами возможно известное расслабление. У Хьюзов о сложностях такого рода солидарности сказано следующее.

В рабочий код всякой социальной позиции человека входит известная свобода действий. Она позволяет коллегам обмениваться доверительными сообщениями о своих отношениях к другим людям. Среди этих доверенных секретов можно найти циничные высказывания об их призвании, компетентности, о начальниках, клиентах, подчиненных, о публике вообще и о себе в том числе. Такие выражения помогают кому-то разрядиться и служат средством самозащиты. Взаимное доверие, необходимое коллегам, основано на двух молчаливых предположениях о собратьях по работе. Во-первых, что коллега правильно тебя поймет, и, во-вторых, что сказанное тобой не будет повторено непосвященным. Разумеется, для полной уверенности в правильном понимании со стороны нового сотрудника требуется некий тренировочный обмен социальными жестами. Лишенный чувства юмора ревнитель дела, который превращает такую вольную пикировку в настоящую борьбу, который слишком серьезно воспринимает дружескую подначку, вероятно, не примирится с легкомысленным комментарием о чьей-то работе или с какими-то сомнениями и опасениями. Не сможет он усвоить и те элементы рабочего кода, которые передаются только намеком и жестами. Ему вряд ли будут доверять, ибо, хотя такой человек и не го-

дится для хитрых интриг, его обычно подозревают в склонности к предательству. Чтобы люди могли общаться между собой свободно и доверительно, они должны быть способны допускать как нечто естественное множественность чувств у каждого другого человека. Они должны легко относиться и к умолчаниям, и к высказываниям других[21].

Хорошее описание некоторых иных сторон коллегиальной солидарности дает Симона де Бовуар. Хотя она намеревалась обрисовать особенности только женской ситуации, в результате ей удалось сказать нечто обо всех коллегиальных группах:

Женская дружба, если женщине удается ее приобрести или сохранить, очень дорога ей; дружеские отношения между женщинами совсем не похожи на аналогичные отношения между мужчинами; мужчины общаются между собой как индивиды на основе обмена мыслями, идеями, планами; женщин, объединенных общностью своей женской судьбы, сплачивает свойственное им взаимное понимание, своего рода сообщничество. И в общении друг с другом они прежде всего стремятся упрочить им принадлежащий мир. Они не спорят по поводу справедливости того или иного мнения, той или иной точки зрения; они посвящают друг друга в свои тайны, обмениваются рецептами; они вступают в союз, консолидируются, чтобы создать как бы свой контрмир, который по значимости превзойдет мир мужчин; объединившись, они находят в себе силы сбросить свои оковы; они не признают сексуальное верховенство мужчины и обсуждают друг с другом свою фригидность, цинично посмеиваясь при этом над сексуальными аппетитами мужчин либо над их неумелостью; они с иронией высказываются по поводу морального и интеллектуального превосходства своих мужей и вообще мужчин. Они сравнивают свой опыт — беременность, роды, болезни детей, свои собственные болезни, домашние заботы — с опытом других, и в их устах эти события становятся главными событиями человеческой истории. Они обходятся без техники: делясь рецептами приготовления блюд, хитростями ведения хозяйства, они сообщают им достоинство секретной науки, основанной на устной традиции[22].

Из этого должно быть очевидно, почему термины, вводимые для обозначения поведения коллег, подобно терминам для характеристики соратников по команде, попада-

---

[21] *Hughes E. C., Hughes H. M.* Op. cit. P. 168—169.

[22] *Beauvoir S. de.* The second sex. L.: Cape, 1953. [*Бовуар С. де.* Второй пол. М.: АО Издательская группа «Прогресс»; СПб.: Алетейя, 1997. С. 613—614.]

ют в класс «внутригрупповых» терминов, а термины, используемые для характеристики аудиторий, как правило, выражают «внегрупповые» чувства.

Интересно отметить, что когда люди из одной команды вступают в контакт с посторонним, который оказывается коллегой, то такого новоприбывшего могут окружить своеобразным церемониалом как временного почетного члена команды. Существует некий комплекс заезжего проверяющего, в силу которого члены команды обращаются с таким посетителем так, как если бы с ним вдруг установились очень тесные и долговременные взаимоотношения. Каковы бы ни были их привилегии как членов данной ассоциации, они склонны предоставить подобному визитеру по меньшей мере клубные права. Эти знаки учтивости особенно обильны, когда хозяевам и гостю случилось обучаться в одном заведении, или у тех же преподавателей, или и то и другое. Яркими примерами такого рода взаимоотношений являются питомцы одного пансиона, одной профессиональной школы, одного исправительного учреждения, одной государственной школы или одного маленького городка. Когда встречаются «старые однокашники», бывает трудно поддерживать прежнее грубоватое закулисное панибратство, и человеческое притворство может стать обязанностью и самодовлеющей игрой, но оно может оказаться более трудным делом, чем любое другое поведение.

Из всех этих рассуждений следует, что команда, которая постоянно исполняет свои рутинные действия перед одной и той же аудиторией, все же может быть социально более далекой от этой аудитории, чем от коллеги, способного моментально наладить контакт с командой. Так, джентри на Шетландских островах знали своих соседей-арендаторов очень хорошо, с детства играя роль помещиков по отношению к ним. Однако заезжий землевладелец, должным образом представленный и рекомендованный, мог более интимно познакомиться с островным «дворянством» за время традиционного послеполуденного чаепития, чем сосед-арендатор за всю свою жизнь. Ибо это послеполуденное чаепитие в обществе джентри раскрывало закулисную сторону отношений помещика и арендатора. Здесь, за чайным столом арендаторы делались объектом насмешки, и сдержанные манеры, обычно практикуемые в их присут-

ствии, уступали место истинно помещичьим грубо-развязным шуткам. За чаем среди своих деревенское дворянство признавало, что в каких-то решающих отношениях оно походило на своих арендаторов, но по некоторым нежелательным для обнародования характеристикам отличалось от них, — и все это с такой тайной игривостью, какой многие арендаторы и не подозревали у своих помещиков[23].

Положение, когда доброжелательность одного коллеги, церемонно распространяется на другого, по всей вероятности, можно описать в виде своеобразного мирного предложения: «Ты не трепешься о нас — мы не болтаем о тебе». Отчасти это объясняет, почему врачи профессионально обходительны друг с другом, а лавочники часто дают скидку в цене тем, кто каким-то образом связан с торговлей. Все это случаи своего рода мелкого взяткодательства тем, кто достаточно информирован, чтобы стать осведомителем.

Природа коллегиальности позволяет кое-что понять в важном процессе социальной эндогамии, благодаря которому семья, принадлежащая к одному классу, касте, роду занятий, религиозной или этнической группе, склонна ограничивать свои брачные связи семьями того же статуса. Лица, связанные родственными узами, по логике вещей оказываются в таком положении, что могут видеть представительский передний план любого родственника с тыльной стороны. Это смущает всегда, но гораздо меньше в том случае, если новичкам, попавшим за семейные кулисы, уже приходилось участвовать в похожем спектакле и приобщаться к тайнам однотипной разрушительной информации. Мезальянс — это что-то такое, что впускает за кулисы и в семейную команду чужого человека, которого следовало бы держать в отдалении или по меньшей мере в составе публики.

Надо заметить еще, что лица, являющиеся коллегами в каком-нибудь одном отношении и потому нередко сближающиеся до взаимного приятельства, могут не быть кол-

---

[23] Островное мелкопоместное дворянство иногда обсуждало в своем кругу, как трудно общаться с местными жителями, поскольку с ними невозможны никакие общие интересы. Хотя при этом джентри прекрасно предвидели, что случилось бы, если арендатора пригласить на чай, но, по-видимому, плохо сознавали, насколько esprit [дух — *фр.*] самой церемонии чаепития зависел от факта недоступности оного для тамошних арендаторов.

легами в других отношениях. Иногда существует опасность, что коллега, который в этих других отношениях оказывается человеком с меньшей властью или пониженным статусом, может перейти границы дозволенной фамильярности и тем угрожать сохранению социальной дистанции, которую необходимо поддерживать в силу указанной разности статусов этих коллег. В американском обществе такое часто угрожает лицам из средних классов, но с пониженным статусом, связанным с их принадлежностью национальному меньшинству, из-за дурной славы их этнических собратьев из низших классов. Вот что подмечено Хьюзами в межрасовых отношениях коллег:

Малоприятная дилемма вытекает из факта, что, хотя для авторитета профессии вредно позволять неспециалистам видеть раскол в своих рядах, для отдельного человека может быть еще хуже оказаться связанным в глазах своих действительных или потенциальных пациентов с лицами, пусть и коллегами, из такой презираемой группы, как негры. Излюбленный путь обхода указанной дилеммы — это держаться в сторонке от профессионалов-негров[24].

Подобно этому, работодатели, происходящие из низшего класса (например хозяева автозаправочных станций), часто обнаруживают, что их рабочие ждут от них неофициального, интимно-закулисного ведения дел, при котором все приказы и распоряжения будут отдаваться только в просительной или шутливой манере. Такого рода опасность возрастает из-за того, что «неколлеги» могут аналогично упрощать ситуацию и слишком односторонне судить о человеке по его «коллегиальной» компании. Но здесь снова возникают проблемы, которые нельзя изучить с достаточной полнотой, если не поменять точку отсчета, перенеся ее с одного представления на другое.

Существует двоякое мнение, в соответствии с которым одни люди порождают трудности, слишком усердно действуя в духе коллегиальности, тогда как другие причиняют хлопоты коллегам, недостаточно считаясь с ними. Недовольный коллега всегда может обернуться отступником и выдать публике секреты общего действа, которые его былой собрат еще продолжает хранить. Каждая роль имеет своих расстриг, готовых порассказать посторонним, что

[24] *Hughes E. C., Hughes H. M.* Op. cit. P. 172.

делается в «монастыре», и пресса всегда проявляла живой интерес к таким откровениям и разоблачениям. Так, в печати можно встретить исповедь врача, который повествует, как его коллеги делят вознаграждения, крадут пациентов друг у друга, специализируются в производстве ненужных операций с применением внушительного вида аппаратуры, с помощью которой дают пациенту за его деньги впечатляющий медицинский спектакль[25]. В терминологии Кеннета Берка, тем самым нас снабжают информацией о «риторике медицины»:

Применив это выражение к нашим целям, можно заметить, что даже о медицинском оборудовании в лечебном учреждении нельзя судить исключительно с точки зрения его диагностической полезности, ибо оно имеет также свою функцию в *риторическом антураже* медицины. Каким бы практически полезным ни был аппарат, он воздействует еще и на воображение. Если человека лечат преувеличенно полным набором всяких простукиваний, прослушиваний и анализов с помощью разнообразных «скопов», датчиков и измерительных приборов, он, возможно, будет доволен уже тем, что участвовал как пациент в таком театральном действе, хотя бы реально ему абсолютно не помогли, но тот же пациент может посчитать себя обманутым, получив реальное лечение, не сопровождаемое пышным сопутствующим представлением[26].

Само собой разумеется, что когда, в очень ограниченном смысле, поверенными в тайны (конфидентами) делают неколлег, кто-то из них обязательно окажется изменником.

Изменившие негласному обету профессионального молчания часто отстаивают определенную моральную позицию, утверждая, что лучше быть верным идеалам роли, чем лживо представлять себя в ней. Другой способ для коллеги выразить свое разочарование — это «пойти в народ» или стать вероотступником, не делающим ни малейшей попытки поддерживать общий представительский фасад профессии, чего ждут от него по занимаемому им положению его коллеги и публика. О таких уклонистах говорят, что они «позорят своих». Так, жители Шетландских островов, пытаясь предстать прогрессивными ферме-

[25] *Arrowsmith L. G.* The young doctor in New York // The American Mercury. Vol. 22. P. 1—10.

[26] *Burke K.* A rhetoric of motives. N.Y.: Prentice-Hall, 1953. P. 171.

рами в глазах приезжих из внешнего мира, испытывали известную враждебность к тому меньшинству арендаторов, которые явно не заботились о видимости, отказывались вовремя побриться или умыться, устроить перед домом палисадник или заменить соломенную крышу своего дома чем-то менее символичным для статуса традиционного крестьянина. Еще один подобный пример: в Чикаго действовала организация слепых ветеранов войны, которые настолько активно не желали смириться с уготованной им жалкой ролью, что колесили по городу, наводя справки о товарищах по несчастью, позоривших братство слепых попрошайничеством на городских улицах.

И последнее замечание о коллегиальности. Существуют такие коллегиальные группировки, членов которых внешний мир редко считает ответственными за достойное поведение друг друга. К примеру, матери в известных отношениях составляют группу «коллег», и все же преступления одной из них или позорящие ее откровения обычно не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на уважение, причитающееся остальным «коллегам» по материнству. В то же время, встречаются коллегиальные группировки более корпоративного характера, члены которых предстают в глазах других людей как нечто единое, и в этом случае добрая репутация одного практикующего коллеги зависит от приличного поведения других. Если со скандалом разоблачают кого-то одного — страдает общественная репутация всех. Причиной и следствием подобного коллегиального отождествления часто оказывается положение, когда члены группы коллективно представлены в единственной формальной организации, которой позволено выражать профессиональные интересы этой группы и дисциплинировать любого, кто угрожает подорвать определение ситуации, отстаиваемое другими членами коллегии. Такого рода коллеги явно образуют своеобразную команду, отличающуюся от обычных команд тем, что люди, составляющие ее аудиторию, не находятся в непосредственном контакте лицом-к-лицу и вынуждены сообщать друг другу свои реакции одновременно и однотипно, когда самого спектакля, который они наблюдали, уже нет. По тем же соображениям коллегу-изменника можно рассматривать как своеобразную разновидность предателя или перебежчика.

Выводы из этих фактов о коллегиальных группировках вынуждают нас немного видоизменить первоначальные рамки их определения. В него надо включить пограничный тип «слабой» аудитории, члены которой не имеют личных контактов друг с другом во время какого-то исполнения, но в конечном итоге так или иначе объединяют свои реакции на определенном исполнении, виденное ими независимо друг от друга. Коллегиальные группировки не являются, конечно, единственными множествами исполнителей, которые находят такого рода аудитории. Например, государственный департамент или министерство иностранных дел могут предписать новую официальную политическую линию дипломатам, рассеянным по всему миру. В строгом соблюдении этой линии, в тесном согласовании характера и времени своих действий эти дипломаты очевидно функционируют (или обязаны функционировать) как единая команда, ставящая единый спектакль в мировом масштабе. Но, конечно, в таких случаях отдельные члены аудитории не имеют непосредственных личных контактов друг с другом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОММУНИКАЦИЯ С ВЫХОДОМ ИЗ ПРЕДСТАВЛЯЕМОГО ХАРАКТЕРА

Когда две команды представляются друг другу для организации взаимодействия, члены каждой из команд склонны продолжать линию поведения, соответствующую их первоначальной заявке, то есть они стремятся, так сказать, выдерживать характер. Проявления закулисной фамильярности подавляются, чтобы не портить взаимную игру принятых поз и чтобы все участники чувствовали себя одной командой, где никому не дано играть в одиночку. Каждый участник взаимодействия обычно старается знать свое место и придерживаться его, соблюдая принятый для данного взаимодействия баланс формальных и неформальных компонентов поведения и распространяя это обращение на своих соратников по команде. Одновременно каждая команда старается подавить беспристрастный взгляд на себя и на другую команду, вырабатывая такие понятия себя и другого, которые были бы относительно приемлемы для соответствующего другого. Чтобы межкомандная коммуникация протекала по установленным, условно суженным каналам, каждая команда готова тактично, без лишних слов содействовать другой команде в подтверждении впечатления, которое та пытается создавать.

Конечно, в моменты больших кризисов внезапно может стать влиятельным новый набор мотивов и может резко увеличиться или уменьшиться установившаяся социальная дистанция между командами. Пример этого возьмем из исследования одной больничной палаты, где проводилось экспериментальное лечение добровольцев, страдавших расстройствами обмена веществ, о которых мало что было из-

вестно и с которыми мало что можно было сделать[1]. Ввиду особых исследовательских требований к пациентам и общего чувства безнадежности в связи с прогнозом лечения болезни, обычная резкая разделительная линия между врачом и пациентом смазалась. Доктора так уважительно и подробно обсуждали со своими пациентами симптомы болезни, что пациенты начали думать о себе отчасти как о научных сотрудниках. Но в общем, когда кризис заканчивается, прежний рабочий консенсус, чаще всего, восстанавливается, без лишних слов. Аналогично, во время внезапных перерывов в исполнении, особенно, когда вдруг открывается какая-нибудь ошибка в опознании личности, изображаемый характер может моментально рассыпаться, если исполнитель «забудется» и у него непроизвольно вырвется не предусмотренное ролью восклицание. Например, жена американского генерала рассказывает о таком инциденте, случившемся, когда они с мужем, одетым в гражданское, ехали летним вечером в открытом армейском джипе:

Мы услыхали скрежет тормозов, когда джип военной полиции оттеснил нас к краю дороги. Полицейские вышли и зашагали к нам.

— Вы едете в правительственной машине и везете даму, — набросился на мужа самый крутой из солдат. — Ваш путевой лист!

В армии, конечно, никому не положено водить военный транспорт без проездных документов, где указано, кто дал разрешение на использование джипа. Этот солдат был очень пунктуальным и стал требовать еще и водительское удостоверение Уэйна — другой военный документ, который он должен был иметь при себе.

Уэйн, конечно, не имел ни того, ни другого. Но при нем была его четырехзвездная форменная пилотка, лежавшая на заднем сидении. Он спокойно, но быстро надел ее на голову, в то время как полицейские копались в своем джипе, отыскивая нужные пункты, на основании которых они собирались предъявить мужу обвинение за каждое нарушение инструкций. Наконец, они нашли их, повернулись к нам и замерли на полпути с разинутыми ртами.

Четыре звезды!

Прежде чем он смог обдумать что-либо, первый солдат, который вел весь разговор, воскликнул: «О, Господи!» И, по-насто-

---

[1] *Fox R. C.* A sociological study of stress: Physician and patient on a research ward / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Social Relations. Radcliffe College, 1953.

ящему испуганный, хлопнул себя ладонью по губам. Потом он сделал отважную попытку с честью выпутаться из скверного положения, добавив: «Я не узнал Вас, сэр»[2].

Можно отметить, что в англо-американском обществе восклицания типа «Бог мой!», «О, Господи!» или их разукрашенные эквиваленты часто служат признанием исполнителя, что он на мгновение оказался по собственной вине в положении, в котором заведомо нельзя сохранить никакой представляемый характер. Такие выражения — это крайняя форма межличностной коммуникации с выходом исполнителя из представляемого им характера или роли, и все же они стали столь общепринятыми, что выступают чуть ли не как официальное прошение о снисходительности на том основании, что в этой жизни все мы бываем неудачными исполнителями.

Подобные кризисы, однако, составляют исключения. Правилом же являются некий рабочий консенсус и знание своего места на людях. Но под поверхностью этого типичного джентльменского соглашения проходят более обыкновенные, но менее очевидные потоки коммуникации между людьми. Если бы эти потоки были не подводными, если бы содержащиеся в них мысли вместо скрытой передачи сообщались бы официальными путями, то передаваемая информация противоречила и подрывала бы определение ситуации, официально изображаемое участниками взаимодействия. При изучении какого-либо социального образования, почти всегда обнаруживаются такие противоречивые настроения. Они показывают, что хотя исполнитель может действовать так, словно его реакция на некоторую ситуацию была скоропалительной, бездумной и спонтанной, и хотя он сам может думать об этом именно так, все же всегда есть вероятность возникновения ситуаций, в которых он даст понять одному или нескольким присутствующим, что его представление — это всего лишь спектакль и больше ничего. В таком случае наличие коммуникации с выходом из представляемого характера — это еще один аргумент в пользу уместности изучения феномена исполнений в категориях командных действий и их потенциальных нарушений. Можно повторить, что при этом нет

[2] *Clark M. (Mrs).* Capitan's bride, general's lady. N.Y.: McGraw-Hill, 1956. P. 128—129.

никаких оснований считать, будто скрытые коммуникации отражают реальную действительность лучше, чем официальные коммуникации, с которыми они несовместимы: как правило, исполнитель участвует в обоих родах коммуникации, и этим двуединым участием надо тщательно управлять, чтобы не ставить под сомнение официальные определения ситуаций взаимодействия. Из многих типов коммуникации, в которых участвует исполнитель и которые передают информацию, несовместимую с официально поддерживаемым во время взаимодействия впечатлением, в настоящей главе будут рассмотрены четыре: обсуждение отсутствующих, сценические разговоры, командный сговор и перестроения по ходу исполнения.

ОБСУЖДЕНИЕ ОТСУТСТВУЮЩИХ

Когда члены какой-либо команды уходят за кулисы, где аудитория не может видеть и слышать их, они довольно регулярно высмеивают ее так, что это несовместимо с трактовкой аудитории при встречах с нею лицом к лицу. К примеру, в сфере обслуживания клиентов, с которыми уважительно обращаются во время исполнения, их часто осмеивают, о них сплетничают, их окарикатуривают, проклинают и критикуют, когда исполнители оказываются за кулисами. Там же могут разрабатываться планы «надувательства» клиентов, «подходов» к ним, или их умиротворения[3]. Так, на кухне Шетланд-отеля едва слуги оказывались в зоне, не доступной для зрения и слуха клиентов, постояльцев регулярно называли уменьшительными кличками, их речь, интонацию и манеру старательно передразнивали для забавы и для критики, их причуды, слабости и общественное положение обсуждались с академической и клинической обстоятельностью, их просьбы о маленьких услугах встречались преувеличенными комическими гримасами и проклятьями. Эти невидимые оскорбления вполне уравновешивались поведением гостей в их собственном кругу, когда персонал отеля заглазно обзывали ленивыми свиньями, примитивными типами с растительным

[3] См., например, моноисследование о магазине «Центральная галантерея»: Human relations in administration / Ed. by R. Dubin. N.Y.: Prentice-Hall. 1951. P. 560—563.

образом жизни, алчными до денег скотами и т. п. И все-таки, разговаривая друг с другом напрямую, персонал и гости проявляли взаимное уважение и некоторую доброжелательность. Точно так же, немного найдется случаев дружеских отношений, когда мнения о друге, высказанные за его спиной, хоть раз не противоречили бы тому, что высказывалось ему в лицо.

Иногда, конечно, происходит нечто противоположное поношению, и исполнители превозносят свою аудиторию так, как они не стали бы этого делать в присутствии аудитории. Но тайное поношение, по-видимому, гораздо более обычное явление, чем тайное превозношение, возможно, потому что такое поношение служит поддержанию солидарности команды, демонстрируя взаимную приязнь за счет отсутствующих и, вероятно, компенсируя ту потерю самовыражения, которая может случиться, если приходится ублажать аудиторию услужливым обращением с нею в личном общении.

Можно выделить два обычных способа принижения отсутствующей аудитории. Первый, когда исполнители находятся в зоне, где они появляются перед аудиторией, и когда аудитория уже отбыла или еще не прибыла, эти исполнители иногда разыгрывают что-то вроде сатиры на свое взаимодействие с этой аудиторией, причем некоторые члены команды принимают роль аудитории. Франсис Донован, например, так описывал источники веселья, доступные продавщицам:

> Но если девушки не заняты, они недолго остаются порознь. Некая неодолимая сила притягивает их друг к другу снова. При любой возможности они играют в «покупателя» — игру, которую они сами придумали и от которой, по-видимому, никогда не устают, игру, выше которой по карикатурности и комизму я никогда не видывал ни на какой профессиональной сцене. Одна из девушек ведет партию продавщицы, другая — покупательницы, подбирающей себе платье, и вместе они разыгрывают номер, что восхитил бы публику из любителей водевилей[4].

Похожая ситуация отмечена Денисом Кинкейдом при анализе социальных контактов туземцев с англичанами в ранний период британского правления в Индии:

---

[4] *Donovan F.* The saleslady. Chicago: University of Chicago Press, 1929. P. 39.

Если молодые чиновники из туземцев находили мало удовольствия в этих развлечениях своих хозяев (ибо все удовольствие, какого они пожелали бы себе в иное время, без англичан, заключалось в милостивом обхождении самого Раджи и остроумии госпожи Калиани), то им было также нелегко наслаждаться и собственной компанией, пока не уходили гости. Тогда следовало развлечение, о котором знали очень немногие английские гости. Двери запирались и девушки-танцовщицы, как все индианки, превосходно владевшие мимикой, начинали передразнивать скучных гостей, которые только что ушли, и неприятное напряжение прошедшего часа растворялось во взрывах счастливого смеха. И пока английские фаэтоны с грохотом мчались домой, Раджи и Калиани сами могли пожелать вырядиться в карикатурные английские костюмы и исполнить с нескромными преувеличениями восточную версию английских танцев, чьи менуэты и контрдансы которых, столь невинные и естественные в глазах англичан, столь отличные от соблазнительных поз индийских профессиональных танцовщиц, казались индусам верхом непристойности[5].

Среди прочего, такое поведение, по-видимому, обеспечивает своеобразное ритуальное принижение и опрощение (профанацию) данной передней зоны и данной аудитории[6].

Второй способ принизить отсутствующую аудиторию часто проявляется в последовательном расхождении между официальной и неофициальной формами обращения. В присутствии членов аудитории исполнители обычно употребляют любезную форму обращения к ним. В американском обществе это требует или вежливо-формальных титулов таких, как «сэр», «мистер» или слов, выражающих теплую близость, таких, как уменьшительные имена или прозвища (формальность или неформальность обращения обусловлена пожеланиями того лица, к кому обращаются). В отсутствии аудитории ее представителей называют чаще всего просто по фамилии без почтительных приста-

[5] *Kincaid D.* British social life in India, 1608—1937. L.: Routledge, 1938. P. 106—107.

[6] Можно упомянуть еще одну похожую тенденцию. В некоторых учреждениях, разделенных на ранговые зоны, во время перерыва на обед наблюдается наиболее частое нарушение установленного социального порядка, когда каждый передвигается в какую-то не свою зону, чтобы поесть или расслабиться на несколько минут в послеобеденной болтовне. Кратковременное обладание в ходе таких перемещений рабочими местами своего начальства предоставляет, видимо, наряду с другими возможностями и благоприятную возможность так или иначе профанировать эти места.

вок, по имени, хотя это не пристало данному лицу, пускают в ход прозвища или пренебрежительную интонацию в произношении полного имени. Иногда членов аудитории наделяют даже не пренебрежительными именами, а условными кличками, которые целиком отождествляют их с какой-то абстрактной категорией. Так, доктора́ в отсутствии пациента могут величать его «этот сердечник» или «аллергик», парикмахеры приватно именуют своих клиентов «поголовьем» или «баранами» и т. п. Подобно этому членов аудитории в их отсутствии могут определять каким-то коллективным понятием, сочетающим в себе дистанцирование от них и пренебрежение к ним, что допускает раскалывание аудитории на «внутреннюю» и «внешнюю» группы, на «своих» и «несвоих». Так, музыканты между собой могут называть слушателей «лопухами»; служащие-девушки из коренных американок втайне могут обозначать своих коллег из беженцев аббревиатурой «НБ»[7]; американские солдаты, тоже по секрету, могут обзывать английских солдат, с которыми они сотрудничают, «лимонниками»[8]; разносчики на карнавалах краснобайствуют перед людьми, которых про себя ругают деревенщиной, туземцами или провинциалами; евреи разыгрывают рутинные партии родного общества перед аудиторией, именуемой «гоим» (язычниками); а негры между собой иногда называют белых такими сленговыми словечками, как «ofay»*. В прекрасном исследовании воровских

[7] Немецкие беженцы. См.: *Gross E.* Informal relations and the social organization of work in an industrial office / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1949. P. 186.

[8] См.: *Glaser D.* A study of relations between British and American enlisted men at «SHAEF» / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1947. 16, где читаем: «Словечко "limey" (приблизительно: "лимонник") [Эта кличка возникла из былой практики обязательного употребления сока цитрусовых английскими моряками для профилактики цинги — *(Прим. пер.)*], используемое американцами вместо "англичанин", в общем употреблялось с пренебрежительными оттенками смысла. Обычно американцы воздерживались от его употребления в присутствии англичан, хотя последние, как правило, не знали, что оно значит, или не придавали ему уничижительного смысла. Фактически, осторожность в этом отношении была очень похожа на поведение североамериканских белых, которые между собой пользовались выражением "ниггер", но избегали употреблять его в лицо негру. Этот феномен воздержания от оскорбительных кличек — безусловно общая черта этнических взаимоотношений, в которых преобладают ограниченные, четко определенные контакты».

* Белый человек *(сленг американских негров) (Прим. перев.).*

шаек карманников Дэвида Морера отмечено сходное явление:

Карманы простаков важны карманнику постольку, поскольку в них есть деньги. И фактически карман стал символическим обозначением и самого простака, и его денег, так что жертву очень часто (а возможно и преимущественно) называют «карманом», нередко уточняя кличку по виду кармана, взятого в определенное время или в определенном месте: «левый задник», «шкерован» (брючный карман), «нутряк», «скулован» (боковой карман) и пр. Практически о простаке-лохе рассуждают исключительно в категориях того кармана, который у него обчистили, и вся шайка разделяет это представление о нем[9].

Возможно, самое сильное из всех выражение отчужденности проявляется в ситуации, когда некто просит, чтобы его называли фамильярно-простецки, как своего, и ему, проявляя терпимость, идут навстречу, но заглазно этого человека упорно величают с соблюдением всех формальностей. Так, на Шетландских островах просьбу гостя, который уговаривал местных хуторян называть его просто по имени, при личном общении с ним иногда уваживали, однако формальный способ выражения в закулисных разговорах о нем снова отбрасывал его в то положение, которое всеми ощущалось как настоящее его место.

Кроме двух уже описанных стандартных способов, которыми исполнители «опускают» свои аудитории: издевательского розыгрыша ролей членов этих аудиторий и нелестного обращения к ним, есть и другие. Когда на исполнении нет ни одного члена аудитории, участники команды могут относиться к некоторым аспектам своей обычной рутины цинично или чисто технически, усиленно доказывая самим себе, что их внутреннее ви́дение собственной деятельности отличается от картины, которую они изображают для своей аудитории. Когда участники команды предупреждены о приближении своей аудитории, они могут намеренно задерживать начало своего исполнения до самой последней минуты, так что публика едва не застает мимолетную картинку закулисной жизни команды. Точно так же, команда может моментально расслабиться, как только публика удалится. Этим намеренно резким вклю-

[9] *Maurer D. W.* Whiz Mob. Gainesville (Flor.): American Dialect Society, 1955. P. 113.

чением в игру или выходом из нее команда в каком-то смысле способна заражать и опошлять аудиторию своим закулисным поведением, или выражать возмущение против обязанности поддерживать перед нею спектакль, или подчеркивать глубину различий между командой и аудиторией — и делать все это не будучи уличенной этой аудиторией. Еще один типовой выпад против отсутствующих проявляется в вышучивании и высмеивании члена команды, когда он покидает (или только выражает желание покинуть) своих соратников по команде, собирается возвыситься или пасть по сравнению с ними, или буквально перебежать в ряды аудитории. В таких случаях члена команды, который только еще готовится уйти, могут третировать так, словно бы он уже стал перебежчиком, и его (а по логике соучастия в событии заодно и аудиторию) могут безнаказанно осыпать бранью или больше не церемониться с ними. Агрессия в отношении отсутствующих проявляется и тогда, когда кого-то официально переводят из аудитории в команду. При этом такого человека тоже могут вышучивать и устраивать ему «тяжелые времена» по тем же основаниям, что и тогда, когда кто-то уходит из команды[10].

Рассмотренные выше способы принижения отсутствующих высвечивают тот факт, что о людях относительно хорошо говорят, встречаясь с ними лицом к лицу, и относительно плохо за их спинами. По-видимому, это одно из основных обобщений, которое можно сделать о взаимодействии, но объяснение этому не следует искать в свойствах нашей чересчур растяжимой человеческой природы. Как сказано ранее, закулисное поношение аудитории служит поддержанию определенного морального состояния команды. Когда аудитория присутствует, осмотрительное обращение с ее людьми необходимо не ради их самих или не только ради их самих, но и для того, чтобы обеспечить продолжительность мирного и упорядоченного взаимодействия. «Действительные» чувства исполнителей к члену аудитории (будь то положительные или отрицательные), по всей видимости, почти не имеют здесь значения, ни как

[10] Кеннет Берк при социальном анализе положения инициативного индивида использовал ключевое слово «насмешка». См.: *Burke K.* A rhetoric of motives. N.Y.: Prentice-Hall, 1953. P. 234 ff.

определяющий фактор обращения с ним при личных встречах, ни как фактор отношения к нему в его отсутствие. Может быть и верно, что закулисная деятельность часто принимает форму некоего военного совета, но когда две команды встречаются на поле взаимодействия, то похоже, они вообще встречаются не для мира и не для войны. При наличии временного перемирия, известного рабочего соглашения они встречаются, чтобы каждому делать свое дело.

СЦЕНИЧЕСКИЕ РАЗГОВОРЫ

Когда участники команды находятся вне поля зрения аудитории, разговоры между ними часто вращаются вокруг проблем сценической постановки, инсценирования. Поднимаются вопросы о состоянии знакового снаряжения; предварительно вынашиваются и проясняются собравшимися членами команды установки, линии поведения и позиции; анализируются достоинства и недостатки доступных команде передних зон действия; рассматриваются размер и характер возможных аудиторий, годных для данного представления; обсуждаются прошлые провалы в исполнении и вероятность провалов в будущем; передаются новости о командах коллег; прием, оказанный чьему-то последнему исполнению, обдумывается так сказать post mortem*; зализываются раны и укрепляется моральный дух для следующего исполнения.

Сценические разговоры, когда их называют другими терминами, такими, как «сплетни», «кухня», «цеховой разговор» и т. п. — это довольно банальное понятие. Оно выделено здесь, поскольку помогает заметить факт, что люди с очень разными социальными ролями живут в одинаковой атмосфере драматургического опыта. Разговоры комедиантов и ученых совершенно различны, но их беседы об антураже своих разговоров очень похожи. На удивление одинаково, перед разговором с аудиторией все ораторы обсуждают со своими друзьями, что выдержит и чего не выдержит данная аудитория, что будет и что не будет для нее обидой; после выступления все ораторы рассказывают

* Посмертно (*лат.*) (*Прим. перев.*).

друзьям о характере зала, в котором они говорили, о характере аудитории, которую они привлекли, и о полученном ими приеме. Сценические разговоры уже упоминались при обсуждении закулисной деятельности и коллегиальной солидарности и не требуют дополнительных пояснений.

КОМАНДНЫЙ СГОВОР

Когда человек передает что-то во время взаимодействия, мы ожидаем, что он будет общаться с другими только, так сказать, устами того персонажа, который выбран им для публичного исполнения, открыто адресуя свои замечания всем участникам взаимодействия, в следствие чего все присутствующие лица равны в качестве получателей сообщения. Так, например, перешептывание часто считается неуместным и запрещается, ибо оно может разрушить впечатление, что исполнитель есть только то, чем он кажется, а явления таковы, какими он их представил[11].

Несмотря на общее ожидание, что все сказанное исполнителем будет соответствовать определению ситуации, выношенному им, он может-таки передать за время взаимодействия и многое другое, что выходит за рамки представляемого им характера, причем передать это таким образом, что аудитория в целом не сумеет уловить в переданном ничего, не согласного с принятым определением ситуации. Лица, причастные к этой секретной коммуникации, оказываются в отношениях сговора друг с другом vis-a-vis остальных. Признаваясь друг другу в хранении соответствующих секретов от остальных присутствующих, они тем самым признаются, что спектакль искренности, поддерживаемый ими, спектакль бытия, состоящего только из официально изображаемых характеров, — это и в са-

[11] В развлекательных играх, совещания шепотом могут рассматриваться как приемлемые, аналогично совещаниям перед такими аудиториями, как дети или иностранцы, в присутствии которых почти не нужна особая предусмотрительность. В общественных собраниях, в которых кучки или кружки из разных лиц поддерживают свои обособленные разговоры на виду друг у друга, участники каждого такого кружка часто прилагают некоторые усилия, чтобы выглядеть так, как если бы то, что они говорят, *могло быть* сказано и в других кружках, — пусть даже на самом деле такое невозможно.

мом деле просто спектакль. Благодаря такой побочной игре, исполнители даже во время исполнения могут укреплять закулисную солидарность между собой, безнаказанно высказывая неудобные истины о своей аудитории, а заодно и такие откровения о себе, которые показались бы неприемлемыми аудитории. Я буду называть ***командным сговором*** любую обусловленную тайным соглашением коммуникацию, которая осторожно осуществляется таким образом, чтобы не угрожать иллюзии, созидаемой для данной аудитории.

Важным видом командного сговора является система секретных сигналов, посредством которой исполнители могут тайком получать или передавать нужную информацию, просить о помощи и других вещах, имеющих отношение к успешному представлению исполнения публике. Как правило, эти сценические намеки исходят от распорядителя исполнения или обращены к нему, и владение таким тайным языком сильно упрощает его задачу управления производством впечатлений. Реплики часто связывают непосредственных исполнителей с их закулисными помощниками или режиссерами. Так, с помощью ножной сигнализации хозяйка гостиницы может давать указания своему кухонному персоналу, в то же время ведя себя так, словно она полностью поглощена застольной беседой. Аналогично, во время радио- и телепостановок, люди в аппаратной, руководящие исполнителями (особенно в отношении времени их вступления в действие), используют некий словарь знаков, не позволяя аудитории обнаружить, что кроме коммуникации, в которой официально участвуют исполнители и аудитория, дополнительно действует и система контроля коммуникации. По тем же соображениям в деловых учреждениях руководители, заинтересованные в скором и тактичном прекращении частных интервью, учат своих секретарш обрывать эти интервью в нужное время и с надлежащими извинениями. Еще один пример контрольного сигнала можно взять из обычной практики при продаже обуви в Америке. Иногда покупателя, желающего приобрести туфли чуть больше или чуть шире, чем имеется в продаже, ублажают следующим образом:

Чтобы создать у покупателя впечатление успешной примерки, продавец может сказать ему, что мол собирается растянуть

эту пару на *колодке тридцать четвертого размера.* Эта фраза говорит упаковщику, что на самом деле растягивать туфли не надо, а надо упаковать их как есть, просто предварительно недолго подержать под прилавком[12].

Сценические реплики-намеки используются, конечно, и для сообщений между исполнителями и их подсадной уткой или союзником в аудитории, как в случае «перепалки» между уличным торговцем и его подставным человеком среди окружающих простофиль. Но наиболее распространены такие сигнальные реплики среди участников команды, занятых в представлении: фактически, весомость этих реплик дает нам лишний довод в пользу применения понятия команды вместо анализа взаимодействия в категориях индивидуального исполнения любого образца. Командный сговор такого рода играет важную роль в управлении производством впечатлений в американских магазинах. Продавцы в данном отдельно взятом магазине обычно вырабатывают собственные сигналы для управления исполнением, представляемым покупателю, хотя отдельные термины в их словаре, по-видимому, относительно стандартизированы и в той же форме встречаются во многих магазинах по всей стране. Когда продавцы, как бывает порой, принадлежат к одной иноязычной группе, они могут использовать свой второй язык для секретных сообщений — тот же прием практикуют родители, выясняющие отношения в присутствии детей, и представители образованных классов, разговаривая друг с другом по-французски о предметах, не предназначенных для ушей их детей, прислуги или торговцев. Однако такая тактика, подобно шепоту при гостях, считается грубой и невежливой: можно хранить секреты, но не показывать виду, что эти секреты охраняются. Используя подобные средства участники команды вряд ли смогут поддерживать свой представительский передний план в сочетании с видимостью искренней заботы о покупателе (или откровенности перед детьми и т. п.). Безобидно звучащие фразы, о которых покупатель думает, что понимает их до конца, продавцам говорят гораздо больше. Например, если покупательница в обувном магазине очень хочет, скажем, пару с полнотой «Б», про

[12] *Geller D.* Lingo of the shoe salesman // American Speech. Vol. 9. P. 285.

давец может с помощью коллеги убедить ее, что ей предлагают именно то, что нужно:

...первый продавец просто подзовет другого из прохода между стеллажами и спросит: «Бенни, какого размера эти туфли?». Называя второго продавца «Бенни», он сигнализирует, что в ответе относительно полноты должно прозвучать «Б»[13].

Занимательная иллюстрация такого сговора содержится в статье Луизы Конант о доме мебели «Боракс»:

Теперь, когда покупательница в магазине, допустить, что ей нчего не удастся всучить?! Возможные причины: то цена ей слишком высока, то она должна посоветоваться с мужем, то она ходит по магазинам просто так. Позволить ей праздно гулять (и улизнуть от покупки) считается предательством в Доме Боракс. Поэтому ближайший продавец посылает сигнал SOS нажатием одной из многочисленных ножных кнопок в прилавке. В мгновение ока на сцену является «управляющий», поглощенный осмотром мебельного гарнитура и совсем не обращающий внимания на Аладдина, который его вызвал.

«Извините, мистер Диксон, — говорит продавец, симулируя робость и видимую неохоту беспокоить столь занятую особу. — Нельзя ли что-нибудь сделать для моей клиентки. Она находит цену этого гарнитура слишком высокой. Мадам, это наш управляющий, мистер Диксон».

Мистер Диксон внушительно прочищает горло. Ростом он добрых шести футов, волосы у него серо-стальные и на лацкане пиджака масонская булавка. По его виду никто не скажет, что он всего лишь рядовой человек команды, специальный продавец, кому передают трудных покупателей.

«Так, — говорит мистер Диксон, потирая хорошо выбритый подбородок, — Понятно. Вы можете идти работать Беннет. Я сам позабочусь о мадам. Сейчас я как раз не так занят».

Первый продавец исчезает с лакейским поклоном, хотя он же потом задаст мистеру Диксону головомойку, если тот упустит возможную продажу[14].

Описанная в этом примере практика «перепасовки» покупателя другому продавцу, который принимает на себя роль управляющего, по-видимому, довольно обычна во многих заведениях розничной торговли. Подтверждением этому служит другой пример, взятый из работы Чарлза Миллера о языке продавцов мебели:

---

[13] *Geller D.* Lingo of the shoe salesman // American Speech. Vol. 9. P. 284.
[14] *Conant L.* The Borax House // The American Mercury. Vol. 17. P. 174.

Вопрос: «Назовите мне номер товарного артикула» — это в действительности вопрос о цене данного товара. Ожидаемый ответ зашифрован. Этот шифр повсеместно применяется в Соединенных Штатах и передает нужную информацию простым удвоением стоимости товара, причем продавец знает, какой процент прибыли надо прибавить к полученной цифре[15].

Словечко verlier используют как команду..., означающую «исчезни!» Она применяется, когда один продавец хочет дать знать другому, что его присутствие мешает продаже[16].

В полузаконных и испытывающих большие трудности периферийных областях нашей коммерческой жизни совсем не редкость обнаружить такое использование членами одной команды явно выученного специального словаря, с помощью которого можно передавать информацию решающего значения для успеха спектакля. В респектабельных кругах шифры такого рода скорее всего не столь распространены[17]. Однако можно предположить, что участники команды неформально и часто бессознательно всюду используют усвоенный язык жестов и взглядов для передачи нужных сценических намеков по предварительному сговору.

Иногда эти неформальные намеки или «тайные знаки» начинают какую-то новую фазу в исполнении. Так, «в компании», тонкими оттенками в тоне голоса или переменой позы муж способен дать понять своей жене, что им обоим определенно пора прощаться. Супружеская команда может поддерживать видимость единства действий, которое кажется стихийным, но на деле часто предполагает строгую дисциплину. Порой используются сигналы, которыми один исполнитель в состоянии предупредить другого, что тот начинает действовать невпопад. Толчок ногой под столом или прищуривание глаз стали комическими при-

[15] *Miller Ch.* Furniture lingo // American Speech. Vol. 6. P. 128.

[16] Ibid. P. 126.

[17] Конечно, в респектабельных учреждениях найдутся и исключения, особенно в области отношений «босс—секретарь». К примеру, справочник по этикету рекомендует: «Если вы делите один кабинет с вашей секретаршей, вам придется условиться с нею о сигнале, означающем, что ей надо выйти, чтобы вы поговорили с посетителем наедине. Вопрос: “Не оставите ли вы нас на время одних, мисс Смит?” — смутит хоть кого. Во всех отношениях удобнее, если вы передадите то же пожелание заранее подготовленной условной фразой, что-то вроде: “Посмотрите, пожалуйста, можно ли уладить это дело с отделом торговли, мисс Смит?”» (Esquire Etiquette. Philadelphia: Lippincott, 1953. P. 24).

мерами таких сигналов. Аккомпаниатор на фортепьяно предлагает незаметный для посторонних способ возвращения в нужную тональность фальшивящих певцов на публичном концерте:

Он [аккомпаниатор] делает это играя на полтона выше, так что его интонация начнет сверлить певцу уши, перекрывая или скорее прорезая его голос. Возможно, одна из нот в фортепьянном аккорде будет той самой нотой, которую должен был петь певец, и потому аккомпаниатор делает ее доминантной. Если эта верная фактическая нота не прописана в партии фортепьяно, ему следует добавить ее в скрипичном ключе, где она будет звучать громко и ясно для слуха певца. Если последний поет на четверть тона выше или на четверть тона ниже, то ему надо будет очень постараться, чтобы продолжать петь не в тон, особенно когда аккомпаниатор сопровождает вокальную партию в течение целой музыкальной фразы. Однажды заметив сигнал опасности, аккомпаниатор и дальше будет настороже, время от времени озвучивая вспомогательную певческую ноту[18].

Джеральд Мур продолжает рассказывать о чем-то таком, что применимо ко многим видам исполнений:

Чуткому певцу достаточно тончайших намеков от партнера. В действительности они могут быть настолько тонки, что даже сам певец, извлекая из них пользу, не будет воспринимать их вполне осознанно. Менее чуткому певцу понадобятся более выразительные и потому более заметные сигналы[19].

Еще один пример возьмем из советов Х. Э. Дейла относительно того, как государственным служащим можно намекать своему министру во время совещания, что он выбрал сомнительный путь:

В ходе обмена мнениями вполне возможно появление новых и непредвиденных точек зрения. Если государственный служащий увидит на заседании правительственной комиссии, что его министр берет курс, который сам подчиненный считает ошибочным, он не станет высказываться так категорично, а предпочтет либо наспех набросать министру записку, либо деликатно выдвинуть на первый план какой-то факт или положение, изображая это лишь незначительным видоизменением точки зрения самого министра. Опытный министр сразу увидит красный свет и плавно даст задний ход или, по меньшей мере, отложит обсуждение. Отсюда ясно, что смешанное участие министров и ря-

[18] *Moore G.* The unashamed accompanist. L.: Methuen, 1943.
[19] *Moore G.* Op. cit.

довых государственных служащих в заседаниях какой-нибудь комиссии требует иногда известной тактичности и быстроты соображения от обеих участвующих сторон[20].

Очень часто неформальные сценические реплики предупреждают участников команды, что в зоне их присутствия внезапно появилась посторонняя публика. Так, в Шетланд-отеле, когда постоялец достаточно приближался, чтобы незваным гостем вступить на территорию кухни, первый кто его замечал обычно с особой интонацией либо окликал по имени кого-нибудь другого из присутствующего персонала, либо употреблял собирательный клич, типа «братцы!», если в этот момент на кухне было несколько своих людей. По этому сигналу мужчины снимали кепи с головы, ноги со стульев, женщины приводили свои конечности в более пристойное положение и все присутствующие вымученно готовились к вынужденному представлению. Хорошо известен предупредительный номер, которому учат официально, — это визуальный сигнал, используемый в радиовещательных студиях. Их работники читают его буквально или символически: «Вы в эфире!». Об одном таком же ясном сигнале сообщает сэр Фредерик Понсонби:

Королева [Виктория] часто засыпала во время этих беспокойных поездок, и чтобы ее в таком виде не увидела толпа в каком-нибудь селении, я, завидев впереди большую толпу, обычно пришпоривал свою лошадь, заставляя удивленное животное подскочить и так или иначе нашуметь. Принцесса Беатриса знала, что это всегда означало толпу, и если королева не просыпалась от моего шума, принцесса будила ее сама[21].

Многим, конечно, случалось стоять на стреме, оберегая такое же временное расслабление многих других категорий исполнителей, как показывает пример из исследования Катрин Арчибальд о работе на корабельной верфи:

Временами, когда работа особенно затихала, я сама стояла на страже при дверях инструментального сарайчика, готовая предупредить о приближении надзирателя или какой-нибудь шишки из дирекции, пока девять или десять мелких начальников и рабочих изо дня в день играли в покер со страстным увлечением[22].

[20] *Dale H. E.* The higher civil service of Great Britain. Oxford: Oxford University Press, 1941. P. 141.

[21] *Ponsonby F.* Recollections of three reigns. Eyre & Spottiswoode, 1951.

[22] *Archibald K.* Wartime shipyard. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1941. P. 194.

Поэтому в жизни не редки типичные сценические сигналы, говорящие исполнителям, что опасность миновала и наконец возможно ослабление представительского фронта. Другие предупредительные сигналы говорят исполнителям, что хотя все кажется в порядке, дабы позволить себе отпустить тормоза, но в действительности среди своих присутствуют люди из публики, делая неразумным такое поведение. В преступном мире предупреждения типа, что мол «легавые» уши подслушивают или «легавые» глаза подглядывают так важны, что имеют специальные наименования, означающие подачу определенных знаков. Такие знаки, разумеется, могут сообщать и непреступной команде, что некий невинно выглядящий член аудитории на самом деле сыщик, или соглядатай от других фирм, или человек, который в каких-то других отношениях больше или меньше того, чем он кажется.

Для любой команды — даже для семьи, к примеру — было бы трудно управлять впечатлениями, какие она создает, без такого набора предупреждающих сигналов. Вот что говорится об этом в воспоминаниях о совместной жизни матери и дочери в одной комнате в Лондоне:

По дороге я стала тревожиться об удаче нашего обеда, раздумывая, как моя мать примет Скотти [коллегу-маникюршу, которую мемуаристка в первый раз ведет к себе домой] и что Скотти подумает о моей матери, и потому как только мы вступили на лестницу, я начала говорить громким голосом, чтобы предупредить мать, что я не одна. По сути это был настоящий сигнал, условленный между нами, ибо когда два человека живут в единственной комнате, не стоит и говорить о том, какой беспорядок мог открыться глазам неожиданного гостя. Почти всегда какая-нибудь кастрюля или грязная тарелка торчала там, где ее не должно было быть, либо чулки или юбка сушились над печкой. Мать, предупрежденная повышено громким голосом своей неугомонной дочери, металась во все стороны как цирковой жонглер, пряча то сковородку, то тарелку, то чулки, а потом превращалась в какую-то статую замороженного достоинства, очень спокойную, полностью готовую к приему посетителя. Если она убирала вещи в слишком большой спешке и забывала что-то очень заметное, я могла видеть, как ее неусыпный взор бдительно следит за неприбранным предметом и ждет, чтобы я поправила дело, не привлекая внимания посетительницы[23].

[23] *Henrey R. (Mrs).* Madeleine grown up. N.Y.: Dutt, 1953. P. 46—47.

К этому можно добавить, что чем бессознательнее выучиваются и используются такого рода сигналы, тем легче будет участникам команды скрывать даже от самих себя, что они фактически действуют именно как команда. Ранее упоминалось, что даже по отношению к собственным членам, команда может быть секретным обществом.

В связи с идеей сценических реплик-намеков можно предположить, что команды разрабатывают и способы передачи расширенных вербальных посланий друг другу таким образом, чтобы защитить проецируемое на других впечатление, могущее быть подорванным в случае, если бы аудитория вдруг поняла, что у нее на глазах происходит передача подобной информации. Это можно пояснить еще одним примером из практики британской государственной службы:

Совершенно другое дело, когда госслужащего посылают наблюдать за прохождением законопроекта через парламент, или участвовать в дебатах в любой из палат. Он не имеет права говорить от собственного лица — он может лишь снабжать министра материалами и предложениями и надеяться, что тот хорошо их использует. Вряд ли нужно подробно расписывать, как министра заранее тщательно «осведомляют» перед каждой положенной ему речью, например, на втором и третьем чтениях важного законопроекта или на представлении годовых смет данного министерства: для таких случаев министра снабжают обстоятельными записками по каждому имеющему вероятность возникнуть вопросу, даже приличествующими официальному обиходу анекдотами и шутками «для легкой разрядки». Сам министр, его личный секретарь и непременный секретарь министерства тратят, вероятно, массу времени и труда, отбирая из этих записок наиболее выигрышные пункты, располагая их в наилучшем порядке и придумывая впечатляющее, ударное заключение. Все это не очень волнительно и для министра и для его подчиненных чиновников, так как делается в спокойной обстановке и с достаточным запасом времени. Ключевой момент настает при заключительном выступлении в конце дебатов. Там министр должен в основном полагаться на самого себя. Правда, государственные служащие, сидя с терпеливым вниманием в маленькой галерее справа от спикера палаты общин или при входе в палату лордов, успевают записать неточности и искажения фактов, ложные выводы, свидетельства недопонимания правительственных предложений и тому подобные слабости в доводах ораторов оппозиции, но трудность часто в том, как доставить эти боеприпасы на линию огня. Время от времени личный

парламентский секретарь министра будет вынужден вставать со своего места, расположенного сразу за креслом шефа, осторожно пробираться к служебной галерее и шепотом переговариваться с присутствующими государственными служащими; иногда министру передадут записку; очень редко он сам появится на минутку среди своих и задаст какой-нибудь вопрос. Все эти маленькие междусобойные переговоры-коммуникации вынужденно проходят на глазах у палаты, а ни один министр не хочет выглядеть как актер, который не знает своей роли и требует подсказок[24].

Деловой этикет, вероятно больше интересующийся стратегическими, чем моральными секретами, предлагает такие наставления:

...Храните в секрете цель вашего телефонного разговора, если его может слышать посторонний. Если вы получаете сообщение по телефону от кого-то со стороны и хотите быть уверены, что поняли его правильно, не повторяйте, как это делается обычно, сути сообщения сами, но вместо этого попросите собеседника повторить сказанное и попросите так, чтобы ваш тон не оповестил всех присутствующих о возможно личном характере сообщения.

...Прячьте ваши бумаги до прихода чужого посетителя, или заведите привычку держать их в папках или под чистым листом бумаги.

...Если вам надо переговорить с кем-то в вашей организации, когда с ним рядом находится посторонний, или любой человек, не имеющий отношения к вашему сообщению, сделайте это так, чтобы это третье лицо не получило никакой важной информации. Скажем, можно воспользоваться внутренним телефоном, а не селектором, или изложить ваше сообщение в записке для передачи из рук в руки, вместо публичного проговаривания своей информации[25].

Об ожидаемом посетителе должно быть доложено незамедлительно. Если вы в это время уединились с другим лицом, ваша секретарша может прервать разговор, сказав нечто вроде: «Назначенный на 3 часа в приемной. Я подумала, что может быть это важно». (Она не упоминает имени посетителя в присутствии постороннего. Если вы не в состоянии вспомнить, кто этот назначенный на 3 часа, она пишет фамилию на клочке бумаги и вручает его вам, или использует ваш личный телефон вместо системы громкой связи.)[26].

---

[24] *Dale H. E.*. Op. cit. P. 148—149.
[25] Многоточия принадлежат авторам. Esquire Etiquette. Op. cit. P. 7.
[26] Ibid. P. 22—23.

Сценические намеки и сигналы обсуждались в этой главе как один из главных типов командного сговора. Другой тип включает в себя коммуникации, которые работают в основном на то, чтобы довести до исполнителя истину, что в действительности он не придерживается рабочего соглашения, что разыгрываемый им спектакль — это только спектакль и не больше. Тем самым исполнитель по меньшей мере обеспечивает себе личную защиту от притязаний своей аудитории. Такой тип деятельности можно хлестко назвать ***ироническим сговором***. Как правило, в нем есть тайное пренебрежение к аудитории, хотя порой при этом могут передаваться такие понятия об аудитории, которые своей неумеренной лестью выпадают из рамок рабочего соглашения. В этом случае перед нами некий тоже скрытый, но осуществляемый на глазах у публики аналог тех закулисных насмешек, которые были описаны в разделе «Обсуждение отсутствующих» данной главы.

Возможно, наиболее часто встречается иронический сговор исполнителя с самим собой. Примеры этого дают нам школьники, когда скрещивают пальцы, проговаривая ложь, или высовывают языки, когда учительница на мгновение отворачивается и не может видеть школярских выходок. Подобно этому, и наемные работники часто строят гримасы боссу, или жестами шлют ему молчаливые проклятья, исполняя эти сценки презрения или скрытой непокорности при таком взаимном положении, когда те, кому они направлены, не могут их видеть. Вероятно, наискромнейшую форму иронического самосговора можно усмотреть в практике «рисования чертиков» или «бегства» в разные воображаемые приятные места при одновременном поддержании какой-то видимости добросовестного исполнения роли слушателя.

Иронический сговор возникает также между участниками команды, когда они представляют другим свое исполнение. Так, хотя секретный код незаметных посторонним словесных оскорблений, вероятно, может быть выработан только в среде самых ревностных приверженцев коммерческой жизни, не найдется ни одного настолько респектабельного торгового заведения, продавцы которого не позволяют себе даже обмениваться многозначительными взглядами в присутствии нежелательного клиента

или желанного клиента, но ведущего себя неподобающим образом. Столь же трудно мужу и жене, или двум близким друзьям провести праздничный вечер во взаимодействии с кем-то третьим без того, чтобы в какой-то момент не обменяться взглядами, тайно противоречащими установке, которую они формально поддерживают по отношению к этому третьему лицу.

Наиболее ядовитая форма такой агрессии против аудитории наблюдается в ситуациях, где исполнитель вынужден принимать линию поведения, глубоко противную его внутреннему чувству. Пример можно взять из рассказа о защитных действиях, применявшихся военнопленными в китайских лагерях идеологического перевоспитания:

> Следует указать, однако, что пленники находили многочисленные способы повиноваться лишь букве, но не духу китайских требований. Например, во время сеансов публичной самокритики они часто подчеркнуто повторяли ругательные слова о своих высказываниях, делая весь ритуал покаяния смешным: «Я сожалею, что назвал товарища Вана *нехороший су-кин-сын*». Другим любимым приемом было обещание никогда в будущем «не попадаться» в совершении данного преступления. Подобные приемы проходили успешно, потому что даже те китайцы, которые знали английский, недостаточно владели его идиомами и сленгом, чтобы уловить тонкую насмешку[27].

Сходная форма коммуникации, сопровождающаяся выходом исполнителя за рамки представляемого им характера, возникает там, где один из членов команды исполняет свою партию со специальной и тайной целью увеселения своих соратников по команде. К примеру, он может погрузиться в это исполнение с напускным энтузиазмом, одновременно преувеличенным и строго дозированным, но столь близким ожиданиям аудитории, что ее люди не совсем сознают, или не полностью уверены, что над ними подсмеиваются. Так, джазовые музыканты, вынужденные играть «сентиментальную дребедень», иногда начинают исполнять ее еще более слезливо чем нужно, и это легкое преувеличение служить средством, которым музыканты способны передать друг другу свое снисходительное презрение к вкусам публики и свою верность более высокому

---

[27] *Schein E. H.* The Chinese indoctrination program for prisoners of war // Psychiatry. Vol. 19. P. 159—160.

искусству[28]. В чем-то похожая форма сговора имеет место, когда один участник команды пытается поддразнивать другого, хотя оба заняты в одном представлении. Непосредственная цель таких действий — заставить своего товарища по команде чуть ли не лопаться со смеху, или забавно ошибаться, или так или иначе почти терять самообладание. Например, в Шетланд-отеле повар иногда стоял в проходе из кухни в передние зоны отеля и с достоинством, на правильном английском, торжественно отвечал на вопросы постояльцев отеля, тогда как сзади из кухни игривые официантки с непроницаемо серьезными лицами тайно, но настойчиво толкали его в спину. Издеваясь над публикой или дразня собрата по команде, исполнитель может показывать этим не только то, что он не скован до конца официальным взаимодействием, но и то, что он так сильно контролирует это взаимодействие, что может забавляться им как заблагорассудится.

Можно еще упомянуть последнюю форму иронических интерлюдий. Часто, когда один человек взаимодействует с другим человеком, агрессивным в каком-то отношении, он старается поймать сочувственный взгляд кого-то третьего (лица определенно постороннего данному взаимодействию) и таким путем получить подтверждение, что он не несет ответственности за характер или поведение своего партнера. В заключение заметим, что все названные формы иронического сговора обычно возникают почти непроизвольно, посредством сигналов, передаваемых раньше чем в них успевают отдать себе отчет.

Учитывая многочисленность способов коммуникации, какими члены команды сообщаются между собой, выходя за пределы представляемого характера, вполне возможно ожидать, что исполнители будут действовать в таком же стиле даже в тех случаях, когда в этом нет практической нужды, и тем самым поощрять сольные выступления партнеров. Тогда понятно, почему развивается одна специализированная командная роль — роль подручного, то есть лица, которое можно вводить в исполнение по воле другого лица с задачей обеспечить последнему удобные условия участия в игре команды. Этот особый способ облегчения

[28] Личное сообщение Хауарда Бекера.

себе жизни можно встретить везде, где имеются заметные различия властных характеристик людей и отсутствуют социальные запреты на общение между наделенными властью и безвластными. Преходящая социальная роль компаньонки иллюстрирует подобную коммуникацию. В одной беллетризованной автобиографии конца XVIII в. читаем:

Вкратце мои обязанности сводились к следующему: в любой момент быть готовой присоединиться к госпоже в каждой увеселительной или деловой компании, которую она выберет для общения. Я сопровождала ее по утрам на все распродажы, аукционы, выставки и т. п. и, в частности, присутствовала при таком важном событии как *посещение магазинов*... Я сопровождала мою госпожу во всех ее визитах, кроме случаев, когда встречалось особенно избранное общество, и присутствовала во всех компаниях, собирающихся в ее доме, где исполняла роль своего рода старшей над слугами[29].

По-видимому, должность компаньонки требовала исполнения тяжелой обязанности сопровождать хозяйку в любое время по ее желанию отнюдь не для лакейских целей (или не только для одних этих целей), но для того чтобы хозяйка всегда имела под рукой кого-то, с кем можно объединиться против других присутствующих.

ПЕРЕСТРОЕНИЯ В ХОДЕ ИСПОЛНЕНИЯ

Уже говорилось, что когда люди собираются вместе для какого-либо взаимодействия, каждый придерживается той роли, которая была закреплена за ним в рамках командной рутины, и каждый совместно со своими соратниками по команде соблюдает нужную дозировку формальности и неформальности, дистанции и близости в отношении членов другой команды. Это не означает, что участники команды будут публично обращаться друг с другом так же, как они публично обходятся со своей аудиторией, но, как правило, можно ожидать, что сокомандники будут обращаться друг с другом на публике в не совсем «естественной» для них манере. Коммуникация по взаимному сгово-

[29] Сообщение из «Lady's Magazine» за 1789 г. (№ 20, P. 235). Цит. по: *Hecht J. J.* The domestic servant class in eighteenth-century England. L.: Routledge & Kegan Paul, 1956. P. 63.

ру обсуждалась как один из способов, каким участники команды могут хоть чуть-чуть освободить себя от ограничений, требующихся для взаимодействия между командами. Она выступает как своеобразное отклонение от основного типа, о котором не должна подозревать аудитория, и, следовательно, такая коммуникация обычно оставляет в неприкосновенности существующее положение вещей. Однако исполнители, по-видимому, редко довольствуются подобными безопасными каналами для выражения неудовлетворенности сложившимся рабочим консенсусом. Зачастую они пытаются сказать больше, чем позволяет представляемый ими характер, но так, чтобы сказанное было услышано аудиторией, и в то же время открыто не угрожало целостности двух команд и сохраняло социальную дистанцию между ними. Такие моментальные стихийные или срежисированные перестроения в ходе исполнения, часто вызывающего свойства, составляют интересную область для специального изучения.

Когда две команды устанавливают между собой официальный рабочий консенсус как известную гарантию безопасного социального взаимодействия, в этом процессе обычно участвует некая неофициальная линия коммуникации, которую каждая команда предлагает другой. Эта ***неофициальная коммуникация*** может осуществляться не прямо, обиняком, при помощи мимических акцентов, хорошо рассчитанных шуток, многозначительных пауз, завуалированных намеков, целенаправленного дурачества, выразительных обертонов в голосе и других практически применяемых знаковых средств. Правила обоюдного восприятия таких вольностей во взаимодействии весьма строги. Коммуникатор (передатчик неофициального сообщения) имеет право отрицать, что он «подразумевал что-либо» своим действием, если его реципиенты (получатели информации) обвинят его в лицо в передаче чего-то неприемлемого, а реципиенты, в свою очередь, имеют право вести себя так, как если бы не было передано ничего (или проскочило всего лишь нечто безобидное).

Возможно, наиболее распространенная тайная цель скрытой коммуникации для каждой команды состоит в том, чтобы тонко выставить себя в благоприятном свете, а другую команду — в неблагоприятном, часто под прикры-

тием словесных любезностей и комплиментов, которые отвлекают внимание[30]. Если это так, то отнюдь не редким будет стремление команд разорвать путы, которые сдерживают их в принятых рамках рабочего согласия. Интересно, что именно эти скрываемые усилия возвышать себя и принижать другого, часто вносят мертвящую принужденность и скованность в общение людей, а вовсе не пресловутый книжный педантизм социальных ритуалов.

Во многих видах социального взаимодействия неофициальная коммуникация обеспечивает канал, по которому одна команда может, не компрометируя себя, недвусмысленно пригласить другую увеличить либо уменьшить социальную дистанцию и формализм их отношений, или же обоюдно поменять характер взаимодействия за счет исполнения какого-то нового круга ролей. Иногда это называется «закидыванием удочки» и требует ***осмотрительных взаимораскрытий*** и наводящих вопросов. С помощью высказываний, обдуманно двусмысленных или имеющих потаенное значение для посвященного, исполнитель способен прощупать, без ущерба для своей обороноспособности, будет ли ему безопасно расстаться с существующим определением ситуации. Например, поскольку вовсе необязательно сохранять социальную дистанцию или быть настороже перед коллегами по профессии, идеологии, этнической принадлежности, классу и т. д., то коллегам любой разновидности обычно свойственно развивать систему тайных знаков, которые кажутся невинными постороннему, но в то же время сообщают посвященному, что он среди своих и может ослабить напряжение позы, принятой им по отношению к публике. Так, в Индии XIX в. члены секты убийц-душителей «Тхаги», которые маскировали свои ежегодные разбойничьи набеги девятимесячной демонстрацией законопослушного гражданского поведения,

[30] Стивен Поттер предложил для этого явления термин — «комплекс превосходства». Оно же под названием «привлечение внимания» рассматривалось в моей статье, у Ансельма Штраусса оно называлось «статусным насилием». В некоторых американских кругах фраза «поставить человека на место» используется именно в этой связи. Отличный пример такого типа социального общения дан Джеем Хейли (см.: *Goffman E.* On face-work // Psychiatry. Vol. 18. P. 221—222; *Goffman E.* Where the action is: Three essays. Allen Lane: The Penguin Press, 1969; *Strauss A.* Essays on identity. 1959; *Haley J.* The art of psychoanalysis // ETC. Vol. 15. P. 189—200).

владели особым кодом для опознания друг друга. Как сообщает один автор:

Когда встречаются тхаги, хотя бы и незнакомые, в самой манере их поведения есть нечто, очень скоро позволяющее им опознать друг друга, и чтобы увериться в зародившейся таким образом догадке, один из них восклицает: «Али Хан!». И это восклицание, повторенное другой стороной, служит признанием их общей принадлежности...[31].

Подобно этому, среди представителей британского рабочего класса все еще есть такие, которые до сих пор вставляют в разговоре с незнакомцем масонскую фразу-пароль с упоминанием слова «Восток». Истинные франкмасоны знают, как отвечать на этот пароль, и знают, что после правильного ответа все присутствующие могут не церемониться в проявлениях нетерпимости к католикам и непроизводительным классам. (В англо-американском обществе полное фамильное имя и внешность лиц, кому представляют человека, исполняют аналогичную функцию, сообщая представляемому какую из групп населения будет невежливо бранить в собравшейся компании.) По тем же причинам, некоторые постоянные клиенты изысканных ресторанов с особенным нажимом просят готовить им бутерброды из ржаного хлеба и без масла, тем самым давая персоналу знать о своей этнической принадлежности, от которой клиент не хочет отрекаться[32].

Осмотрительные взаимораскрытия, благодаря которым узнают друг друга два члена тайного общества, возможно, являются наименее тонкой разновидностью взаиморазоблачительных коммуникаций. В повседневной жизни, где индивиды не входят ни в какое секретное общество, свое членство в котором вдруг понадобится для чего-то обнаружить, протекают более тонкие процессы. Когда взаимодействующие индивиды не знакомы с мнениями и статусами друг друга, начинается процесс зондирования почвы, в котором каждый из них понемногу приоткрывает другому свои взгляды или истинное общественное положение. После ослабления (хотя бы и небольшого) защитного барьера каждый ждет от другого какого-то знака, подтвержда-

[31] *Sleeman C. J. L.* Thugs or a million murders. L.: Sampson Low, 1933. P. 79.

[32] См. неопубликованную статью Луиса Хирша: *Hirsh L.* Team work and performance in a Jewish delicatessen.

ющего, что это ослабление для него безопасно, и после получения такой страховки может без опаски еще понизить этот барьер. Двусмысленно формулируя каждый шаг в подобном взаимном прощупывании, индивид сохраняет положение, в котором он способен мгновенно остановить процесс раскрытия своего представительского фронта, если он не получит от другого никакого подкрепления, и действовать в этом случае так, словно бы его последнее самораскрытие не было лишь пробным шаром, а было неподдельной правдой. Так, если два лица в беседе пытаются разузнать, какая степень откровенности допустима между ними в высказывании своих истинных политических мнений, то один из них может остановиться в постепенном раскрытии действительной глубины своих левых или правых убеждений в тот момент, когда другой уже явно полностью разоблачил свою позицию. В подобных случаях лицо, придерживающееся крайних взглядов, обычно будет вести себя так, словно его взгляды являются не более радикальными, чем взгляды другого.

Этот процесс постепенного осмотрительного взаимораскрытия можно также проиллюстрировать примерами из мифологии и фактами, связанными с гетеросексуальной жизнью в современном обществе. Сексуальные отношения обычно определяются как интимные отношения, инициатива в которых принадлежит мужчине. Фактически, практика ухаживания включает в себя систематические выпады против равенства полов со стороны мужчины, поскольку в интимных отношениях тот пытается подчинить себе партнера, которому сперва был вынужден доказывать свое уважение[33]. Но еще более агрессивные выпады против равенства между полами встречаются в ситуациях, где рабочий консенсус определен в категориях должностного превосходства и дистанцирования со стороны исполнителя-женщины, и подчинения со стороны исполнителя-мужчины. При этом весьма возможно, что исполнитель-мужчина будет стремиться переопределить ситуацию взаимодей-

[33] Рутинные предохранительные процедуры взаимораскрытия в гомосексуальном мире имеют двойное назначение: раскрытие своей принадлежности к данному тайному обществу и зондаж отношений между конкретными членами этого общества. Удачную литературную иллюстрацию этому можно найти в рассказе Гора Вайдала «Три стратагемы» (см.: *Vidal G.* Three Stratagems // Vidal G. A thirsty evil. L.: Heinemann, 1958).

ствия так, чтобы подчеркнуть свое сексуальное превосходство в противовес своей социально-экономической подчиненности[34]. В американской литературе весьма распространен сюжет, когда именно бедный мужчина вносит это переопределение ситуации в отношения с богатой женщиной. Как часто отмечали до меня, яркий пример такого положения представлен в романе английского писателя Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей». Если же обратиться к сфере обслуживания, особенно к ее самым скромным профессиям, то там обязательно найдутся анекдотические рассказы бывалых практиков о случаях, когда им или их коллегам удавалось превратить сервисные отношения в сексуальные (или сама ситуация переопределяла эти отношения за них). Такие сказки и легенды агрессивных переопределений ситуации составляют существенную часть мифологии, свойственной не только конкретным видам занятий, но и вообще мужской субкультуре.

Мгновенные перестроения на ходу, благодаря которым новое направление взаимодействия может быть по какому-то неофициальному каналу схвачено подчиненным, или неофициально изменено вышестоящим, вносят известный элемент стабильности и институциализации в то, что иногда называют ***двусмысленным разговором***[35]. Благодаря этой технике коммуникации два индивида могут передавать друг другу информацию, по манере передачи или по содержанию не совместимую с их официальными отношениями. Двусмысленный разговор предполагает своеобразный обмен косвенными намеками с обеих сторон, возможный в течение длительного времени. По сути это разновидность

---

[34] Возможно, из-за чрезмерного почтения к фрейдистской этике некоторые социологи, по-видимому, ведут себя так, словно считают плохим вкусом, кощунством или саморазоблачением определять сексуальное сношение как часть определенной церемониальной системы, некоего взаимного ритуала, исполняемого, чтобы символически подтвердить недоступность для посторонних этого социального взаимоотношения. В этой главе обильно используются идеи Кеннета Берка, который явно принимает социологическую точку зрения при определении ухаживания как риторического принципа, благодаря которому преодолевается социальная отстраненность друг от друга (см.: *Burke K.* A rhetoric of motives. P. 208 ff., 267—268).

[35] В обиходной речи термин «двусмысленный разговор» используют еще и в двух других смыслах: применительно к высказываниям, в которые вкрались звуки, по впечатлению осмысленные, но в действительности нет; и применительно к осторожно-неопределенным ответам на вопросы, по которым спрашивающий хотел получить четкий ответ.

коммуникации, основанной на сговоре, но отличающейся от других видов сговора тем, что «характеры», против которых направлен сговор, проецируются вовне самими лицами, вступающими в сговор. Обычно двусмысленный разговор случается во время взаимодействия между подчиненным и начальником относительно предметов, которые официально числятся вне компетенции и юрисдикции подчиненного, но в действительности зависят от него. Поддерживая двусмысленный разговор, подчиненный в состоянии проявлять инициативу в выборе линий действия, не допуская открытого выражения эмоциональных последствий такой инициативы и не рискуя покушаться на статусное различие между ним и начальником. Казармы и тюрьмы явно изобилуют двусмысленными разговорами. Они обычны и в ситуациях, где подчиненный имеет большой опыт работы, а начальник нет, например, в правительственных учреждениях с их сложными отношениями между «постоянным» заместителем министра и политически назначенным очередным министром, а также там, где подчиненный говорит на языке какой-то группы наемных работников, а его начальник нет. Двусмысленный разговор нередок при юридически или морально сомнительных переговорах двух сторон, ибо благодаря технике такого разговора коммуникация может состояться, но при этом ни один участник сомнительной сделки не попадает в руки другого. Иногда встречается похожая форма сговора между двумя командами, которые должны поддерживать впечатление относительной враждебности или относительного дистанцирования в отношении друг друга и все-таки находят взаимовыгодным для себя прийти к соглашению по определенным вопросам, не вредя при этом изначально обязательной для них оппозиционной установке[36]. Иными словами, дела можно делать и без отношений взаимной солидарности, обычно возникающих при совместных сделках. Возможно, еще важнее то, что двусмысленные разговоры регулярно случаются в интимных ситуациях дома и на работе как безопасное средство предъявлять и отвер-

[36] Пример молчаливого компромисса между двумя командами, официально оппозиционными друг другу см. у Х. Э. Дейла (*Dale H. E.* Op. cit. P. 182—183). См. также: *Dalton M.* Unofficial union-management relations // American Sociological Review. Vol. 15. P. 611—619.

гать просьбы и требования, которые не могут быть открыто сделаны или открыто отвергнуты без изменения характера данных взаимоотношений.

Итак, рассмотрены некоторые обычные перестроения в ходе взаимодействия: движения около, или сверх, или в сторону от основной линии взаимодействия между командами. В качестве примеров приводились такие процессы как выражение недовольства по неофициальным каналам, осмотрительные взаимораскрытия и двусмысленные разговоры. К этому хотелось бы добавить еще несколько типов перестроений.

Когда рабочий консенсус, установленный между двумя командами, допускает открытую оппозицию, то случается, что разделение труда внутри каждой команды может в конечном счете привести к мгновенным перестроениям такого рода, которые заставляют признать, что не только армии свойственно явление ***братания***. Специалист одной команды может прийти к выводу, что он имеет много общего со своим занимающим то же положение в другой команде антагонистом и что между собой они говорят на языке, который толкает их к объединению в единую команду, оппозиционную ко всем остальным участникам. Так, на переговорах рабочих и управляющих юристы противоположных сторон могут обмениваться заговорщицкими взглядами, когда профан любой из команд допускает явный юридический промах. Когда специалисты не входят в постоянный состав команды, а нанимаются на время переговоров, они, вероятнее всего, будут в каких-то отношениях более верны своему профессиональному призванию и своим коллегам по профессии, чем команде, которой им временно пришлось служить. Далее, если надо поддерживать впечатление оппозиционности команд, то эти перекрестные сигналы лояльности между специалистами должны подавляться или выражаться украдкой. Так юристы, чувствуя, что их клиенты хотят видеть их враждебно настроенными к юристам противной стороны, могут дождаться какого-то закулисного перерыва, чтобы дружески поболтать с коллегой о данном деле. Обсуждая роль государственных служащих в парламентских дебатах, Х. Э. Дейл приходит к сходным выводам:

Официальные дебаты по одному вопросу..., как правило, занимают только один день. Если какому-то министерству не повезло, так что оно вынуждено проводить длинный и спорный законопроект на заседании всей палаты общин на правах комитета, специально созванного для обсуждения этого законопроекта, то министр и дежурные госслужащие должны присутствовать там с четырех до одиннадцати вечера (иногда и гораздо позднее, если правило одиннадцати часов не действует), и, возможно, день за днем с понедельника по четверг еженедельно... Однако эти госслужащие получают за свои страдания некую компенсацию. Именно в это время они имеют наибольший шанс возобновить и расширить свои знакомства в палате. В этот период и члены парламента и правительственные чиновники меньше чувствуют тяжесть своих обязанностей, чем во время официальных однодневных дебатов: вполне законно, например, сбежать из зала заседаний в курилку или на прогулочную террасу и погрузиться в приятную беседу, когда некий печально знаменитый мастер скуки вносит поправку, которую, как всем известно, невозможно принять. Невольно рождается какой-то дух товарищества между всеми людьми, вечер за вечером занятыми законопроектом, — будь то члены правительства, представители оппозиции или рядовые госслужащие[37].

Интересно, что в некоторых случаях даже закулисное братание может рассматриваться как слишком большая угроза данному спектаклю. Так, от бейсбольных игроков, за команды которых болеют соперничающие группы фанатов, правила лиги требуют воздерживаться от слишком оживленной беседы с противниками перед началом игры.

Это правило легко понять. Было бы неприлично показать игроков болтающими словно за полуденным чаепитием и потом надеяться поддержать впечатление, создаваемое как только игра начинается, будто они гоняются друг за другом и за мячом как дьяволы. Они должны вести себя как противники все время[38].

Во всех этих случаях, включая братание между специалистами противных сторон, дело не в том, что будут разоблачены секреты или пострадают интересы команд (хотя это может случиться и случается), но скорее в том, что может быть дискредитировано лелеемое впечатление соперничества между командами. Поведение специалиста должно казаться стихийным откликом на фактические обсто-

[37] *Dale H. E.*. Op. cit. P.150.
[38] *Pinelli B.* Mr Ump. Philadelphia: Westminster Press, 1953. P. 169.

ятельства данного взаимодействия, но в то же время соответствующим, несмотря ни на что, его положению противника другой команды. Когда он братается со своим соперником на другой стороне, техническое значение его вклада в команду может и не пострадать, но с драматургической точки зрения братание разоблачает то, чем этот вклад отчасти является на самом деле, а именно, купленным исполнением некоторой рутинной задачи.

Все сказанное не означает, что братание случается только между специалистами, временно борющимися друг с другом на противостоящих сторонах. Всякий раз когда векторы разных лояльностей в чем-либо совпадают, какой-то круг людей может подчеркнуто наглядно изображать из себя две абсолютно разные команды, одновременно втихомолку образуя еще одну команду с общими интересами. И всякий раз, когда две команды вынуждены поддерживать высокий накал взаимного соперничества, или соблюдать социальную дистанцию, или делать и то, и другое, с самого начала возможно установление некой четко ограниченной зоны, которая не только является закулисьем для специфических исполнений каждой из команд, но и открыта для членов *обеих* команд. В общедоступных психиатрических больницах, к примеру, часто имеется помещение или уединенная спортивная площадка, где пациенты и служители могут вместе поиграть, допустим, в покер или со знанием дела посплетничать в качестве старожилов заведения, но где при всем при том все понимают, что служители «не поступятся своим авторитетом». В армейских лагерях иногда тоже есть похожая зона. Воспоминания о жизни моряков дают еще один пример этого:

Существует старинное правило, что на камбузе каждый может безнаказанно высказываться откровенно, как на углу Гайд-парка в Лондоне. Офицер, который затаил бы в памяти нечто из услышанного там и использовал бы это против неосторожного болтуна за пределами камбуза, скоро обнаружил бы, что на корабле его бойкотируют или саботируют его распоряжения[39].

Для начала скажем, что человек никогда не бывает с коком наедине. Всегда найдется еще хоть один бездельник, который отирается возле кока, выслушивает его сплетни или росказни о горестях, в то время как тот уютно сидит с раскрасневшимися

---

[39] *Hartog J. de.* A sailor's life. L.: Hamish Hamilton, 1956.

щеками на маленькой скамеечке, опираясь на теплую стенку напротив плиты и закинув ноги на поручень, ограждающий плиту. Эти закинутые ноги дают нам ключ: камбуз на корабле — это нечто вроде деревенской завалинки, и кок с его плитой обещают тепленькое местечко для посиделок. Это единственное место, где офицеры и матросы встречаются на равных, как очень скоро убедится в этом любой молодой моряк, если он войдет туда с видом юношеского превосходства. По-свойски называя вновь вошедшего «голубчиком» или «дружком», кок сразу осадит его, посадив на маленькой скамейке рядом со смазчиком Хэнком...

Без этой свободы слова в камбузе корабль начинают раздирать подспудные склоки. Все ныне согласны, что в тропиках нервное напряжение возрастает и судовой командой становится труднее управлять. Некоторые приписывают это жаре, другие же знают, что причина — в потере на теперешних судах старинного предохранительного клапана: камбуза[40].

Часто, когда две команды вступают в социальное взаимодействие, можно обнаружить, что одна из них имеет низкий общий престиж, а другая — высокий. Обыкновенно, размышляя о необходимых сценических перестроениях в таких случаях, полагают, что команды с пониженным престижем будут пытаться изменить основу взаимодействия в более благоприятном для себя направлении или уменьшить социальную дистанцию и формализм в отношениях с командами, имеющими повышенный престиж. Интересно, что встречаются случаи, когда понижение разделительных барьеров и допущение более тесных отношений и равенства между высоко- и низкопрестижной командой служат далеко идущим целям высокопрестижной команды. Так, Честер Барнард описал как, чтобы предотвратить забастовку, он умышленно сквернословил в присутствии комитета представителей от безработных, полностью сознавая возможные последствия такого поведения:

По моему суждению, подкрепленному мнением тех, кого я уважаю, как правило, для человека высокого положения это очень неудачный прием — сквернословить в присутствии подчиненных или лиц низшего статуса, даже если последние не возражают против ругательств, даже если они знают привычку начальника браниться. Я знавал очень немногих людей, которые могли делать это, не вызывая обратного эффекта и не вредя своему влиянию. Полагаю, причина вредоносности начальственного сквернословия в том, что любое понижение достоинства

[40] *Hartog J. de.* A sailor's life. L.: Hamish Hamilton, 1956. P. 154—155.

высокого поста затрудняет примирение с различиями в общественном положении. И там, где речь идет об отдельной организации, в которой высший пост символизирует всю организацию, ее престижу, думается, брань только навредит. В моем же случае, как исключении из правил, сквернословие было преднамеренным и сопровождалось мощным битьем кулаком по столу[41].

Похожая ситуация складывается в тех психиатрических лечебницах, где применяется так называемая терапия среды, известная также как социотерапия. Вовлечением медсестер и даже обслуживающего персонала в коллективное действо, которое обычно протекают в форме священного ритуала конференций всего больничного персонала, добиваются, чтобы немедицинская часть штатного персонала могла почувствовать уменьшение дистанции между ними и врачами и, возможно, проявить большую готовность принять по отношению к больным точку зрения врачей. Жертвуя исключительностью положения людей наверху, ожидают возможного повышения морального уровня тех, кто внизу. Положительное описание этого процесса дает Максвелл Джоунз в своем отчете об английском опыте терапии среды:

В отделении мы попытались заново пересмотреть роль врача, чтобы выполнить нашу ограниченную лечебную задачу, и при том избежать всякой претенциозности. Это означало заметный отход от больничной традиции. В выборе рабочей одежды мы отошли от обычных понятий, как должен одеваться профессионал. Мы избегали носить на виду у всех непременный белый халат, стетоскоп и зловещий молоточек для простукиваний в качестве обязательных атрибутов, усиливающих внушительность нашего внешнего облика[42].

Фактически, изучение взаимодействия между двумя командами в повседневных ситуациях, обнаруживает, что зачастую от начальственной команды ждут совсем небольшого отступления от обычного образа действий. Прежде всего, такое ослабление ее представительского фронта обеспечивает базу для бартерного обмена: вышестоящие по-

[41] Этот вид поведения надо четко отличать от грубого языка и поведения высокопоставленного лица, находящегося внутри команды, состоящей из его наемных работников, и своей бранью «подстегивающего» их в работе. *Barnard Ch. I.* Organization and management. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1949. P. 73—74.

[42] *Jones M.* The therapeutic community. N.Y.: Basic Books, 1953. P. 40.

лучают определенного рода услугу или товар, а нижестоящие — снисходительную подачку видимости некоторого личного сближения. Таков резерв, который, как хорошо известно, высший класс Великобритании моментально пускал в ход при взаимодействии с торговцами и мелкими чиновниками, когда от этих нижестоящих требовалась конкретная помощь. Кроме того, такое уменьшение социальной дистанции способствует возникновению в ходе взаимодействия полезного чувства добровольности и личной заинтересованности в нем. Во всяком случае, взаимодействие между двумя командами часто требует предоставления маленьких свобод, хотя бы в качестве средства зондажа, прощупывающего какую неожиданную пользу можно получить от противной стороны.

Когда исполнитель отказывается соблюдать свое место, будь оно рангом выше или ниже чем у членов аудитории, то можно ожидать, что и режиссер-распорядитель (если он есть) и аудитория, скорее всего, будут враждебно настроены по отношению к нему. Во многих случаях очень может быть, что и рядовые исполнители тоже будут протестовать. Как говорилось раньше в связи со случаем «взломщиков» существующих нормативов производительности труда, любая дополнительная уступка аудитории со стороны одного из членов данной команды таит угрозу уже достигнутому положению других членов команды и угрозу чувству безопасности, испытываемому этими другими от знания и контролирования своего будущего положения, которое они собираются занять. Так, когда один из учителей в школе пользуется глубокой симпатией своих питомцев, или участвует в их играх во время перемены, или хочет поближе сойтись с самыми униженными среди них, то другие учителя обычно считают, что то впечатление, которое они стараются поддерживать нормальной в их понимании работой, находится под угрозой[43]. В жизни, когда отдельные исполнители переходят границу, разделяющую команды, когда кто-то становится слишком задушевным, снисходительным, или, наоборот, слишком враждебным, можно ждать бурного потока разных откликов, которые повлияют и на команду подчиненных, и на команду начальников, и на конкретных нарушителей.

[43] Личное сообщение Хелен Блау, школьной учительницы.

Нечто подобное таким откликам отмечено в одном исследовании моряков торгового флота. Когда начальство спорило по поводу распределения обязанностей на корабле, рядовые матросы извлекали пользу из этих разборок, поддерживая того из офицеров, который, как они думали, был не прав:

Поведя себя таким образом [то есть подыграв одному из спорящих — *И. Г.*], экипаж ожидал, что этот офицер ослабит свою начальственную позицию и допустит известное равенство с рядовыми при обсуждении сложившейся ситуации. Очень скоро это привело к ожиданию ими определенных привилегий, таких, как позволение находиться в рулевой рубке вместо бортовых коридоров и т.п. Они воспользовались преимуществами товарищеского спора, чтобы облегчить бремя своего подчиненного положения[44].

Сравнительно новые веяния в психиатрическом лечении снабжают нас другими примерами. Хотелось бы упомянуть некоторые из них.

Один пример можно заимствовать из работы М. Джоунза, хотя в целом его исследование всего лишь стремится обосновать необходимость смягчения статусных различий между штатными работниками разных уровней, а также между пациентами и этим штатным персоналом.

Незапятнанная репутация всей группы медсестер и сиделок может быть опрокинута нескромностью одной из них. Сестра, которая позволяет себе открытую сексуальную связь с пациентом, изменяет установку больных по отношению ко всей сестринской группе и делает терапевтическую роль медсестер менее эффективной[45].

Другой пример возьмем в комментариях Бруно Беттелхайма к его опыту построения коллективной лечебной среды в «Sonia Shankman Orthogenic School» при Чикагском университете:

Общая обстановка внутри терапевтической среды: личная безопасность, достаточная инстинктивная удовлетворенность и групповая поддержка — все повышает чувствительность ребенка к характеру межличностных отношений. И, конечно, было бы провалом целей терапии среды, если бы дети не были защи-

---

[44] Beattie W. M. (Jr.). The merchant seaman / Unpublished M.A. report. Department of Sociology. University of Chicago, 1950. P. 25—26.

[45] *Jones M.* Op. cit. P. 38.

щены от тех разочарований, которые они уже испытали в своей прежней обстановке. Поэтому важным источником личной безопасности для детей становится сплоченность и согласованность действий персонала в том, что его работники остаются невосприимчивыми к попыткам детей с выгодой для себя использовать одну часть персонала против другой.

В семье многие дети тоже пробуют завоевать привязанность одного родителя исключительно за счет уменьшения нежности в отношениях с другим. Детский способ контролировать семейную ситуацию, натравливая одного родителя на другого, часто развивается именно на такой основе, но обеспечивает ребенку лишь относительное чувство безопасности. Дети, которые пользовались этим приемом с заметным успехом, позднее особенно сильно отстают в способности формировать неамбивалентные отношения с другими. Во всяком случае, в той мере в какой дети воссоздают эдиповские ситуации в школе, у них формируются положительные, отрицательные или амбивалентные привязанности к разным представителям педагогического персонала. Важно, чтобы эти отношения между детьми и отдельными лицами из персонала не влияли на отношение членов персонала друг к другу. Без сплоченности в этой части общей воспитательной среды для всех детей такие привязанности могут выродиться в невротические взаимоотношения и разрушить основу личностного самоопределения и формирования прочных чувств любви и нежности к другому[46].

Последний пример можно взять из одного проекта групповой психотерапии, в котором в общих чертах предлагается, как справляться с повторяющимися трудностями взаимодействия с назойливыми пациентами:

Типичны попытки больных установить особые отношения с лечащим врачом. Часто пациенты пытаются поддерживать иллюзию тайного взаимопонимания со своим доктором, стараясь, например, поймать его взгляд, когда какой-то другой больной ляпнет что-нибудь явно «безумное». Если такому ищущему сочувствия пациенту удалось получить некий отклик со стороны врача, который он истолкует как знак особого к нему расположения, это может оказаться очень разрушительным для группы. Так как этот тип опасных эпизодов, как правило, бессловесен, врачу надо особенно строго контролировать свои невербальные действия и жесты[47].

---

[46] *Bettelheim B., Sylvester E.* Milieu therapy // Psychoanalitic Review. Vol. 36. P. 65.

[47] *Powdermaker F. B. et al.* Preliminary report for the National Research Council: Group Therapy Research Project. P. 26.

«Измена» собственной команде посредством обмена взглядами с членом другой команды является, конечно, довольно обычным событием.

Возможно, эти цитаты больше говорят о частично скрываемых социальных чувствах писателей, чем об общих процессах, которые могут начаться, когда кто-либо выбивается из ряда, но в работе Алфреда Стантона и Морриса Шварца дан прекрасный подробный анализ круговорота социальных последствий, возникающих при переходе невидимой разделительной линии между двумя командами[48]. Ранее было сказано, что в кризисные времена такие границы могут мгновенно рухнуть и члены команд-противников способны моментально забыть свойственные им места относительно друг друга. Говорилось также, что, по-видимому, определенных целей иногда легче достичь, если понизить барьеры между командами, и что достигнуть этих целей члены вышестоящих команд могут, временно объединившись с людьми более низких рангов. Следует добавить, в качестве пограничного случая, что иногда взаимодействующие команды, по-видимому, склонны выходить из сложившихся драматических рамок и подолгу предаваться беспорядочной оргии клинического, религиозного или этического анализа. Ярчайшую версию этого процесса можно найти в евангелических общественных движениях, которые практикуют открытую исповедь. Грешник, иногда не очень высокого статуса, встает и рассказывает присутствующим такое, что в обычных условиях он постарался бы скрыть или полностью оправдать. Он жертвует своими личными секретами и своей самозащитной дистанцией от других, и эта жертва способна пробуждать заку-

---

Можно заметить, что в повседневной жизни отказ войти в такого рода мгновенный коммуникационный сговор, когда человека явно приглашают к этому, сам по себе становится маленьким оскорблением приглашающему. Любой может оказаться перед дилеммой: то ли изменить ранее предложенному сговору, то ли оскорбить отказом лицо, предлагающее новый сговор. Пример этого можно прочесть у Айви Комптон-Бернет:

“Но я не храпела, — сказала Бланш, легкостью тона выдавая непонимание ситуации. — Иначе я бы сама знала об этом. Невозможно же не спать, производить шум и не слышать его”.

Джастин при этом бросал игриво-лукавые взгляды на каждого, кто хотел их понимать. Эдгар с принужденным видом быстро отвел глаза как посторонний» (*Compton-Burnett I.* A family and a fortune. L.: Eyre & Spottiswoode, 1948. P. 13).

[48] *Stanton A. H., Schwatz M. S.* The management of a type of institutional participation in mental illness // Psychiatry. Vol. 12. P. 13—26. В этой статье авторы описывают феномен сестринского опекунства над определенными больными с точки зрения его воздействий на других пациентов, персонал и нарушителей границ между этими группами.

лисную солидарность у всех присутствующих. Групповая терапия располагает похожим механизмом для созидания командного духа и закулисной солидарности. Душевнобольной грешник встает и рассказывает группе о себе и приглашает других к разговору о нем, что было бы невозможно в обыкновенном взаимодействии. В результате обычно рождается внутригрупповая солидарность, и эта «социальная поддержка», как ее часто называют, предположительно имеет лечебный эффект. (По обыденным нормам общежития, единственное, что может потерять пациент в таком процессе, — это самоуважение.) Возможно, что подобное есть и в ранее упомянутых совместных собраниях медсестер и врачей.

Вполне вероятно, что все эти сдвиги от межличного отдаления к интимности случаются во времена хронического психического напряжения в обществе. Или же их допустимо рассматривать как часть какого-то антитеатрального социального движения, своеобразный культ бесхитростной исповеди. Вероятно также, что такое понижение барьеров в общении между людьми представляет собой естественную фазу в процессе социального изменения, который преобразует одну команду в некую другую, обновленную: предположительно, противостоящие команды распродают прежние секреты, так что в какой-то момент они могут начать с нуля накопление новой коллекции внутренних секретов для заново поделенной сцены действия. Во всяком случае, бывают ситуации, когда противостоящие команды, будь то промышленные, супружеские или национальные, по-видимому, готовы не только рассказывать свои секреты «своему» специалисту, но и выступать с этим саморазоблачением в присутствии врага[49].

Заметим, что самое плодотворное поле для изучения перестроений по ходу жизненных спектаклей, особенно кратковременных измен своей команде, надо искать не в иерархически организованных учреждениях, а во время неформального живого взаимодействия среди относительно рав-

---

[49] Пример этого можно усмотреть в заявленной роли людей из группы «Tavistock» как специалистов по «улаживанию» противоречий между рабочими и управляющими в промышленных организациях. См. консультационные записи, опубликованные в книге: *Jaques E.* The changing culture of a factory. L.: Tavistock, 1951.

ных. Фактически санкционированное агрессивное проявление такой активности служит, по-видимому, одной из определяющих характеристик нашей компанейской жизни. Часто можно наблюдать, как двое из присутствующих втягиваются в словесную пикировку друг с другом для потехи остальных и как каждый из них пытается шутливо скомпрометировать позицию другого. Пример подобного поведения — флирт, в ходе которого мужчины стараются пробить панцирь девственной неприступности у привлекательных женщин, а женщины, со своей стороны, пытаются добиться от мужчин каких-то обязывающих признаний интереса к себе, не ослабляя собственных оборонительных позиций. (Там где флиртующие являются одновременно членами разных брачных пар, также возможны относительно несерьезные «измены» и «распродажи» семейных секретов.) В веселящихся компаниях из пяти-шести человек исходные базовые союзы между одной и другой супружескими парами, или между хозяевами и некоторыми гостями, или между определенными мужчинами и женщинами с легким сердцем могут быть отставлены в сторону, и все участники вечеринки чуть вызывающе начинают многократно менять командные группировки, шутливо объединяясь со своей предыдущей аудиторией против своих прежних соратников по команде, или открыто изменяя им, или вступая в коммуникационный сговор, чтобы слегка подтрунить над ними. Под тот же тип ситуаций можно подвести случай, когда кого-то, представляющего высокий статус, подпаивают и тем заставляют сбросить свою представительскую маску и стать интимно доступным окружающей его мелкоте. Тот же наступательный настрой во взаимодействии часто достигается менее коварным способом — розыгрышами или шутками, которыми человека-мишень загоняют в смешное и потому незащищенное положение.

Хотелось бы прокомментировать один общий вывод, который, по-видимому, вытекает из высказанных соображений о командном поведении. Что бы ни порождало человеческую жажду социальных контактов и компанейства, результат этого, похоже, выражается в двух функциональных формах: потребности в аудитории, перед которой можно испытать лучшие проявления своего социального *Я*, и

потребности в собратьях по команде, с кем можно войти в отношения интимного сговора и закулисного совместного расслабления. В свете такого заключения теоретические рамки нашего исследования становятся слишком стеснительными для фактов, на которые они указывают. Хотя две вышеупомянутые функции, которые могут исполнить для нас другие, обычно разделены (эта книга, в основном, и разъясняет причины, почему необходимо такое разделение функций), несомненно бывают моменты, когда обе функции почти одновременно исполняются одними и теми же другими. Как сказано, это может происходить по взаимному согласию во время веселых сборищ, но, конечно, эту сдвоенную функцию можно обнаружить и в виде одностороннего обязательства — например, обязательства всемерно расширять роль подручного, так чтобы ее исполнитель всегда был под рукой у хозяина, либо чтобы лицезреть производимое тем впечатление, либо чтобы помочь хозяину передать его другим. Так, в укромных палатах психиатрических лечебниц нередко встречается типичная симбиотическая пара: санитар-смотритель и пациент, которые вместе состарились. Наблюдение за ними показывает, что в один момент времени этот пациент нужен смотрителю как мишень для шуток, а в другой — как союзник, кому можно заговорщически подмигнуть, и эта бодрящая поддержка предоставляется смотрителю, когда бы ему ни заблагорассудилось ее потребовать. Видимо, существующую военную должность личного адъютанта тоже допустимо, хотя бы частично, рассматривать в этих категориях потребности в подручном, то есть в ответственном лице, имеющем немало общего с обыкновенным членом команды, но кого можно по своей воле освободить от служебных обязанностей или использовать как удобного члена аудитории. Некоторые члены уличных банд («шестерки»), а также некоторые исполнительные ассистенты в придворных свитах, образующихся вокруг голливудских продюсеров, служат другими примерами подобных отношений.

В этой главе были рассмотрены четыре типа коммуникации с выходом из представляемого характера: обсуждение отсутствующих, сценические разговоры, командный сговор и перестроения в ходе взаимодействия. Все четыре типа поведения по сути ведут к одному и тому же выводу:

командное исполнение не является неким спонтанным, непосредственным откликом на ситуацию, поглощающим всю энергию участников команды и составляющим для них единственную социальную реальность; исполнение есть нечто такое, от чего члены команды способны отступать, и отступать достаточно далеко, чтобы одновременно воображать или разыгрывать другие виды исполнений, свидетельствующие о других реальностях. Независимо от того, ощущают исполнители свое официальное поведение «реальнейшей» из реальностей или нет, они будут украдкой протаскивать и выражать множественные версии реальности, и каждая версия скорее всего окажется несовместимой с другими.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ

В этой главе я хотел бы свести воедино то, что было сказано или подразумевалось относительно свойств, необходимых исполнителю для успешного сценического представления какого-то характера. Для этого понадобится рассмотреть некоторые технические приемы управления впечатлениями, в применении которых такие свойства проявляются. Предварительно было бы хорошо выделить некоторые главные типы срывов исполнения (какие-то из них повторно), ибо в том и состоит функция владения техникой управления впечатлениями, чтобы избегать таких срывов.

В начале этого труда, при рассмотрении общих характеристик представительских исполнений говорилось, что исполнитель должен ответственно подходить к выбору выразительных или экспрессивных средств своих действий, так как многие маленькие нечаяьные акты иногда оказываются прекрасно приспособленными для передачи несоответствующих данному моменту впечатлений. Такие события были названы ***непроизвольными***. У сэра Ф. Понсонби есть подходящая иллюстрация того, как попытка распорядителя избежать одного непроизвольного жеста повела к появлению другого.

Один атташе из дипломатической миссии должен был принести подушечку, на которой размещались знаки отличия, и чтобы предотвратить их возможное падение, я просто воткнул разомкнутую булавку крепления звезды в бархатную подушечку. Атташе, однако, не удовольствовался этим и застегнул булавку, чтобы застраховаться вдвойне. В результате, когда принц Александр, произнеся приличествующую случаю речь, попытался взять звезду, то обнаружил, что она прочно прикреплена к по-

душечке, и потратил какое-то время на ее освобождение. Это очень подпортило самый впечатляющий момент церемонии[1].

Следует добавить, что индивид, ответственный за появление непроизвольного жеста, может скомпрометировать свое собственное исполнение, исполнение какого-то соратника по команде, или представление, инсценируемое его аудиторией.

Когда посторонний случайно вторгается в зону, где дают представление, или когда член аудитории нечаянно входит за кулисы, то такой вторженец как бы застает присутствующих flagrante delicato*. Без чьего-либо злого умысла, лица, присутствующие в зоне, возможно будут уличены в деятельности, совершенно несовместимой со впечатлением, которое они обязаны, по более общим соображениям социального характера, поддерживать перед вторженцем. В этом случае срыв исполнения обусловлен ***несвоевременным вторжением***.

В прошлой жизни и в текущей деятельности исполнителя, как правило, найдется хотя бы несколько фактов, которые, если их ввести во время представления, развенчают или по крайней мере ослабят претенциозные заявки исполнителя о себе, проецируемые им на других в качестве составной части общего определения ситуации. Такими фактами могут быть хорошо охраняемые темные секреты или отрицательно-значимые характеристики, которые каждый способен увидеть, но никто не называет вслух. Когда такие факты обнаруживаются, то обычно наступает общее замешательство. Чье-то внимание к ним может быть, конечно, привлечено непроизвольными жестами или несвоевременными вторжениями. Но чаще они актуализируются в результате каких-то намеренных высказываний или безмолвных поступков, полное значение которых недооценивается индивидом, вносящим эти высказывания и поступки во взаимодействие. Следуя распространенному словоупотреблению, такие срывы проецируемых образов можно назвать *faux pas***. Когда исполнитель, не обдумав последствий, преднамеренно вносит в коллективное представление нечто свое, разрушающее образ его собственной ко-

[1] *Ponsonby F.* Recollections of three reigns. L.: Eyre & Spottiswoode, 1951.
* На месте преступления (*лат.*).
** Оплошность, промах, ложный шаг (*лат.*).

манды, обычно говорят об «оплошности» или «промахе». Когда же он ставит под удар образ самого себя, проецируемый другой командой, говорят, что он «уронил кирпич себе на ногу» или «сел в лужу». Учебники по этикету дают классические предупреждения относительно таких опрометчивых поступков:

Если в компании есть хоть один, кого вы не знаете, поостерегитесь блистать эпиграммами или отпускать маленькие милые шуточки. Вполне возможно, что ваше остроумие, допустим, насчет веревки висельника попадет в человека, чей отец был действительно повешен. Первая необходимая предпосылка для успешной беседы — это хорошо знать свою компанию[2].

При встрече с другом, кого вы какое-то время не видели и об истории и теперешнем состоянии семьи которого вы не имеете свежей информации со стороны, надо избегать расспрашиваний или упоминаний о конкретных членах его семьи, пока вы не получите о них достаточных сведений. За время вашей разлуки с другом некоторые из них могли умереть, другие сбиться с пути, отделиться или попасть в большую беду[3].

Непроизвольные жесты, несвоевременные вторжения и faux pas — это все источники замешательства и разногласия, которые, как правило, не входили в намерения лица, ответственного за их появление и которых удалось бы избежать, если бы этот человек заранее знал последствия своей активности. Однако существуют ситуации, часто именуемые ***сценами***, в которых индивид действует с намерением разрушить или возмутить до опасной грани видимость вежливого согласия, и хотя при этом он может преследовать более сложную цель, чем просто возмутить спокойствие, он все-таки сознает, что вероятным результатом его поведения будет то или иное нарушение общего согласия. Обиходное выражение здравомыслия: «устраивать сцену» — вполне здесь на месте, поскольку такими нервными срывами фактически создается некая новая сцена. Прежняя и ожидаемая взаимоигра между командами внезапно отбрасывается прочь и новая драма насильственно занимает ее место. Знаменательно, что эта новая сцена часто влечет столь же внезапную перегруппировку и перераспределение прежнего командного состава в две новые команды.

---

[2] The laws of etiquette. Philadelphia: Carey, Lee & Blanchard, 1836. P. 101.

[3] The canons of good breeding. Or the handbook of the man of fashion. Philadelphia: Lee & Blachard, 1839. P. 80.

Некоторые сцены возникают тогда, когда одни участники команды больше не в состоянии выносить неумелое исполнение других и вдруг взрываются прямой публичной критикой тех самых лиц, с кем они должны поддерживать драматургическое сотрудничество. Такое нарушение командной дисциплины часто разрушительно для исполнения, которое спорящие стороны обязаны вместе представлять: одно из последствий скандала — возможность для аудитории заглянуть за кулисы, а другое — оставить у нее ощущение, что в данном исполнении наверняка есть нечто подозрительное, раз те, кто знают его лучше, с ним не согласны. Другой тип сцен случается, когда аудитория больше не может или не хочет продолжать игру вежливого взаимодействия и потому агрессивно встречает исполнителей такими действиями или экспрессивными выходками, которые будут неприемлемыми для любой команды. Это тот случай, когда человек собирает в кулак свое гражданское мужество и решает «объясниться» с другим или «высказать ему все как есть». Уголовные суды фактически институционализировали этот вид открытого разлада в публичном представлении как последнюю главу разоблачения убийственных тайн, когда на судебном заседании индивид, который до того сохранял убедительную позу невиновности, вдруг сталкивается в присутствии других с неопровержимыми экспрессивными свидетельствами того, что его поза — только поза и больше ничего. Еще один вид сцен возникает, когда взаимодействие между двумя лицами становится столь громогласным, накаленным, или иным образом привлекающим внимание, что находящиеся поблизости, занятые своим собственным разговорным взаимодействием люди, вынужденно превращаются в свидетелей или даже принимают чью-то сторону и вмешиваются в драку. Последний из разбираемых нами типов сцен бывает, когда лицо, действующее как одночленная команда, берет на себя серьезные обязательства, заявляет нешуточные притязания и запросы и не оставляет себе пути к отступлению, ибо аудитория этого ему не простила бы. Обычно такой человек старается, чтобы его притязания согласовались с вероятными запросами данной аудитории и были одобрены и признаны ею. Но если его мотивация к самовыражению достаточно сильна, этот индивид может выдвигать притязания или брать на себя обязательства, которые, как ему

известно, аудитория, вполне возможно, и отвергнет. Он сознательно ослабляет свою защиту в присутствии людей аудитории, отдавая себя, как говорится, на их милость. Таким актом индивид обращается к ним с предложением трактовать их как часть своей команды, либо позволить считать себя частью их команды. Подобная ситуация достаточно затруднительна сама по себе, но когда на беззащитную просьбу отвечают прямым отказом, человек страдает еще и от обыкновенного унижения.

Только что рассмотренные возможные срывы исполнения — непроизвольные жесты, несвоевременные вторжения, faux pas и сцены — на обыденном языке часто называют «инцидентами». Когда происходит любой из них, представление о реальности, поддерживаемое исполнителями, оказывается под угрозой. Вероятнее всего, присутствующие при инциденте отреагируют взволнованностью, чувством неловкости, смущением, нервозностью и т. п. Участники могут почувствовать себя буквально выбитыми из колеи. Когда такие проявления нервозности или симптомы замешательства становятся заметными, представление о реальности, поддерживаемое данным исполнением, по всей вероятности, окажется в еще более угрожаемом и ослабленном состоянии, так как эти проявления в большинстве случаев свойственны самому индивиду, который представляет другим людям какой-то характер, а не изображаемому им характеру, вследствие чего аудитории навязывается незапланированный образ человека, прятавшегося за представляемой маской.

Чтобы предотвратить возникновение инцидентов и вызванное ими замешательство, всем участникам взаимодействия (равно как и не участвующим, но присутствующим) надо обладать определенными свойствами и уметь применять их в практических действиях, выработанных для спасения данного спектакля. Эти свойства и практические действия будут рассмотрены под тремя заголовками: защитные меры, применяемые исполнителями для спасения собственного спектакля; покровительственные меры, используемые аудиторией и посторонними в помощь исполнителям для спасения их спектакля; и, наконец, меры, которые должны сделать возможным для членов аудитории и посторонних применение покровительственных мер от имени исполнителей.

ЗАЩИТНЫЕ МЕРЫ И ПРАКТИКИ

1. Драматургическая верность. Совершенно очевидно, что если команда избирает определенную линию поведения, то участники команды должны действовать так, словно бы они приняли на себя определенные моральные обязательства. Они не должны выдавать секреты команды в перерывах между исполнениями — будь то из корыстных целей, из принципиальных соображений или по наивной неразборчивости. Так, старшие члены семьи часто не допускают ребенка в доме в зону слышимости своих сплетен и самопокаяний, поскольку никогда нельзя знать наверняка, кому ребенок вздумает передать услышанные секреты. Поэтому, только когда ребенок вступит в возраст понимания и разборчивости в отношениях с людьми, родители получают возможность не понижать голосов при его приближении. Авторы XVIII в. обсуждали похожую проблему нарушения лояльности дому со стороны наемных слуг, то есть в данном случае лиц достаточно взрослых и лучше разбирающихся в людях:

Этот недостаток преданности [слуг хозяевам] причинял множество мелких неприятностей, от которых удавалось совершенно избавиться лишь очень немногим нанимателям. Не самой последней из таких неприятностей было пристрастие слуг к пересказу узнанного о делах своих хозяев. Дефо особо отмечал это, наставляя женскую прислугу «прибавить к другим добродетелям уважение к хозяевам, которое научит вас благоразумию в деле *хранения семейных секретов*; отсутствие этой добродетели — великое зло...»[4].

Вот почему как и в случае с детьми при приближении слуг голоса тоже понижались, но в начале XVIII в. в практику вошел другой способ сохранения командных секретов от нескромности прислуги:

«Немым официантом» служил многоярусный стол, который к обеденному часу слуги уставляли кушаньями, напитками, столовыми приборами, а затем удалялись, предоставляя гостям самим обслуживать себя[5].

---

[4] *Hecht J. J.* The domestic servants class in eighteenth-century England. L.: Routledge & Kegan Paul, 1956. P. 81. Автор привел цитату из произведения Дефо «The maid-servant's modest defence».

[5] *Hecht J. J.* Op. cit. P. 208.

После введения в Англии такого драматургического приема Мери Хамилтон сообщала:

Мой кузен Чарлз Каткарт обедал с нами у леди Стормонт. К нашим услугам были немые официанты, так что наша беседа нисколько не пострадала от ограничений, обычно налагаемых присутствием слуг[6].

За обедом нас обслуживали немые официанты, и потому в разговорах нам не нужна была стеснительная осторожность из-за присутствия слуг[7].

По тем же основаниям даже признанные члены команд не должны злоупотреблять своим присутствием в передней зоне, чтобы ставить свой собственный спектакль, как поступают, например, стенографистки на выданьи, которые иногда стесняют окружающих в своем учреждении вычурными подражаниями высокой моде. Нельзя также использовать время своего исполнения как удобный случай для публичного обвинения своей команды. Членам команды надо благожелательно принимать и неравнодушно исполнять маленькие роли, когда бы, где бы и для кого бы ни выбирала их команда как целое. И они обязаны отдаваться собственному исполнению в такой мере, какая позволит не оставить у аудитории впечатления пустозвонства и фальши.

Возможно, ключевая проблема сохранения верности членов команды (и очевидно членов иных типов коллективных объединений тоже) состоит в том, чтобы не допускать у исполнителей развития такой сочувственной привязанности к членам аудитории, когда исполнители начинают раскрывать им истинные значения и последствия для них навязываемых им впечатлений, или как-нибудь по-другому заставляют платить за эту свою привязанность всю команду. Так, в малых местных общинах Британии, управляющие универмагов, как правило, хранят верность своему заведению и потому пылко расхваливают товар, продаваемый покупателю, и даже с придачей лживых советов, но среди рядовых продавцов обязательно найдутся такие, которые, давая советы при покупке, по-видимому, не просто вживаются в роль покупателя, но действительно переходят на его сторону. На одном из Шетландских остро-

[6] *Hecht J. J.* Op. cit. P. 208.
[7] Ibid. P. 208.

ровов, к примеру, я сам слышал, как продавец сказал покупателю, передавая ему бутыль какой-то вишневой шипучки: «Не представляю, как вы можете пить эту дрянь». Никто из присутствующих не счел это сногсшибательной откровенностью, и похожие комментарии можно было слышать каждый день в магазинах по всему острову. По сходным причинам заведующие заправочных станций иногда косо смотрят на чаевые, так как это может побудить их работников по своему произволу оказывать избыточные услуги немногим избранным, в то время как другие клиенты будут вынуждены ждать.

Один из основных способов, какой может выработать команда для защиты себя от подобной неверности, — это развить в себе сильную внутригрупповую солидарность, одновременно создав некий закулисный образ аудитории, который изображает ее достаточно бездушной, чтобы позволить исполнителям морочить ее людей с эмоциональным и моральным хладнокровием. К какой мере участникам команды и их коллегам удастся образовать совершенную социальную общность, которая каждому исполнителю предлагает прочное место и источник моральной поддержки (независимо от его успехов или неуспехов в сохранении представительского фасада перед аудиторией), в той же мере, вероятно, исполнители смогут защитить себя от сомнений и чувства вины и пустить в ход любой вид обмана. Возможно, бессердечный артистизм вышеупомянутых индийских тхагов надо понимать в контексте религиозных верований и ритуальных практик, с которыми их хищнические действия составляли единое целое, а необходимую для успеха бесчувственность жуликов — в свете их социальной солидарности, в том, что называется «блатным миром», и в их совместном язвительном очернении законопослушного мира. Возможно также, что высказанная в начале абзаца идея позволяет частично понять, почему маргинальные группы, которые отчуждены от данного сообщества или еще не полностью включены в него, оказываются столь способными к разным сомнительным занятиям и услугам, в том числе и к обману как элементу повседневной рутины.

Другой способ противодействовать опасности эмоциональных связей между исполнителями и аудиторией — это

периодически менять аудитории. Так, операторов заправочных станций обыкновенно время от времени перемещают с одной станции на другую, чтобы предотвратить образование прочных личных связей с отдельными клиентами. Опыт показал, что если таким связям позволяли укрепиться, работник иногда ставил интересы друга, нуждавшегося в кредите, выше интересов фирмы[8]. По сходным причинам в заведенном порядке сменяли банковских управляющих и министров, а также определенных колониальных администраторов. Еще один пример подобной предупредительной меры можно почерпнуть в мире организованной проституции:

В наши дни этой деятельностью [проституцией] управляет синдикат. Девушек не держат на одном месте подолгу, чтобы помешать им сблизиться с кем-то из клиентов. У них мало шансов полюбить парня, которого знаешь, и тем дать повод к неудовольствию заправил синдиката. Во всяком случае, кочующая проститутка на одной неделе работает в Чикаго, на следующей — в Сент-Луисе, или объезжает полдюжины мест в городе, прежде чем ее пошлют куда-нибудь еще. Они никогда не знают, куда поедут, пока им не сказали[9].

2. *Драматургическая дисциплина.* Решающим для поддержания жизни командного исполнения оказывается то, что каждый член команды подчиняется драматургической дисциплине и следует ей при исполнении собственной роли. Я имею в виду факт, что хотя исполнитель обычно кажется полностью поглощенным своим представлением и безотчетно захваченным собственными действиями, он тем не менее обязан сохранять эмоциональную отстраненность от процесса своего представления другим настолько, чтобы достаточно свободно совладать с драматургическими неожиданностями по мере их возникновения. Он обязан демонстрировать интеллектуальную и эмоциональную вовлеченность в представляемую перед другими деятельность, но должен удерживаться от абсолютного увлечения собственным отдельным спектаклем, чтобы его участие не мешало

---

[8] Такую «измену», без сомнения, систематически подделывают в некоторых коммерческих заведениях, где покупателю называют «особую» пониженную цену, причем продавец торжественно объявляет, что это делается на основе личных отношений в интересах данного покупателя как постоянного клиента.

[9] *Hamilton Ch.* Men of the underworld. N.Y.: Macmillan, 1952. P. 222.

задаче постановки общекомандного успешного представления.

Дисциплинированный в драматургическом смысле исполнитель — тот, кто помнит свою роль и не допускает при ее исполнении непроизвольных жестов или faux pas. Он осмотрителен и не подведет представления нечаянным разоблачением его секретов. Он находчивый человек, при любых обстоятельствах сохраняющий «присутствие духа», и способный без подготовки прикрыть неуместные выходки со стороны товарищей по команде, в то же время поддерживая впечатление, будто он просто исполняет свою обыкновенную партию. А если срыва представления нельзя избежать или скрыть, дисциплинированный исполнитель всегда готов предложить правдоподобное объяснение, почему не надо обращать внимания на данное разрушительное событие, в шутливой манере умалить его важность, или усиленным восхвалением и самоуничижением поднять дух ответственных за срыв исполнителей. Дисциплинированный исполнитель — это также человек с «самообладанием», или «самоконтролем». Он умеет подавлять свои эмоциональные реакции на личные проблемы, на ошибки товарищей по команде и на аудиторию, когда та возбуждает в нем неуместную враждебность или любовь. И еще он способен удерживаться от смеха по поводу событий, которые по определению считаются серьезными, и от серьезности в вещах, ситуативно определенных как юмористические. Иными словами, он способен подавлять спонтанное излияние своих личных чувств, чтобы создавать видимость приверженности к избранной эмоциональной линии и уровню выразительности, заданным исполнением его команды, ибо выставление напоказ запрещенных чувств может не только повести к неуместным разоблачениям и ударам по рабочему согласию, но и неявно распространить на аудиторию статус члена команды. И, наконец, дисциплинированный исполнитель способен, с достаточным самообладанием, без смущения переходить со сцен, где уместны частные проявления неформального стиля общения, на сцены, где обязательно соблюдение разного рода формальностей[10].

[10] См. напр.: *Page Ch. H.* Bureaucracy's other face // Social Forces. Vol. 25. P. 91—92.

Возможно, средоточие драматургической дисциплины следует искать в управлении собственным лицом и голосом. В этом заключена решающая проверка способностей человека как исполнителя. Ведь должна быть скрыта фактическая эмоциональная реакция и показана подходящая к ситуации реакция. Часто кажется, что поддразнивание — это прием неформального посвящения в дух команды, выработанный ею, чтобы тренировать и проверять способность своих новых членов «воспринимать шутку», то есть сохранять дружелюбие даже, возможно, не испытывая этого чувства в глубине души. Когда индивид проходит такой тест на способность контролировать самовыражение (безразлично, происходит ли это в шутку с подачи своих новых сотоварищей по команде или при внезапной необходимости участвовать во вполне серьезном представлении), после этого он способен рисковать как игрок, который может доверять сам себе и кому могут доверять другие. Очень тонкая иллюстрация на этот счет имеется в одной статье Х. Бекера о курении марихуаны. Бекер сообщает, что нерегулярный потребитель этого наркотика очень боится оказаться в наркотическом состоянии в кругу родителей или коллег по работе, которые ждут от него теплого, личного взаимодействия, без искусственной стимуляции дурманящими снадобьями. Похоже, нерегулярный потребитель не станет хроническим потребителем, пока не узнает, что он способен быть «на высоте» и может выдержать представление перед некурильщиками, не выдав себя. Та же проблема возникает (возможно, в менее драматичной форме) в обыкновенной семейной жизни, когда должно быть принято решение относительно приемлемого уровня воспитанности юных членов семейной команды, при котором их можно брать на публичные и полупубличные церемонии, ибо только когда ребенок научится владеть собой, он будет достаточно надежным участником таких церемоний.

3. Драматургическая осмотрительность. Верность и дисциплина, в драматургическом смысле этих терминов, суть свойства, необходимые участникам команд, если нужно, чтобы спектакль, который они ставят, продолжался. Кроме того, весьма полезно, если члены команды применя-

ют человеческую способность предвидения и планирования, определяя заранее, как лучше инсценировать спектакль. Предусмотрительность следует упражнять. В ситуациях, когда очень мало шансов быть увиденным со стороны, можно использовать благоприятные возможности для расслабления. Когда невелика вероятность подвергнуться контрольной проверке, неприкрашенные факты можно представлять другим в радужном свете и исполнители могут играть свою партию во всю силу, демонстрируя все свои достоинства. Если осторожность и честность не упражнять, то возможны срывы представления. Но если все время проявлять сверхосторожность и негибкую честность, то вряд ли исполнителей будут понимать просто «очень хорошо» — их могут понять неправильно, недостаточно, или они сильно ограничат себя в реализации открытых перед ними драматургических возможностей. Другими словами, в интересах команды исполнителям надо упражнять предусмотрительность и осмотрительность при постановке спектакля, заранее готовясь к вероятным событиям и использованию благоприятных возможностей. Упражнения или внешние выражения драматической осмотрительности принимают хорошо известные в жизни формы. Рассмотрим некоторые методы управления впечатлениями.

Очевидно, первым таким методом для команды будет отбор верных и дисциплинированных членов, и вторым — достижение ясности насчет того, на какую степень верности и дисциплинированности состава команды в целом можно полагаться. Ибо степень, в какой участники реально обладают этими качествами, заметно влияет на вероятность успеха командного исполнения и, следовательно, на надежность вложения в данное исполнение человеческой серьезности, авторитета и достоинства.

Осмотрительный исполнитель попытается также подобрать подходящую аудиторию, которая доставит минимум хлопот в отношении спектакля, какой он хочет поставить, и того спектакля, какой он не хотел бы видеть. Так, например, учителя, как правило, не любят работать ни с учениками младших, ни с учениками старших классов, потому что в общении с обеими этими группами труднее поддерживать определение ситуации, которое подтверждает

профессиональную роль учителя[11]. По этим драматургическим соображениям учителя предпочитают работать с учениками среднего возраста. По сходным причинам некоторые медсестры любят работать в операционной, а не в палате, поскольку в операционной принимаются специальные меры, чтобы поскорее сделать аудиторию, состоящую из единственного зрителя, невосприимчивого к слабостям спектакля, что позволяет команде медиков драматургически расслабиться и сосредоточиться на чисто технических требованиях к выполняемым действиям[12]. Раз аудитория спит, то возможно даже приглашение «теневого хирурга» для исполнения операции, успех которого позже присвоят другие присутствовавшие при этом[13]. Аналогично, из-за того, что мужу и жене обычно приходится публично демонстрировать супружескую солидарность, совместно ухаживая за гостями, может понадобиться исключить из их числа таких лиц, по отношению к которым супруги испытывают полярно разные чувства[14]. Тем же объясняется, почему влиятельному и могущественному человеку, который хочет пребывать в приятной уверенности, будто он способен вести все дела в своем учреждении исключительно «по-дружески», будет полезно обзавестись отдельным лифтом и щитом из регистраторов и секретарей, отсеивающих и сортирующих посетителей, так чтобы к нему нечаянно не проник ни один человек, с кем он мог бы обойтись жестко или по-снобистски пренебрежительно.

Очевидно, что для гладко-автоматического достижения такого положения, когда ни один член исполнительской команды или ни один член аудитории не действует невпопад, надо максимально возможно ограничить размеры обеих этих команд. При прочих равных условиях, чем мень-

---

[11] *Becker H. S.* Social class variations in the teacher-pupil relationship // Journal of Educational Sociology. Vol. 25. P. 461—462.

[12] В неопубликованном исследовательском отчете Эдит Ленц есть интересное наблюдение о том, что иногда жужжание музыки в наушниках пациента, которого оперируют без общей анестезии, служит эффективным средством отвлечения его внимания от разговоров операционной команды.

[13] *Solomon D.* Career contingencies of Chicago physicians / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1952. P. 108.

[14] Такая ситуация описана в коротком рассказе Мери Маккарти «Друг семьи»: *McCarthy M.* Cast a cold eye. N.Y.: Harcourt Brace, 1950.

ше участников, тем меньше возможностей для ошибок, разногласий и измен. Так, продавцы любят иметь дело с покупателями-одиночками без всякого сопровождения, потому что, по общему мнению, аудитории из двух лиц гораздо труднее «всучить» товар. По тем же соображениям в некоторых школах заведено неофициальное правило: ни один учитель не должен входить в класс другого учителя, во время урока. Напрашивается предположение, что причина этого запрета в высокой вероятности того, что новый исполнитель сделает что-нибудь такое, что пытливые глаза ученической аудитории заметят и сочтут несовместимым с впечатлениями, насаждаемыми их собственным учителем[15]. Однако есть по меньшей мере две причины, почему этот прием ограничения численности состава команд сам имеет ограничения. Во-первых, некоторые исполнения не могут быть представлены другим без технического содействия более или менее значительного числа участников в команде. Так, например, хотя генеральному штабу любой армии известно, что чем больше офицеров знает планы предстоящей операции, тем больше вероятность утечки информации и раскрытия стратегических секретов, но штаб все-таки бывает вынужден допустить к секретам достаточно широкий круг людей, чтобы спланировать и подготовить операцию. Во-вторых, люди в качестве элементов экспрессивного снаряжения исполнения, нередко оказываются гораздо более эффективными в некоторых отношениях чем «неодушевленные» предметы обстановки. Например, когда надо эффектно подчеркнуть высокую драматургическую значимость общественного положения какого-то человека, может возникнуть необходимость окружить его порядочной свитой сопровождения, чтобы создать вокруг него полезную для дела ауру поклонения.

Я говорил, что, держась ближе к фактам, исполнитель сможет лучше обезопасить свой спектакль от разных неожиданностей, но эта же установка может отвратить исполнителя от постановки слишком сложного спектакля. Если требуется благополучно поставить именно сложный спектакль, то быть может полезнее максимально освободить себя от фактов, а не цепляться за них. Для служителя

---

[15] *Becker H. S.* The teacher in the authority system of the public school // Journal of Educational Sociology. Vol. 27. P. 139.

религии, например, предпочтительнее торжественная, внушающая благоговение, чисто представительская церемония, поскольку не существует признанных путей опровержения религиозных претензий. Точно так же, профессионал обычно настаивает, что работу, которую он исполняет, надо оценивать не по достигнутым результатам, а по интенсивности искусного применения известных на данный момент ухищрений. Кроме того профессионал, конечно же, провозглашает, что правильно судить об этом могут только коллеги-специалисты. Тем самым для профессионала открывается возможность полностью, со всем присущим ему авторитетом и достоинством, отдаться своему представлению, так как он знает, что разрушить создаваемое им впечатление способна только совсем уж дурацкая ошибка. Отсюда, усилия разных мастеровых получить, так сказать, профессиональный мандат можно понять как усилия увеличить контроль над реальностью, которую они представляют своим клиентам. Можно заметить, что такой контроль, в свою очередь, требует расчетливой почтительности в манерах при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Обычно устанавливается некое соотношение между количеством проявлений почтительности и временно́й продолжительностью исполнения. Если аудитории положено видеть лишь короткое выступление и вероятность какого-то возмущающего события относительно невелика, то исполнитель может относительно безопасно (особенно в условиях анонимности) поддерживать весьма фальшивый передний план[16]. В американском обществе существует явление, именуемое «телефонная речь» — некая искусственная обрывистая форма речи, не используемая при разговорах лицом к лицу из-за опасности нежелательных последствий. В Британии в тех видах контактов между незнакомыми,

[16] В коротких и анонимных сервисных отношениях обслуживающий становится докой по части распознавания показухи в поведении клиентов. Но поскольку его собственное положение ясно определено ролью обслуживающего, он не может с легкостью ответить на показное поведение той же монетой. В то же время клиенты, которые действительно являются теми, кого они изображают, часто подозревают, что обслуживающий, возможно, не признает этого. В таком случае клиент может незаслуженно почувствовать себя немного пристыженным, потому что его заставляют испытывать нечто подобное чувствам настоящего показушного фальсификатора.

которые наверняка бывают очень короткими (включая затраты времени на всякие «пожалуйста», «благодарю вас», «извините меня», «могу я обратиться» и т. п.), можно услышать куда больше акцентов, характерных для выпускников привилегированных частных школ, чем таких выпускников имеется в действительности. Аналогично в англоамериканском обществе большинство домов еще не располагает достаточным сценическим оборудованием, чтобы поддерживать гладкий спектакль вежливого гостеприимства для гостей, остающихся более чем на несколько часов. Только в верхнем среднем и высшем классах развит институт «гостя на выходные дни», ибо только здесь исполнители уверены в достаточности своего знакового снаряжения, чтобы выдержать продолжительное шоу гостеприимства. Например, на Шетландских островах некоторые арендаторы были в состоянии поддерживать такой спектакль в духе среднего класса на время чаепития, в считанных случаях — на время обеда и в одном или двух случаях — даже на выходные дни. Но большинство островитян чувствовали себя безопасно при исполнении спектакля гостеприимства для аудиторий из представителей среднего класса только на открытой веранде или, еще лучше, в общинном зале, где усилия и ответственность по ведению спектакля можно было разделить на многих участников островной команды.

Драматургически расчетливый исполнитель будет приспосабливать свое выступление к наличным условиям восприятия информации во время его исполнения. Стареющие проститутки в Лондоне XIX в., которые ограничивали место своей работы темными аллеями парков, чтобы вид их лиц не убивал пыла их аудитории, практиковали стратегию, которая была даже старше их древнейшей профессии[17]. Кроме учета того, что может быть увидено другими, исполнитель должен также принимать в расчет информацию, какой уже может располагать о нем аудитория. Чем больше информации об исполнителе имеет аудитория, тем менее вероятно, что любая новость, узнанная ее членами во время взаимодействия, радикально повлияет на их восприятие исполнителя. Если же никакой предварительной информации об исполнителе у аудитории нет, то можно ожи-

[17] *Mayhew H.* London labour and London poor. Vol. 4. L.: Griffin, Bohn, 1862. P. 90.

дать, что информация, приобретенная в ходе взаимодействия, станет по своему относительному весу решающей. Отсюда следует, что исполнители скорее всего ослабят свой строгий представительский фронт, когда окажутся среди тех, кого давно знают, и будут укреплять его, когда попадут в новую среду. С теми, кого не знаешь, требуется осторожность в любых исполнениях.

Можно упомянуть еще один момент, связанный с процессом коммуникации. Осмотрительный исполнитель будет учитывать, что аудитория имеет доступ к источникам информации, внешним по отношению к данному взаимодействию. Например, о членах племени тхагов в Индии рассказывают, что в начале XIX в. они разыгрывали следующие представления:

Как правило, они, чтобы усыпить подозрения, притворялись купцами или солдатами, путешествующими без оружия. Это давало им превосходный предлог для поиска попутчиков, ибо в наружности тхагов не было ничего возбуждающего тревогу. Большинство тхагов выглядели мирными и исключительно вежливыми людьми, ибо этот камуфляж входил в набор их уловок, так что хорошо вооруженные путники без всяких опасений позволяли этим рыцарям большой дороги присоединяться к ним. Успешно совершив этот первый шаг, тхаги постепенно завоевывали доверие намеченных жертв смиренной и признательной манерой поведения, и притворялись заинтересованными их жизнью до тех пор, пока не узнавали в подробностях об их домах и семьях с целью выяснить, как скоро хватятся этих людей после убийства, и знают ли они кого-нибудь поблизости. Иногда убийцы проделывали вместе с жертвами длинный путь, прежде чем им подвертывалась благоприятная возможность для совершения злодейства. Зарегистрирован случай, когда банда двенадцать дней путешествовала с семьей из одиннадцати человек, покрыв двести миль, прежде чем им удалось безнаказанно убить всех[18].

Несмотря на то, что аудитории мирных путников постоянно были начеку в отношении подобных исполнителей (и незамедлительно предавали смерти тех, кого опознавали как тхагов), тхаги могли разыгрывать эти представления отчасти из-за информационных условий всякого путешествия того времени. Когда какая-то группа путешественников отправлялась в долгий путь, то у них не было возможности проверять личности тех, с кем они встреча-

[18] *Sleeman C. J. L.* Thugs or a million murders. L.: Sampson Low, 1933. P. 25—26.

лись по дороге, и если с ними что-нибудь случалось, то порой проходили месяцы, прежде чем о них с опозданием начинали беспокоиться. К этому моменту тхаги, которые исполнили свою злодейскую пьесу, оказывались вне пределов досягаемости. Но в своих родных деревнях, где их хорошо знали, где жили их семьи и где они отвечали за свои грехи, члены этого племени вели себя образцово. Точно так же осторожные американцы, которые в обыкновенной жизни никогда не будут рисковать, ложно представляя другим свой социальный статус, иногда могут соблазниться и выдать себя за другого во время короткого пребывания на летнем курорте.

Помимо сведений, полученных из внешних для данного взаимодействия источников информации осмотрительный исполнитель обязан принимать в расчет и те возможности, которые предоставляют ему внутренние источники информации. Поэтому благоразумный исполнитель будет приспосабливать свое представление перед другими к характеру реквизита и задач, исходя из которых он должен строить свое исполнение. Например, продавцы одежды в Соединенных Штатах вынуждены быть относительно сдержанными и избегать преувеличений, рекомендуя товар, поскольку покупатели в состоянии сами проверить на глаз и на ощупь то, что им показывают. Но продавцам мебели нет нужды быть столь осторожными, потому что очень немногие из покупательской аудитории способны судить о том, что скрывается за выставленным напоказ фасадом полировки и внешнего лоска[19]. В Шетланд-отеле персонал имел большую свободу выбора относительно того, что класть в супы и пудинги, так как эти блюда имеют свойство скрывать содержащиеся в них ингредиенты. Супы было особенно легко «инсценировать». Они тяготели к категории сборных блюд: остатки одного с прибавкой чего-нибудь из лежащего под рукой давали новое блюдо. С мясными продуктами, истинное качество которых разглядеть проще, было меньше возможностей маневрировать. Фактически, стандарты персонала в этом случае были строже стандартов материковых гостей, и то, что «воняло» для местных жителей, могло быть всего лишь «с душком» для приезжих. На тех же основаниях держалась островная традиция, по которой ста-

[19] *Conant L.* The Borax House // The American Mercury. Vol. 17. P. 169.

реющим фермерам дозволялось освобождаться от тягостных обязанностей взрослой жизни только под предлогом выдуманной болезни, поскольку в тех местах попросту нет понятия о человеке, слишком старом, чтобы работать. Островным докторам предлагалось признать как факт (хотя тогдашний доктор не желал участвовать в этом), что никто не может знать скрытой внутри человеческого тела болезни. Тем самым от врачей ждали, что при постановке диагноза они будут тактично ограничиваться лишь жалобами пациентов. По тем же причинам, если хозяйка заинтересована в успехе спектакля по демонстрации чистоты в ее доме, то она скорее всего сосредоточится на стеклянных поверхностях в гостиной, ибо стекло слишком ясно показывает всякую пыль и грязь. А более темному и менее разоблачительному ковру, который, возможно, и выбран-то был в надежде, что «темные цвета скроют грязь», она по всей ве-роятности уделит гораздо меньше внимания. Точно так же художника обычно мало заботит убранство его мастерской (фактически мастерская художника стереотипно считается местом, где люди работают как бы за кулисами и не заботятся о том, кто и в каких условиях их видит) отчасти потому, что истинная ценность художественного произведения может, или должна, непосредственно открываться нашим чувствам. Портретисты, однако, вынуждены завлекать заказчиков приятной богатой обстановкой и потому склонны использовать для работы представительные, солидно выглядящие студии как своего рода гарантию исполнения своих обещаний. Подобно этому, мошенникам приходится разрабатывать сложные и до мелочей продуманные личные представительские планы и часто тщательнейшим образом подстраивать социальную обстановку, не столько потому, что они обманывают ради добычи средств к существованию, сколько потому, что для безнаказанного проворачивания достаточно масштабного мошенничества им надо иметь дело с людьми, которые изначально были и должны оставаться незнакомыми по отношению к ним, и к тому же надо заканчивать все сделки как можно быстрее. Законопослушным бизнесменам, которые стали бы учреждать честное предприятие при тех же условиях, пришлось бы столь же тщательно позаботиться о внешнем самовыражении, ибо именно по внешнему облику потенциальные инвесторы обычно судят о характере тех, кто хочет

предложить им какую-то сделку. Короче говоря, как делец-мошенник, надувая своих клиентов в условиях, когда они знают о возможности злоупотребления их доверием, должен со всем тщанием избегать появления у клиентов непосредственного впечатления от своей личности, наводящего на догадку, кто он есть на самом деле, точно так же и законопослушный делец, работая в тех же обстоятельствах, должен следить за тем, чтобы в непосредственных контактах не создавать впечатления, будто он мог бы быть тем, кем на самом деле не является, то есть не создавать ложного впечатления о себе как о мошеннике.

Очевидно, что потребуются значительные усилия, если результат поведения исполнителя может иметь для него важные последствия. Наглядный пример такой ситуации — собеседование-интервью при приеме на работу. Зачастую интервьюер делает очень важные для интервьюируемого заключения о нем и принимает решения исключительно на основе информации, полученной от самого объекта в ходе интервью-представления. Судя по всему, и сам интервьюируемый чувствует (и в какой-то степени оправданно), что каждое его действие будет воспринято как нечто символическое и потому он перед представлением-интервьюированием предпримет значительные подготовительные усилия, заранее обдумает свои ответы. Следует также ожидать, что интервьюируемый уделит особое внимание своей внешности и манерам, не просто для того чтобы создать благоприятное впечатление, но и чтобы подстраховаться и упредить любое неблагоприятное впечатление, которое могло бы нечаянно передаться другому. Приведем еще один пример. Те, кто работают в области радиовещания, или на телевидении, остро сознают, что произведенное ими мимолетное впечатление повлияет на будущее их восприятие массовой аудиторией. Поэтому в этих секторах индустрии массовых коммуникаций чрезвычайно озабочены проблемой передачи нужного «правильного» впечатления и постоянно тревожатся по поводу того, что переданное впечатление, возможно, было вредным, «неправильным». Заинтересованность в создании нужных впечатлений настолько сильна, что заставляет даже высокопоставленных исполнителей терпеть определенные унижения ради своего успеха: конгрессмены позволяют делать себе макияж и указывать, что им надеть; профессиональные боксе-

ры унижаются, позволяя устраивать вместо достойной боевой схватки шоу цирковых бойцов[20] и т. п.

Осмотрительность со стороны исполнителей выражается также в способе, каким они управляют расслаблениями в своем внешнем виде. Когда команда физически отдалена от своей инспектирующей аудитории и нежданный визит ее представителей маловероятен, тогда становится осуществимым «большое» расслабление. Так, например, маленькие гарнизоны американских военно-морских сил на тихоокеанских островах во время второй мировой войны нередко управлялись совершенно неофициально, по-свойски, и подтягивание дисциплины для наведения шика и блеска требовалось лишь тогда, когда подразделение переводили в места, где с большей вероятностью можно было встретить членов надзирающей аудитории[21]. Когда инспекторам легкодоступно место, где команда ведет свою работу, тогда степень возможного для команды расслабления зависит от эффективности и надежности ее системы предупреждения. Следует заметить, что серьезное расслабление требует не только системы предупреждения, но и существенного промежутка времени от предупреждения до реального появления инспекторов, ибо команда имеет возможность расслабляться лишь в той мере, в какой она способна исправить последствия расслабления за такой временной промежуток. Это можно пояснить на примере из школьной жизни. Когда школьная учительница покидает свой класс на короткое время, ее подопечные могут позволить себе небрежные позы и разговоры шепотом, поскольку эти нарушения исправимы за несколько секунд после предупредительного сигнала о возвращении учительницы. Но маловероятно, что ученикам удастся незаметно покурить, так как от запаха дыма нельзя избавиться быстро. Любопытно, что ученики, подобно другим исполнителям, любят «испытывать пределы» допустимого, устраивая веселую беготню достаточно далеко от своих парт, так что когда приходит предупреждение, они вынуждены как сумасшедшие мчаться на свои законные места, чтобы не быть пойманными врасплох. В этом отношении может оказаться важным характер мест

[20] См. еженедельную колонку Джона Ларднера в «Newsweek» (1954. 22 February. P. 59).

[21] *Page Ch. H.* Op. cit. P. 92.

ности. На Шетландских островах, например, не было деревьев, мешающих взгляду, а жилые строения были рассредоточены. Соседи имели право заглядывать друг к другу, когда им случалось быть поблизости, но приближение обычно можно было видеть задолго до фактического прибытия. Вездесущие фермерские собаки обыкновенно подкрепляли это визуальное предупреждение облаиванием гостя. Поэтому островитяне имели возможность полноценно расслабляться, так как в запасе всегда были минуты отсрочки, чтобы привести сцену в порядок. И, конечно, при наличии таких предупредительных средств стук в дверь больше не исполнял одной из своих главных функций — сигнализировать о появлении в доме постороннего, так что собратья-фермеры не жаловали друг друга этим знаком вежливости, хотя некоторые из них использовали в качестве дополнительного последнего предупреждения шарканье ногами при входе. Отели с апартаментами, входная дверь которых открывается только тогда, когда постоялец нажмет кнопку изнутри, также гарантируют клиентам своевременное предупреждение и возможность глубокого расслабления.

Хотелось бы упомянуть еще об одном проявлении драматургической осмотрительности. Когда команды входят в непосредственный контакт друг с другом, может произойти множество мелких событий, которые случайно будут способствовать передаче общего впечатления, несовместимого с насаждаемым. Такое невольное экспрессивное предательство — базисная характеристика взаимодействия лицом-к-лицу. Один из способов справляться с данной проблемой — это, как говорилось раньше, подбирать дисциплинированных участников команды, которые не допустят исполнения своих ролей в грубой, бестактной или чересчур застенчивой манере. Другой метод — заранее готовить для всех участников альтернативные возможности самовыражения. Например, можно разработать полную программу действий еще до события, до начала самого взаимодействия, намечая кто и что должен делать вначале и кто что должен делать затем. Этим способом можно избежать неразберихи и перерывов во взаимодействии и, следовательно, впечатлений, которые такие заминки могли бы передать аудитории. (В таком методическом варианте таится, конечно, известная опасность. Полностью прописанное исполнение, как в поставленной на сцене пьесе, весьма эффективно только

при условии, что никакое непредвиденное событие не нарушит запланированной последовательности изложения и действий. Но если в какой-то момент эта последовательность будет сорвана, исполнители могут не найти нужной реплики, которая позволила бы им снова вернуться к тому месту сценария, где была прервана запланированная последовательность действий. В таком случае исполнители, следующие жесткому сценарию, могут оказаться в худшем положении, чем занятые в менее организованном спектакле.) Еще один вариант применения методики программирования состоит в том, чтобы сами по себе ничтожные поступки и события (вроде того, кому входить в комнату первым или кому сидеть рядом с хозяйкой и т. п.) рассматривать как важные знаки внимания. Причем все подобные мелкие предпочтения должны сознательно распределяться согласно таким принципам, которые не могут обидеть никого из присутствующих: например, по возрасту, очевидному старшинству в чине и ранге, по полу или по временному церемониальному статусу и т. д. В этом смысле принятый протокол есть не столько план распределения и выражения оценок участникам в течение взаимодействия, сколько план нейтрализации, «заземления», потенциально разрушительных самовыражений в форме, которая будет приемлемой (и нормальной) для всех присутствующих. Еще один вариант программирования исполнения требует отрепетировать всю рутину так, чтобы исполнители хорошо напрактиковались в своих партиях и непредвиденные случаи не заставали их врасплох. Кроме того методика предварительной подготовки к возможным отклонениям от сценария предполагает, что для аудитории будут заранее очерчены границы ответственности за исход представления, которую ее члены должны взять на себя. Когда имеет место инструктаж такого рода, то, конечно, становится трудно отличать исполнителей от членов аудитории. Этот тип командного сговора особенно часто встречается там, где исполнитель является носителем высокопочитаемого священного статуса и не может полностью довериться стихийному такту аудитории. В Британии, например, представляемых ко двору женщин (которых можно рассматривать в качестве аудитории по отношению к монаршим исполнителям) заблаговременно школят насчет того, что надеть, в каком лимузине прибыть, как делать реверанс и что говорить.

ПОКРОВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Я перечислил три качества, какими должны обладать члены команды, чтобы команда в целом чувствовала себя в безопасности во время исполнения: верность, дисциплина и осмотрительность. Каждое из этих качеств проявляется при использовании многих стандартных защитных методик, благодаря чему исполнителям удается спасти собственный спектакль. Некоторые из этих методик управления впечатлениями были рассмотрены только что. Другие, как например, практика контролирования доступа в задние и передние зоны действия, обсуждались раньше. В этом разделе я хочу сосредоточиться на том, что большинство из таких защитных технических приемов управления впечатлениями имеют своеобразную дублирующую страховку в виде тактичной склонности членов аудитории и посторонних действовать покровительственным образом по отношению к исполнителям, дабы помочь им спасти их спектакль. Поскольку зависимость исполнителей от такта аудитории и посторонних людей обычно недооценивается, будет уместно специально привести здесь сразу несколько широко используемых покровительственных практик, хотя с аналитической точки зрения каждую такую практику, возможно, было бы лучше рассматривать в единстве с соответствующей защитной практикой.

Во-первых, надо ясно понимать, что доступ в задние и передние зоны представления контролируют не только исполнители, но частично и другие (то есть посторонние или люди, принадлежащие аудитории). Люди по своей доброй воле держатся в стороне от зон, в которые их не приглашали. (Этот вид такта в отношении места действия аналогичен «осмотрительной свободе выбора», которая уже описывалась как разборчивость, или такт, в отношении фактических обстоятельств действия.) Когда посторонние приближаются к зоне чужого действия, то обычно они дают уже присутствующим в ней людям некое предупреждение в форме послания, стука, или покашливания, так что, если нужно, их вторжение может быть задержано, обстановка спешно приведена в порядок, а лицам присутствующих придано ситуационно уместное выражение[22]. Проявления так-

[22] Горничные часто привыкают входить в комнату без стука, или сразу после стука, не ожидая разрешения, вероятно, на основании теории,

тичности в этом роде могут быть хорошо и подробно разработаны. Так, представляясь незнакомцу посредством рекомендательного письма, наверное правильнее передавать письмо адресату до своего фактического прибытия в зону его непосредственного присутствия. Тогда адресат будет иметь время для решения, какого рода встречу устроить вам или другому рекомендуемому и какая манера выражения подойдет для такой встречи[23].

Часто можно обнаружить, что когда взаимодействие вынужденно протекает в присутствии посторонних, то эти посторонние действуют тактично, демонстрируя свою незаинтересованность, отстраненность и невосприимчивость. В результате, если нельзя добиться физической изоляции стенами или достаточным расстоянием, то в какой-то мере изоляция достигается благодаря соблюдению условностей. К примеру, когда две компании ужинают в соседних кабинетах ресторана, ожидается, что ни одна из них не воспользуется реально существующей возможностью подслушивать другую.

Правила этикета, относящиеся к тактичному запрету проявлять интерес к чужому, и эффективность обеспечиваемой этим частной тайны, конечно, различаются в зависимости от принадлежности действующих к определенному обществу и субкультуре. В среднем классе англо-американского общества человеку, находящемуся в общественном месте, положено не совать носа в дела других людей и заниматься собственными делами. Лишь когда женщина роняет сумочку, или собрат-автомобилист застревает посреди дороги, или ребенок, оставленный без присмотра в коляске, начинает кричать, только тогда человек из среднего класса чувствует себя в праве мгновенно снести условные разделительные барьеры. На Шетландских островах на этот счет сложились иные правила. От человека случайно оказавшегося среди других людей, занятых каким-то делом, принято ожидать, что он предложит помощь, особенно, если дело было относительно недолгим и относительно трудным. Такая взаимопомощь по случаю прини-

---

что они статистки, перед кем присутствующим в комнате нет нужды притворяться или поддерживать готовность ко взаимодействию в любой момент. Домохозяйки-подруги ходят друг к другу на кухни столь же вольно, выражая этим, что им нечего скрывать друг от друга.

[23] Esquire Etiquette. Philadelphia: Lippincott, 1953. P. 73.

малась как нечто само собой разумеющееся и была просто-напросто выражением чувства товарищества у островитян.

В том случае, когда аудитория становилась участницей исполнения, то для ее членов необходимость быть тактичными все равно не исчезала. В любой среде любого общества существует вполне разработанный этикет поведения, которым руководствуются индивиды, будучи членами аудитории. Он включает: проявление достаточного внимания и интереса; готовность держать под контролем свое собственное исполнение, чтобы не вносить в общее представление слишком много противоречий, помех и не привлекать повышенного внимания к себе; подавление всех действий или высказываний, которые могли бы вызвать faux pas; и вдобавок ко всему, умение избегать сцен. Такт аудитории, публики — настолько общее свойство, что можно ожидать его проявлений даже от лиц, отличающихся особенно несуразным поведением, каковы, например, пациенты в психбольницах. Так, одна исследовательская группа сообщает:

В другой раз персонал, не переговорив с больными, решил устроить им вечеринку в Валентинов день. Многие из пациентов не хотели идти, но пошли, поскольку чувствовали, что не стоит оскорблять чувства медсестер-студенток, организовавших вечеринку. Игры, предложенные медсестрами, были на уровне детей-несмышленышей. Многие больные чувствовали себя в них очень глупо и были рады, когда эта вечеринка кончилась и они смогли возвратиться к занятиям по собственному выбору[24].

В другой психиатрической лечебнице было замечено, что когда благотворительные танцы в госпитале Красного Креста устраивали для больных организации этнических меньшинств, тем самым предоставляя возможность приобрести опыт благотворительной деятельности некоторым своим малопривлекательным соплеменницам, представитель госпиталя иногда даже уговаривал избранных пациентов-мужчин потанцевать с этими девушками, чтобы можно было поддерживать желанное впечатление, будто гости, сами несчастные, одаривают своей компанией людей еще более обездоленных, чем они сами[25].

Когда исполнители делают какой-то промах, ясно выявляющий расхождение между насаждаемым впечатлени-

[24] *Caudil W., Redlich F.C., Gilmore H.R., Brody E.B.* Social structure and interaction processes on a psychiatric ward // American Journal of Orthopsychiatry. Vol. 22. P. 321—322.

[25] Исследование автора 1953—1954 гг.

ем и разоблаченной реальностью, аудитория может тактично «не заметить» этого промаха или с готовностью принять извинение за него. В кризисные моменты для исполнителей, вся аудитория может вступить с ними в молчаливый сговор, чтобы помочь им выпутаться. Например, в психбольницах можно наблюдать такую картину: когда пациент умирает настолько скандально, что это пагубно отражается на впечатлении о полезности лечения в данном учреждении, поддерживаемом персоналом, другие пациенты, обычно предрасположенные досаждать этому персоналу, могут тактично приостановить свои военные действия и с большой деликатностью помочь составить совершенно фальшивое впечатление, будто они не осознали значения того, что произошло[26]. Точно так же, во время каких-либо инспекций, будь то в школах, казармах, больницах, или дома, аудитория, вероятнее всего, будет вести себя образцово, так что исполнители, которых проверяют, смогут поставить образцовый спектакль. В такие моменты границы команд легко и мгновенно передвигаются, так что инспектирующим надзирателю, генералу, директору или просто гостю придется столкнуться с исполнителями и аудиторией, находящимися в сговоре.

Рассмотрим последний случай тактичности аудитории в обращении с исполнителями. Когда известно, что исполнитель начинающий и, следовательно, более других подвержен приступам смущения и ошибкам, аудитория часто проявляет сверхпредупредительность, удерживаясь от причинения ему дополнительных трудностей, которые в ином случае она могла бы создать другому исполнителю.

Мотивами тактичного поведения членов аудитории могут быть либо непосредственное отождествление себя с исполнителями, либо желание избежать неприятной сцены, либо стремление расположить к себе исполнителей с целью их эксплуатации. Возможно, последнее соображение — самое предпочтительное объяснение. Некоторые пользующи-

[26] Когда две команды знают некий смущающий всех факт, и каждая из них знает, что он известен другой, и все же ни одна из команд открыто не признается в своем знании, — перед нами случай того, что Роберт Дьюбин назвал «организационными фикциями». См.: *Taxel H.* Authority structure in a Mental Hospital Ward / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. P. 118; Human relations in administration / Ed. by R. Dubin. N.Y.: Prentice-Hall, 1951. P. 341—345.

ееся успехом уличные женщины — это, по-видимому, те, кто охотнее других разыгрывает живое одобрение спектаклей своих клиентов, тем самым подтверждая печальный драматургический факт, что возлюбленные и жены — не единственные представительницы слабого пола, которые вынуждены заниматься утонченными формами проституции:

Мери Ли утверждает, что делает для мистера Блейкси не больше, чем для других своих богатых клиентов.

«Я делаю то, чего, как я знаю, они хотят: притворяюсь, будто от них балдею. Иногда они ведут себя как маленькие мальчики в играх. Мистер Блейкси всегда такой. Он играет в пещерного человека. Он вламывается в мою комнату, облапывает меня и жмет до тех пор пока, как он воображает, у меня дух захватит. Это просто смешно. После того, как он кончит заниматься со мной любовью, мне приходится говорить ему: "Милый, ты сделал меня такой счастливой, что я чуть не закричала..." Просто не верится, что взрослому мужику хочется играть в такие игры. Но ему хочется. И не только ему. Большинству из богатеньких».

Мери Ли настолько убеждена, что ее главное достоинство в торгах с богатыми клиентами — это способность вести себя стихийно-естественно, что для обеспечения такой возможности недавно перенесла операцию с целью навсегда исключить опасность беременности. Она смотрит на это как на капиталовложение в свою карьеру[27].

Но в таких случаях рамки анализа, выработанные в данном исследовании, опять становятся слишком стеснительными, ибо эти тактичные действия со стороны аудитории могут стать более сложными и трудоемкими, чем само представление, откликом на которое они являются.

Я хотел бы добавить заключительное соображение о такте. Всякий раз, когда аудитория проявляет тактичность, есть вероятность, что исполнители по ходу дела поймут, как деликатно их опекают. Если такое происходит, то логически возникает следующая возможность: аудитория в какой-то момент поймет, что исполнители знают об этой тактичной опеке. Тогда, в свою очередь, исполнителям опять предоставляется возможность понять, в какой мере аудитории известно об их собственном знании того полезного факта, что им снисходительно покровительствуют. Далее,

[27] *Murtagh J. M., Harris S.* Cast the first stone. N.Y.: Pocket Books, Cardinal Edition, 1958. P. 165, 161—167.

по достижении такого уровня взаимной информированности, в исполнении может настать момент, когда разделенность команд рухнет и заменится внезапно общностью взглядов, при которой каждая из команд открыто сознается перед другой в степени своей информированности. В такие моменты вся драматургическая структура социального взаимодействия внезапно и остро обнажается и разделительная линия между командами мгновенно исчезает. Независимо от того, вызовет ли такое положение дел стыд или смех, команды, вероятнее всего, быстро возвратятся в русло своих предназначенных судьбою характеров.

ТАКТИЧНОСТЬ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГОЙ ТАКТИЧНОСТИ

Только что было показано, как аудитория вносит существенный вклад в поддержание спектакля на плаву, проявляя такт или предпринимая практические покровительственные действия в пользу исполнителей. Совершенно очевидно, что если от аудитории хотят проявлений такта для блага исполнителя, то и сам исполнитель должен действовать таким образом, чтобы сделать возможным оказание подобной помощи. Это тоже потребует дисциплины и осмотрительности, но особого рода. Например, выше было сказано, что тактичные посторонние, нечаянно оказавшиеся в положении, из которого подслушивается чужое взаимодействие, для смягчения неловкости могут предложить спектакль отсутствия внимания и интереса с их стороны. Чтобы помочь такому тактичному поведению, участники, сознавая физическую возможность быть подслушанными, могут опустить из своих разговоров и действий все, что подвергло бы чрезмерному испытанию это тактичное решение посторонних людей, и в то же время включить туда достаточно полусекретных фактов с целью показать, что ни в чем не подозревают демонстрируемый чужаками спектакль полного отказа от участия в их взаимодействии. Подобно этому, если секретарша по указанию начальства сообщает посетителю, что человека, которого он хочет видеть, нет на месте, то умный посетитель, щадя секретаршу, отойдет от внутреннего телефона, чтобы не услышать, как говорит с нею тот, кого якобы нет.

В заключение этого обзора упомянем две общие стратегии в проявлениях такта относительно другого такта. Во-первых, исполнитель должен быть чувствительным к намекам и готовым их воспринимать, ибо именно через намеки аудитория в состоянии предупредить исполнителя, что его спектакль не приемлем и что ему лучше изменить его побыстрее, если необходимо спасти ситуацию. Во-вторых, если исполнитель в каком-либо отношении ложно представляет факты, он должен делать это в соответствии со своего рода этикетом, принятым для таких ложных представлений: он не должен загонять себя в положение, из которого его не смогут вытащить даже самые жалостные оправдания и самая доброжелательная аудитория. При проговаривании сознательной лжи исполнителю как бы положено придавать голосу оттенок насмешливости, так что, если его поймают, он сможет отречься от всякого притязания на серьезность и сказать, что он только шутил. При ложном представлении своего физического облика исполнителю рекомендуется использовать средства, которые допускают какие-нибудь невинные оправдания. Так, лысеющие мужчины, которые для маскировки постоянно носят шляпу внутри и вне помещения, могут более или менее отговориться тем, что простужены, или что просто забыли снять шляпу, или что возможен неожиданный дождь. Но фальшивая накладка уже не даст носителю ее никакого извинения за обман, а аудитории — никакого оправдания за свое попустительство обманщику. По существу, тип самозванца, упоминавшийся ранее, в некотором смысле можно определить как лицо, которое делает невозможным проявление такта со стороны аудитории в отношении замеченного ложного представления.

Несмотря на то, что исполнители и аудитория используют все эти приемы управления впечатлениями, а также многие другие, разумеется, инциденты все равно случаются и аудиториям удается мельком заглянуть за кулисы представления. Когда такое происходит, члены аудитории порой получают важный урок, более значимый для них, чем то злорадное удовольствие, которое они могут извлечь из разоблачения чьих-то темных, доверительных, внутренних

или стратегических секретов. Возможно, члены аудитории откроют для себя некий фундаментальный демократизм жизни, который обычно хорошо скрыт. Будь то представляемый характер сдержанно-ответственным или беззаботно-легкомысленным, свойственным высокому или низкому общественному положению, человек, исполняющий этот характер, все равно предстанет тем, кем он по большей части является: одиноким игроком, втянутым в изнурительное дело воспроизведения этого характера. Под многими масками и многими характерами каждый исполнитель сохраняет еще одно выражение лица, но выражение индивидуальное, явно необобществленное, сосредоточенное — выражение человека, который в одиночку решает трудную, коварную задачу. Симона де Бовуар в ее книге о женщинах приводит тому примеры:

И никакая бережливость не может гарантировать от таких случайностей, как капля вина, пролитая на платье, искра от сигареты, явившаяся причиной дырки; мгновенно исчезает роскошное создание, куда девается праздничный вид, с которым она красовалась в салоне, одаривая всех улыбкой; а вместо этого появляется расчетливая домохозяйка с серьезным, лишенным какого-либо намека на улыбку лицом; и тут открывается, что весь ее туалет, ее костюм — это не какой-то букет, фейерверк, бесценное и преходящее великолепие, предназначение которого — щедро одарить мгновение, озарить, ослепить своим блеском; отнюдь не демонстрация своего богатства, своего состояния, это вложение капитала; он стоил каких-то жертв; испортить его — значит претерпеть непоправимую катастрофу. Нечаянно посаженное пятно на одежде, вырванный клок, неудачно сшитое платье, плохо сделанная завивка — все это воспринимается как катастрофа гораздо большей значимости, чем подгоревшее жаркое или разбитая ваза; а все потому, что кокетка не только отдает себя во власть вещей, она хочет, чтобы ее воспринимали как вещь, а без этих вещей, вещей-посредников, она не ощущает себя в безопасности в этом мире[28].

Человек, зная, что его аудитория по пустяковым поводам способна формировать плохие впечатления о нем, может стыдиться вполне добронамеренного честного поступка просто потому, что контекст его совершения создает ложные впечатления чего-то плохого. Чувствуя этот необоснованный стыд, индивид начинает подозревать, что его пере-

[28] *Beauvoir S. de.* The second sex. L.: Cape, 1953. [*Бовуар С. де.* Второй пол. М.: АО Издательская группа «Прогресс»; Спб.: Алетейя, 1997. С. 607.].

живания могут быть замечены публикой. Дальше человек со страху может внезапно поверить, будто его вид подтверждает эти ложные умозаключения о нем. И тогда он, возможно, добавит к сомнительности своего положения новые осложения, пустившись в защитные маневры, какие он предпринял бы и в случае своей действительной виновности. На этом пути, гадая, что могли бы навоображать о нас другие, каждый из нас имеет возможность быстро стать в собственных глазах наихудшим человеком, какого только он способен себе представить.

В той мере, в какой человек поддерживает перед другими спектакль, в который сам не верит, он может начать испытывать особого рода отчуждение от самого себя и особого рода недоверчивость по отношению к другим. Вот что сообщила, например, одна американская студентка:

Иногда на свиданиях я «играю в глупенькую», от этого потом тошнит. Переживания сложные. Часть меня испытывает удовольствие от того, что я «кидаю» ничего не подозревающего парня. Но это чувство превосходства над ним смешано с чувством вины за мое лицемерие. К своему «зазнобе» я испытываю некоторое презрение за то, что он «попался» на мою удочку, или, если парень мне нравится, — что-то вроде материнского снисхождения. Иногда я ужасно злюсь на него! Ну почему он не превосходит меня во всех отношениях, как полагается мужчине, чтобы я могла стать естественной, самою собой? И что я тут делаю с ним, наперекор всему? Зачем несу какую-то чепуху?

Самое забавное во всем этом, что мужчина, я думаю, не всегда так уж ни о чем и не подозревает. Он может учуять правду и стать трудным в общении. У него появляются сомнения: «Чего я добился? Она исподтишка подсмеивается или вправду думала похвалить? В самом деле моя маленькая речь произвела на нее впечатление или она только притворилась ничего не знающей о политике?» И раз или два я чувствовала, что осталась в дурах: парень разглядел мои уловки и потерял уважение ко мне за мое добровольное унижение до таких трюков[29].

Совместные сценические проблемы; забота о том, какими кажутся вещи другим; обоснованные и необоснованные переживания стыда; амбивалентное отношение к самому себе и к аудитории — таковы некоторые из драматургических элементов жизненной ситуации человека.

---

[29] *Komarovsky M.* Cultural contradictions and sex roles // American Journal of Sociology. Vol. 52. P. 188.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РАМКИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Всякое социальное образование представляет собой какое-нибудь пространство, окруженное более или менее закрепленными барьерами, препятствующими чужому восприятию, — пространство, в котором регулярно осуществляется определенного рода деятельность. Я настаивал, что в сущности любое социальное образование можно плодотворно изучать с точки зрения управления впечатлениями. В стенах всякой социальной организации найдется какая-то команда исполнителей, которые соединяют усилия, чтобы представить некой аудитории свое определение ситуации. Оно будет включать рабочую идею и предположения о необходимом командном этосе, который должен поддерживаться правилами вежливости и приличия. Как правило, там обнаружится разделение на заднюю (закулисную) зону, где подготавливают исполнение повседневной рутины, и переднюю зону, где это исполнение представляют другим. Доступ в эти зоны контролируется, чтобы помешать аудитории видеть закулисье, а посторонним приходить на представление, им не предназначенное. В отношениях членов команды обычно преобладает дружеская фамильярность, вероятно, также развитие солидарности, а секреты, которые могли бы разоблачить и подвести спектакль, известны всем исполнителям и охраняются сообща. Между исполнителями и аудиторией поддерживается молчаливое соглашение действовать так, как если бы между ними существовала определенная степень и противостояния, и согласия. Обычно, но не всегда, согласие усиленно подчеркивается, а противостояние приглушается. В результате рабочее согласие сторон может вступать в противоречие с той установкой по отношению к аудитории, какую

исполнители выражают при ее отсутствии, и с той тщательно контролируемой коммуникацией, предполагающей выход из основного характера, которую исполнители устанавливают в присутствии аудитории. Можно ожидать, что во взаимодействии будут участвовать противоречивые роли: отдельные люди — участники команды, члены аудитории, или посторонние — завладеют такой информацией о данном исполнении и отношениях с командой, которая совсем не очевидна и осложняет проблему постановки жизненного спектакля. Иногда случаются его срывы из-за непроизвольных жестов, ложных шагов и неожиданных сцен, устраиваемых его участниками, чем дискредитируется или опровергается определение ситуации, которое исполнители старались поддерживать перед публикой. Вокруг таких разрушительных событий создается мифология команды. Исполнители, члены аудитории и посторонние — все используют определенные технические приемы для спасения спектакля, или избегая вероятных срывов, или внося поправки в ответ на те из них, которых не удалось избежать, или предоставляя возможность поправить дело другим. Чтобы гарантировать применение этих приемов, команда отбирает в свои члены людей верных, дисциплинированных и осмотрительных, а также выбирает аудиторию потактичнее.

Эти элементы и признаки определяют основные рамки, которые я считаю типичными для очень многих социальных взаимодействий, как они протекают в естественных декорациях англо-американского общества. Эти рамки формальные и абстрактные в том смысле, что их можно применять к любому социальному образованию, но в то же время это не просто некая статическая классификация. Эти рамки влияют на динамику решения проблем, порождаемых желанием сохранить однажды предложенное другим определение ситуации.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В данной книге преимущественно рассматривались социальные формирования как относительно закрытые системы. Предполагалось, что отношение одного социального образования к другим достаточно доступно для рациональ-

ного исследования и должно быть аналитически истолковано как часть совокупности фактов иного порядка — порядка институциональной интеграции. Было бы хорошо попробовать ввести исследовательскую перспективу, принятую в книге, в контекст других подходов, скрыто или явно используемых в исследованиях различных социальных образований как закрытых систем. В порядке опыта можно выделить четыре таких подхода.

Любое социальное образование можно изучать ***технически*** — в категориях его эффективности в качестве преднамеренно организованной системы деятельности для достижения заранее определенных целей. Социальное образование можно рассматривать ***политически*** — с точки зрения действий, которых каждый его участник (или класс участников) вправе требовать от других участников; с точки зрения лишений и льгот, распределяемых среди участников, чтобы подкрепить эти требования; и с точки зрения видов социального контроля над применением власти и использованием санкций. Еще любое социальное образование может исследовать ***структурно*** — в категориях его горизонтальных и вертикальных статусных подразделений и разновидностей социальных отношений, которые привязывают эти отдельные группировки друг к другу. Наконец, всякое социальное образование можно быть анализировать ***в культурном контексте*** — с точки зрения моральных ценностей, влияющих на характер деятельности в этом учреждении, — ценностей, свойственных модам, обычаям и проявлениям вкуса, вежливости и приличия, конечным целям и нормативным ограничениям на выбор применяемых средств и т. п. Следует заметить, что все факты и события, характеризующие данное человеческое учреждение, безусловно имеют отношение к каждой из четырех исследовательских перспектив, но каждая из них задает свои приоритеты и свой порядок этим фактам.

Мне кажется, что ***драматургический подход*** может стать пятой перспективой, вдобавок к вышеназванным технической, политической, структурной и культурной перспективам анализа[1]. Драматургическую перспективу, по-

[1] Ср. с этим позицию Освальда Холла относительно возможных перспектив изучения закрытых систем: *Hall O.* Methods and techniques of research in human relations // *Hughes E. C. et all.* Cases on field work.

добно четырем другим, можно применять как конечный пункт анализа, как завершающий способ упорядочения фактов. Это предполагает описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном социальном образовании, основных проблем управления впечатлениями в нем, критериев идентификации отдельных исполнительских команд, действующих в пределах такого образования и взаимоотношений между ними. Но специфические явления, относящиеся к сфере управления впечатлениями, играют определенную роль и в событиях, интересующих все прочие (наряду с драматургической) перспективы. Возможно, надо пояснить это положение чуть подробнее.

Техническая и драматургическая исследовательские перспективы наиболее явно взаимопересекаются, вероятно, в отношении стандартов качества работы. Для обеих перспектив важно, что один круг индивидов заинтересован в проверке определенных неочевидных характеристик и качественных показателей трудовых свершений другого круга индивидов, а эти другие заинтересованы в создании впечатления, что их работа полностью воплощает эти скрытые качества. Политическая и драматургическая перспективы отчетливо пересекаются при рассмотрении способностей одного человека направлять деятельность другого. Достаточно сказать, что если человек обязан руководить другими людьми, то он чаще, чем это обычно бывает, считает полезным скрывать от них стратегические секреты. Далее, если кто-то попытается направлять деятельность других посредством личного примера, просветительства, убеждения, обмена, манипуляций, авторитета, угрозы, наказания или прямого принуждения — то, независимо от занимаемой им позиции в сфере власти, ему будет необходимо эффективно внушать другим, какой именно результат он хочет получить, что он сам готов сделать для получения этого результата и что он собирается делать, если ожидаемого результата не будет. Любого рода власть должна быть оснащена эффективными средствами показа другим этих своих намерений, и она будет иметь разные результаты в зависимости от того, как все это театрализовано, драматургически поставлено. (Разумеется, способность успешно передавать другим определение ситуации может быть почти бесполезной, если человек не имеет общественного по-

ложения, чтобы подавать пример, предложить обмен, наказать и т. д.) Так, даже самая объективная форма проявления голой власти — физическое принуждение — часто выступает ни в качестве объективной, ни в качестве чистой формы, а скорее функционирует как показательное средство для убеждения аудитории. Иначе говоря, принуждение часто бывает средством коммуникации, а не просто средством действия. Взаимопересечение структурной и драматургической перспектив наиболее ясно видно, пожалуй, в анализе социальной дистанции. Образ, какой одна статусная группировка способна поддерживать в глазах аудитории, состоящей из членов других статусных группировок, будет зависеть от способности исполнителей ограничивать коммуникационные контакты с этой аудиторией. Культурная и драматургическая перспективы очевиднее всего пересекаются на проблеме поддержания моральных норм. Культурные ценности данного социального образования подробно определяют, как его участникам надлежит относиться ко множеству существующих вещей и явлений, и одновременно устанавливают рамки видимостей, которые должны быть сохранены независимо от того, какие моральные чувства скрываются за этими видимостями.

ЛИЧНОСТЬ—ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ—ОБЩЕСТВО

За последние годы предпринимались немалые усилия свести в одну теоретическую рамку понятия и находки из трех различных областей исследования: отдельной личности, социального взаимодействия и общества как целого. Я хотел бы предложить одно простое добавление к этим междисциплинарным попыткам.

Когда индивид появляется перед другими, он и сознательно и непреднамеренно проецирует определение ситуации, важной частью которого является сообщаемое представление о самом себе. Когда происходит событие, по выразительным средствам несовместимое с этим насаждаемым впечатлением, значимые последствия этого одновременно ощущаются на трех уровнях социальной реальности, каждый из которых подразумевает другую точку отсчета и другой порядок фактов.

Во-первых, социальное взаимодействие, толкуемое в данном исследовании как диалог между двумя командами, может прерваться в обстановке общего смущения и замешательства. Ситуация может перестать быть определенной, прежние позиции могут стать в дальнейшем не защитимыми, и участники могут вдруг оказаться без намеченного курса действий. Как правило, участники чувствуют некую фальшивую ноту в сложившейся ситуации и начинают испытывать замешательство. Другими словами, маленькая социальная система, созданная и упроченная упорядоченным социальным взаимодействием, становится дезорганизованной. Таковы последствия указанного срыва с точки зрения социального взаимодействия.

Во-вторых, срывы исполнения дополнительно к этим дезорганизующим последствиям для действия в данный момент могут иметь и более глубокие последствия. Аудитории склонны воспринимать личностный образ *Я*, проецируемый индивидуальным исполнителем во время любого текущего выступления, в качестве какого-то ответственного представителя группы его коллег, его команды и его социальной организации. Кроме того, аудитории воспринимают конкретное исполнение данного индивида как свидетельство его способности исполнять определенную рутину и даже как свидетельство его способности исполнять любую рутину. В известном смысле эти более крупные социальные единицы (команды, организации и т. д.) каждый раз попадают в зависимость от того, как их индивидуальный представитель исполняет свою рутинную партию, поскольку с каждым очередным таким исполнением легитимность этих единиц часто заново подвергается испытанию, а их долговременная репутация ставится на карту. Зависимость этого рода особенно сильна в некоторых специальных исполнениях. Например, когда хирург и его сестра по случайному совпадению одновременно отворачиваются от операционного стола и пациент, находящийся под анестезией, скатывается с него со смертельным исходом, то не только скандально срывается единичная операция, но может пострадать сложившаяся репутация этого врача как профессионала и как человека, а также репутация всей больницы. Таковы возможные последствия срывов исполнения с точки зрения социальной структуры.

Наконец, часто встсречается глубокое самоотождествление *Я* индивида с какой-то конкретной ролью, организацией или группой, что формирует его самопонимание в качестве человека, который не срывает социального взаимодействия и не подводит социальные подразделения, зависящие от этого взаимодействия. Если же случается срыв, то может появиться сомнение в тех самооценках, вокруг которых строилась личность этого индивида. Таковы последствия, которые могут быть вызваны срывами исполнения, с точки зрения отдельной личности.

Итак, последствия срывов исполнения можно рассматривать на трех уровнях абстракции: личности, взаимодействия и социальной структуры. Хотя вероятность срыва, а также социальная важность вероятных срывов, широко варьируются от одного взаимодействия к другому, все же, по-видимому, нет такого взаимодействия, в ходе которого его участники не имеют существенных шансов испытать легкое затруднение или менее значительных шансов пережить глубокое унижение. Жизнь по большей части не является азартной игрой, но природа взаимодействия — игровая. И поскольку люди прилагают усилия избегать срывов взаимодействия или исправлять те из них, которых избежать не удалось, то эти усилия будут иметь одновременные последствия тоже на всех трех вышеуказанных уровнях. В таком случае логично связать эти три уровня абстракции с существующими исследовательскими перспективами, с точки зрения которых изучают социальную жизнь.

СРАВНЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В этой книге использовались иллюстрации из практики не только англо-американского общества. Поступая так, я вовсе не думал, будто представленная в ней система понятий свободна от всякой культурной ограниченности или применима в тех же областях социальной жизни в незападных обществах, как и в нашем западном. Для последнего характерна социальная жизнь, протекающая в замкнутых помещениях. Западный человек предпочитает действовать в стационарной обстановке, удерживая посторон-

них за пределами действия и используя возможность некоторого уединения для комфортной подготовки перед публичным шоу. Раз начав представление, он склонен доводить его до конца и при этом тонко чувствует дисгармоничные ноты, возникающие по ходу исполнения. Если человека в западном обществе уличают в ложном представлении другим, то он, как правило, переживает глубокое унижение. Принимая как данность западные общие драматургические правила и наклонности в поведении, не следует упускать из виду целые области жизни в других обществах, где люди явно следуют иным правилам поведения. Сообщения западных путешественников переполнены неожиданными случаями, в которых их подводило драматургическое чутье, так что если ставить цель получения обобщений с охватом опыта других культур, то необходимо рассматривать эти случаи наравне с более привычными для западного ума. Так, надо быть готовым к тому, что в Китае, в любом частном доме, хотя бы в одной, чайной, комнате, можно увидеть удивительно гармоничные и осмысленные церемониальные действия и убранство, в крайне незатейливых ресторанчиках могут подавать чрезвычайно изысканную еду, а в тайниках лавчонок, которые выглядят как шалаши, набитые неприветливыми, развязными продавцами, могут храниться завернутые в старую оберточную бумагу рулоны чудесного, тончайшего шелка[2]. Человеку, живущему среди людей, ревностно заботящихся о сохранении лица друг перед другом, полезно узнать следующее:

> К их счастью, китайцы не верят в необходимость домашних тайн так, как верим мы. Они не возражают, чтобы все подробности их повседневного опыта видел каждый, кто захочет. Как они живут, что они едят, и даже семейные ссоры, которые мы так стараемся скрывать от публики — все это, по-видимому, считается общим достоянием, а не исключительным владением наиболее заинтересованной в происходящем конкретной семьи[3].

Не должно удивлять, что в обществах с прочно утвердившимися неэгалитарными статусными системами и сильными религиозными ориентациями люди порой менее серь-

[2] *Macgowan J.* Sidelights on Chinese life. Philadelphia: Lippincott, 1908. P. 178—179.

[3] Ibid. P. 180—181.

езно относятся ко всей драме гражданской жизни, чем на западе, и преодолевают социальные барьеры грубоватыми жестами, которые апеллируют к человеку, скрытому под маской, гораздо более открыто, чем посчитал бы позволительным для себя американец.

Более того, надо быть очень осторожными при любых попытках охарактеризовать собственное общество как целое встречающимися в нем драматургическими практиками. К примеру, известно, что при теперешних отношениях управляющих и рабочих одна команда может пойти на совместные консультационные встречи с противной стороной, зная про себя, что возможно скоро понадобится создать видимость гневного ухода с такого совещания. Дипломатическим командам иногда тоже приходится ставить похожие спектакли. Другими словами, хотя в нашем западном обществе команды обычно обязаны усмирять свой гнев, подчиняясь рабочему соглашению, бывают случаи, когда команды наоборот обязаны прятать свой истинный облик трезвомыслящей оппозиции за притворной демонстрацией несдержанных чувств. Точно так же, иногда складываются такие обстоятельства, при которых люди, желают они этого или нет, вынуждены прекратить взаимодействие, чтобы спасти свою честь и свое лицо. Для ясности было бы благоразумней начать анализ этого драматургического разнообразия с более мелких социальных единиц, с небольших социальных образований или классов образований, с описания конкретных статусов, сравнения документов и изменений скромного масштаба методом исторического изучения отдельных случаев. Для примера возьмем следующую информацию о спектаклях, которые на законном основании дозволяется ставить бизнесменам:

За последние полвека заметное изменение претерпели позиции судов по вопросу границ оправданного доверия. Более ранние судебные решения, под влиянием преобладавшей доктрины «caveat emptor» («бди, покупатель!»), сильно напирали на «долг» истца оберегать самого себя и не доверять своему противнику и придерживались мнения, что истец не имел права полагаться даже на прямые позитивные утверждения лица, с кем он вступил в официальную сделку. Предполагалось, что от любого можно ожидать попытки перехитрить в сделке другого, насколько хватит умения, и что только дурак будет ждать от людей всеобщей честности. Поэтому истец, по общему мнению, обязан был

провести более или менее основательное расследование и составить собственное суждение. Признание новой нормы деловой этики, требующей, чтобы высказывания о фактах были по меньшей мере правдивыми и точно сформулированными, а во многих случаях и безусловно истинными, привело почти к полному изменению этой установки.

Теперь считается, что на фактические утверждения о количестве и качестве земли или продаваемых товаров, о финансовом положении корпораций и тому подобных материях, побуждающих вступать в коммерческие сделки, можно оправданно полагаться без специального расследования, не только там, где такое расследование было бы обременительным и трудным (как в случае, когда продаваемая земля расположена далеко от места сделки), но и там, где лживость представления товара в принципе легко разоблачить доступными подручными средствами[4].

В то время как в деловых отношениях откровенность, быть может, и растет, в других сферах происходят обратные процессы. Есть некоторые свидетельства того, что брачные консультанты во все большей степени приходят к единому мнению о неуместности взаимных откровений супругов о своих прежних «приключениях», так как это только вызывает ненужное напряжение. Можно привести и другие примеры. Так, почти до 1830 года в британских пивнушках была обстановка, мало отличающаяся от собственных кухонь рабочего люда, но после этой даты в моду внезапно вошли «дворцы джина», создавшие для отдыха почти той же клиентуры гораздо более изысканную показную, переднюю зону, чем они могли бы вообразить себе в мечтах еще совсем недавно[5]. В документах по социальной истории конкретных американских городков есть факты, говорящие о том, что произошло опрощение домашнего и профессионального представительских передних планов у местных высших классов. И наоборот, по некоторым источникам началось усложнение и удорожание обстановки в офисах профсоюзных организаций[6], что сопровождается усилением тенденции «украшать» эту обстановку академически образованными экспертами, которые создают

[4] *Prosser W. L.* Handbook of the law of torts / Hornbook Series. St. Paul (Minnes.): West Publishing Co., 1941. P. 749—750.

[5] *Gorham M., Dunnett H.* Inside the pub. L.: The Architectural Press, 1950. P. 23—24.

[6] *Hunter F.* Community power structure. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. P. 19.

атмосферу глубокомыслия и респектабельности[7]. Наблюдаются также изменения в планировке зданий и расстановке оборудования в определенных промышленных и торговых организациях и явное усложнение представительских передних планов, как в отношении наружного вида главных административных зданий, так и в отношении конференц-залов, главных вестибюлей и приемных внутри этих зданий. На примере конкретной фермерской общины можно проследить, как скотный двор, который когда-то был закулисьем кухни и попасть в который можно было через маленькую дверцу рядом с печью, позже стали размещать в отдалении от дома, а сам дом, в свое время беззащитно торчавший посреди сада в окружении сельскохозяйственного инвентаря, мусорных куч и пасущегося скота, в некотором смысле начинает ориентироваться на публику своим огороженным и чистеньким палисадником, представляясь общине принаряженной стороной, в то время как в неогороженных задних зонах беспорядочно разбросан разный хлам. И по мере того, как исчезают пристроенные к домам коровники и все реже начинают встречаться отдельно стоящие кухонные времянки, в фермерском быту наблюдается постепенное улучшение домашнего уклада, в котором кухня, сама когда-то имевшая свои скрываемые задние зоны, теперь меньше всего служит представительской зоной дома, хотя в то же время становится все более презентабельной на вид. Можно также отметить тот своеобразный общественный сдвиг, который заставил некоторые фабрики, корабли, рестораны и домохозяйства вычищать свои закулисные зоны до такой степени, что, подобно монахам, коммунистам или немецким муниципалам, их хранители всегда на страже, и не найдешь пятнышка, где их представительский фронт дает слабину, в то время как члены аудитории, в достаточной мере проникшиеся указанной бессознательной установкой общества, с пристрастием изучают места, которые специально для них убирают. Платное посещение репетиций симфониче-

[7] Обсуждение «витринной функции» штатных экспертов см.: *Wilensky H.* The staff expert: A study of intelligence function in American Trade Unions / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. Ch. 4. О проявлениях той же тенденции в бизнесе см.: *Riesman D.* The lonely crowd. New Haven: Yale University Press, 1950. P. 138—139.

ского оркестра — лишь один из позднейших примеров этого. Существует еще одно явление в том же роде, которое Эверет Хьюз называл «коллективной мобильностью». Ей мы обязаны тем, что обладатели какого-то статуса стараются изменить совокупность исполняемых ими задач в таком духе, чтобы сделать ненужным любой поступок, несовместимый по средствам выражения с тем образом своего *Я*, который эти статусные служители пытаются установить для самих себя. При желании прослеживается и некий параллельный процесс, который можно бы назвать «ролевым предпринимательством» внутри конкретного социального образования — предпринимательством, посредством которого отдельный участник взаимодействия пытается не столько передвинуться на более высокую позицию, уже давно установленную в структуре организации до него, сколько создать для себя новую позицию, с такими обязанностями, которые благоприятны для проявления свойственных ему качеств. Современная жизнь порождает однобокую специализацию, при которой многие исполнители одновременно на правах общественной собственности используют в своей работе весьма богатые социальные декорации, в то же время соглашаясь отсыпаться после работы в одиночестве, в убогих каморках без всяких претензий. Все большее распространение получают сегодня внушительные представительские фасады (такие, как сложная лабораторная посуда, нержавеющая сталь, резиновые перчатки, белый кафель и лабораторный халат), которые вовлекают все большее число людей в выполнение неблагодарных задач поддержания чистоты. После первоначальной тенденции, существовавшей в высоко авторитарных организациях, требовать от одной из своих команд тратить все ее время на достижение строго предписанных показателей чистоты в обстановке, в которой будет работать другая команда, теперь в учреждениях вроде госпиталей, военно-воздушных баз и больших домохозяйств наблюдается упадок этой гипертрофированной строгости к рабочей обстановке такого типа. Последний пример происходящих в антураже общения изменений — это подъем и распространение джаза вкупе с культурными образцами «западного побережья», где в ходу такие жаргонные словечки, как bit (маленькая эпизодическая роль в жизни и

на сцене), goof (бестолковый дурак, псих), scene (место сбора данной социальной группы), drag (тягомотное, скучное представление), dig (усердный студент или прилежный посетитель всевозможных концертов и спектаклей), что позволяет людям поддерживать в себе нечто вроде отношения профессионального актера к техническим аспектам исполнений в ежедневных жизненных спектаклях.

РОЛЬ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРЕДАЧЕ ВПЕЧАТЛЕНИЙ О СЕБЕ

Возможно, под конец позволительно сделать одно замечание морального свойства. В этой книге экспрессивный компонент общественной жизни трактовался как некий источник впечатлений, подаваемых или воспринимаемых другими. Впечатление, в свою очередь, рассматривалось как источник информации о неочевидных фактах и как средство, при помощи которого реципиенты способны регулировать свою реакцию на информанта, не дожидаясь выяснения всех последствий действий этого информанта. Следовательно, экспрессия, выразительность рассматривалась, исходя из той коммуникативной роли, которую она играет во время социального взаимодействия, а не, к примеру, в категориях «консуматорной»* или «снимающей напряжение» функции, какую эта экспрессия могла бы иметь для самого выразителя[8].

В глубине всякого социального взаимодействия скрыта, по-видимому, некая фундаментальная диалектика. Когда человек попадает туда, где присутствуют другие, он обязательно захочет узнать что-то реальное о застигнутой им ситуации. Если бы он владел такой информацией, он был бы способен предвидеть, что будет происходить дальше и со знанием дела вносить соответствующие поправки в ход взаимодействия, в итоге он смог бы дать другим присутствующим в меру собственного просвещенного эгоизма то,

---

* Consummatory — термин известного американского социолога Т. Парсонса, означающий самодостаточную удовлетворенность достижением цели, когда действующий не имеет побуждения изменять ситуацию и отношение к объекту действия. *(Прим. пер.)*.

[8] Подобную трактовку см.: *Parsons T., Bales R. F., Shils E.* Working papers in the theory of action. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1953. Ch. 2.

что они ожидали от него. Чтобы полностью раскрыть действительный характер незнакомой ситуации со множеством участников, этому человеку было бы необходимо знать все относящиеся к делу социальные данные о других. Ему также нужно было бы знать фактический исход или конечный результат деятельности этих других в течение взаимодействия, равно как и их подлинные внутренние чувства по отношению к нему. Полная информация такого порядка доступна редко. При ее отсутствии люди склонны пользоваться заменителями — случайными репликами, психологическими тестами, статусными символами и т. д. — как опорами для предвидения. Короче, поскольку реальность, интересующая данного индивида, в данный момент не доступна восприятию, то вместо нее приходится полагаться на имеющиеся видимости. Парадокс состоит в том, что чем больше человек интересуется реальностью, недоступной восприятию, тем больше он должен сосредоточивать свое внимание на внешних проявлениях, на видимостях.

Человек склонен обращаться с другими присутствующими на основе впечатления, которое они создают о своем прошлом и будущем во время взаимодействия. Именно в такие моменты коммуникационные акты переходят в моральные поступки. Впечатления, которые производят другие, чаще всего истолковываются как неявные притязания и обещания, а любые притязания и обещания тяготеют к высказываниям морального характера. Про себя каждый такой истолкователь думает: «Я пользуюсь этими впечатлениями о вас как способом познания вас и вашей деятельности, и вам не стоит вводить меня в заблуждение». Любопытно здесь то, что человек обычно придерживается этой позиции, даже если он ожидает от других большей частью бессознательного самовыражения в их поведении, и даже если он надеется на возможную эксплуатацию этих других на основе добытой о них информации. Так как производители впечатлений, используемых наблюдающим индивидом, соблюдают множество норм вежливости и приличия — норм, свойственных и сфере социального общения, и сфере исполнения рабочих задач, то всем предоставляется возможность заново оценить, насколько повседневная жизнь опутана моральными ограничениями и пристрастиями.

Перейдем теперь на точку зрения других. Если они собираются вести себя по-джентльменски и не портить игры наблюдающему индивиду, они, наверное, почти не будут сознательно остерегаться того, что о них формируются какие-то впечатления, но скорее будут действовать без всяких хитростей и затей, давая возможность этому индивиду получать достоверные впечатления о себе и своих достоинствах. Если же им случится задуматься по поводу того, что их наблюдают, они все равно не допустят чрезмерного влияния на себя этого факта, довольствуясь надеждой, что наблюдающий получит правильное впечатление и потому отдаст им должное. Если бы они захотели повлиять на трактовку, какую дает им наблюдающий индивид (и этого, собственно, следует чаще всего ожидать), то и тогда в их распоряжении имеются джентльменские средства. От них требуется всего лишь правильно управлять своим поведением в настоящем, чтобы его будущие предвидимые последствия были таковы, что невольно заставляли бы всякого справедливого и порядочного человека обращаться с ними в данный момент так, как они сами того хотят. Как только это исполнено, им лишь остается положиться на восприимчивость и справедливость наблюдающего их поведение индивида.

Наблюдаемые, конечно, нередко применяют эти благопристойные средства, чтобы повлиять на манеру обращения с ними наблюдателя. Но существует и другой путь, более короткий и эффективный, каким наблюдаемые способны влиять на наблюдателя. Вместо того, чтобы пассивно позволять впечатлению о себе складываться в качестве случайного, побочного продукта своей деятельности, наблюдаемые лица могут переориентировать всю ее систему координат и прямо направить усилия на создание желаемых впечатлений. Вместо попыток добиться определенных целей приемлемыми средствами, они могут попытаться достичь общего впечатления, будто они добиваются определенных целей только социально приемлемыми средствами. Всегда возможно манипулировать впечатлением, которое наблюдатель вынужден использовать как замену реальности, потому что знак присутствия некоего явления, не будучи этим явлением, применим и при его отсутствии. Сама необходимость для наблюдателя опираться на поставляемые другими представления о вещах и явлениях по-

рождает возможность подсовывания ложных представлений.

На свете есть много людей, считающих, что они не смогли бы удержаться в бизнесе, каков бы ни был этот бизнес, если всегда ограничиваться лишь джентльменскими средствами влияния на нужных индивидов, которые следят за их деятельностью. Рано или поздно в круговороте своих дел такие люди приходят к выводу о необходимости концентрации и прямой манипуляции производимыми ими впечатлениями. Наблюдаемые превращаются в исполнительскую команду, а наблюдатели — в аудиторию. Действия, которые кажутся чисто деловыми, объективными, по сути становятся жестами, адресованными аудитории. Деятельность исполнителей театрализируется.

И теперь мы подходим к основному диалектическому моменту. В качестве полноценных исполнителей все заинтересованы в поддержании впечатления, будто они живут согласно множеству норм, по которым судят о людях и продуктах их деятельности. Так как эти нормы весьма многочисленны, многообразны и всепроникающи, то индивиды, выступающие как исполнители, гораздо в большей мере, чем мы думаем, субъективно и объективно остаются в сфере моральных отношений. Но как исполнителей-функционеров людей интересует не моральная проблема реализации упомянутых норм в жизни, а по сути аморальная проблема создания убедительного впечатления, будто эти нормы реализуются. В таком случае, наша деятельность по большей части соприкасается с моральными вопросами, но в роли исполнителей мы не имеем моральной заинтересованности в них. Как исполнители мы оказываемся коммерсантами от морали. Весь наш день плотно занят возней с «товарами», выставляемыми нами напоказ, и наши головы забиты глубокими соображениями относительно них. Но вполне может быть, что нам придется тем больше уделять внимания этим товарам, чем более далекими мы себя чувствуем от них и от тех, кто достаточно доверчив, чтобы их покупать. Пользуясь другими образными сравнениями, можно сказать, что сама обязательность и выгодность всегдашнего появления перед другими людьми в постоянном моральном сиянии, неизбежность существования в облике того или иного обобществленного персонажа, вынуждает человека быть искушенным в проблемах и тонкостях сцены.

ИНСЦЕНИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ *Я* ЧЕЛОВЕКА

Общая идея, что мы то и дело представляем себя другим, вряд ли нова. Но в заключение упор следует сделать не на ней, а на том, что сама структура человеческого *Я* может быть по-новому увидена в понятиях, описывающих, как такие представления устраиваются в англо-американском обществе.

В данной работе действующий индивид выступал в двух ипостасях. Он рассматривался как *исполнитель*, загнанный жизнью фабрикатор впечатлений, втянутый в общечеловеческую задачу сценической постановки своего исполнения; и как сценический *персонаж-характер* (фигура, как правило, красивая), дух, жизненную силу и другие безупречные качества которого исполнение этого индивида целенаправленно вызывает из небытия. Качества исполнителя и качества представляемого им характера — явления разного порядка. Обычно именно так и бывает, однако оба набора качеств имеют свое значение в условиях спектакля, которого не избежать в жизни.

Итак, сначала возьмем человека как персонаж, как исполняемый им характер. В западном обществе исполняемый человеком персонаж и собственное *Я* этого человека в известной мере уравнены, и это *Я*-как-персонаж обычно видится как нечто неотделимое от самого исполнителя, так или иначе образующее некое заметное явление в психобиологии личности. Такой взгляд неявно присутствует в том, что каждый из нас старается представить другим, но именно из-за этого затрудняется анализ этого представления. В настоящем исследовании исполняемое *Я* рассматривалось как некоторый образ, обычно похвально-положительный, который сценически, в соответствующем персонаже-характере успешно пытается возбудить и закрепить в сознании других действующий индивид в отношении себя. Хотя этот образ осмысляется *относительно* данного индивида так, что тому приписано какое-то *Я*, сами свойства этого *Я* производны не от неизменных личностных свойств индивида, а от всей сценической обстановки его действия, ибо порождаются той особенностью локальных событий, которая заключается в их зависимости от интерпретации очевидцев. Правильно поставленная и исполненная сцена за-

ставляет аудиторию приписывать какое-то *Я* представленному характеру, но это приписывание, это *Я*, есть *продукт* состоявшейся сцены, а не *причина* ее. В таком случае *Я* как представленный характер — это не органическое явление со своей точно определенной локализацией, которому по природе суждено родиться, достичь зрелости и умереть. Это драматический результат, постепенно и расплывчато возникающий из представляемой другим сцены, ключевая проблема и главный интерес всего представления состоит в том, поверят или не поверят этому результату.

При таком подходе, анализируя определенное социальное *Я*, можно отвлечься от его обладателя, от того конкретного индивида, кто из-за этого результата больше всего выигрывает или теряет, ибо он и его плоть попросту служат стержнем, вокруг которого временно упорядочиваются некоторые продукты коллективного сотрудничества. И средства для производства и утверждения социальных *Я* человека находятся не внутри этого организующего стержня: в действительности эти средства часто надо искать в существующих общественных учреждениях. Там обязательно появится и будет функционировать задняя зона действия с ее средствами подготовки человека к исполнению, и передняя зона с ее постоянным сценическим реквизитом. В любом учреждении или социальном образовании надется команда из лиц, чья активность на месте действия с использованием доступного реквизита определит квазитеатральную жизненную обстановку, в которой будет развиваться *Я* исполняемого персонажа-характера, и появится другая команда — аудитория, чья интерпретаторская активность также будет необходима для этого развития. Социальное *Я* человека есть продукт всех этих взаимоприспособлений разных сил и в любых своих проявлениях несет на себе отпечатки такого происхождения.

В целом машинерия производства социального *Я* тяжела и громоздка и порой ломается. Тогда обнажаются составляющие ее механизмы: контролирование закулисной задней зоны, командный сговор, помогающая исполнению тактичность аудитории и т. д. Но, весьма текучие по природе, впечатления будут достаточно быстро оправляться от этой поломки, чтобы снова увлечь нас в поток одного из

возможных типов реальности: исполнение возобновится и наладится, появится устойчивое *Я*, соответствующее каждому исполняемому характеру, становящееся в дальнейшем внутренним самовыражением его исполнителя.

Перейдем теперь от индивида как представленного характерного персонажа к индивиду как исполнителю-работнику. Последний способен учиться, проявляя эту способность при подготовке к роли. Он предается мечтам и фантазиям: какие-то из них рисуют в его воображении радостные картины триумфального, победоносного исполнения, другие же омрачены тревогами, страхами, и навязчивыми мыслями о возможных жизненных провалах перед публикой в самой видной передней зоне. Он часто проявляет стадное чувство по отношению к товарищам по команде и к аудиториям, но также — такт и внимательность к их интересам. Он может испытывать глубокое чувство стыда, что заставляет его стараться минимизировать шансы любого возможного разоблачения.

Эти качества индивида как исполнителя — не просто описательный результат, выведенный из каких-то частных исполнений. Они психобиологичны по своей природе, и все же, по-видимому, формируются в тесном взаимодействии с постановочными возможностями разных исполнений.

И теперь последнее замечание. При развитии системы понятий, принятой в данной работе, был использован некий язык театральной сцены. Я говорил об исполнителях и аудиториях (публиках); о рутинных номерах, партиях и ролях; об исполнениях удавшихся или провалившихся; о репликах, сценических декорациях, реквизите, обстановке и закулисье; о драматургических требованиях, драматургическом мастерстве и драматургических стратегиях. Теперь пришла пора признать, что это злоупотребление простой аналогией, отчасти было лишь риторикой и тактическим маневром.

Изречение «весь мир — театр» достаточно общее место для всех, чтобы читатели знали о его ограниченности и были терпимыми к нему, поскольку всякий в любое время может легко убедить себя, что такие броские афоризмы не следует воспринимать слишком серьезно. Действие, поставленное в театре, представляет собой условную, придуман-

ную иллюзию, о чем все прекрасно знают. В отличие от обычной жизни, ничего реального или подлинного не может случиться с представляемыми на сцене персонажами, хотя на другом уровне рассмотрения, конечно же, может произойти нечто реальное и практически ощутимое с репутацией исполнителей как профессионалов, чьей повседневной работой являются театральные представления.

При таком вторжении реальности язык и маски сцены обычно отбрасываются. В конце концов, монтажные леса нужны, чтобы построить что-то другое, и воздвигаются они с последующим намерением снести их в свое время. Настоящее исследование на самом деле не интересовали элементы театра, которые проникают в повседневную жизнь. Его интерес был сосредоточен на структуре социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми — на структуре тех явлений в общественной жизни, которые возникают всякий раз, когда какие-либо лица физически присутствуют в пространстве взаимодействия. Ключевой фактор в этой структуре — поддержание какого-то единого определения ситуации, причем это определение должно быть выражено до конца вопреки множеству потенциальных срывов и потрясений.

Характер (персонаж), инсценированный в театре, в известных отношениях призрачен, не реален и не имеет таких реальных, практически важных последствий, каких способен натворить в жизни насквозь фальшивый персонаж, сыгранный мошенником. Но *успешное* инсценирование любого из этих вымышленных персонажей требует использования одинаково *реальных* технических приемов — тех самых приемов, при помощи которых обыкновенные люди выдерживают свои жизненно реальные социальные ситуации. Те, кто лицом к лицу взаимодействуют на театральной сцене — профессиональные актеры, тоже должны удовлетворять ключевому требованию реальных ситуаций: они обязаны выдерживать избранное определение ситуации, применяя подходящие средства самовыражения, иначе говоря, экспрессивно поддерживать общее определение ситуации. Но они делают это в тепличных условиях, облегчающих им применение соответствующей театральной терминологии для решения задач взаимодействия, которые все мы с ними разделяем.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Гофман Ирвинг

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Оформление *Н. Д. Саркитова*
Верстка *А. Н. Саркитова*
Корректор *В. А. Подолинская*

Издательство «КАНОН-пресс-Ц»,
113054, г. Москва, Стремянный пер., д. 31/1.

Серия ЛР № 066291

По вопросам реализации звонить: 113-31-31.
Региональным оптовым книготорговым
организациям обращаться:
111402, г. Москва, Вешняковская ул., 6-3-92.

Подписано в печать 12.03.00. Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolDL. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 3.000 экз. Заказ № 231

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в ППП типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

